

interaction

интеракция

interview

интервью

interpretation

интерпретация

INTER

4' 2023

Sketch «Hands Helping Each Other»

<https://www.vecteezy.com/vector-art/1851229-hands-helping-each-other-sketch>

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Российское общество социологов (РОС)

Интеракция. Интервью. Интерпретация
2023. Том 15. № 4
Interaction. Interview. Interpretation
2023. Volume 15. No. 4

ISSN (Online) 2687-0401

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2002 г.

Выходит 4 раза в год

2023. Том 15. № 4

DOI: 10.19181/inter.2023.15.4

Учредители	Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН) Российское общество социологов (РОС)
Издатель	Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Главный редактор	В. В. Семенова
Редакция	А. В. Ваньке Е. Ю. Рождественская А. В. Стрельникова И. Н. Тартаковская
Технический редактор	О. Н. Салангина
Компьютерная верстка	В. Е. Кудымов
Корректор	А. Н. Кокарева

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в [Перечень](#) ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа.

Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии
[Creative Commons Attribution 4.0 International Public License](#)

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе
на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.inter-fnisc.ru/>

© Интеракция. Интервью. Интерпретация, 2023
© Interaction. Interview. Interpretation, 2023

Редакционная коллегия

Главный редактор

СЕМЕНОВА Виктория Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Государственный академический университет гуманитарных наук; руководитель сектора, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), victoria-sem@yandex.ru

Редакция

ВАНЬКЕ Александрина Владимировна — кандидат социологических наук, доктор философии, научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), vanke@inbox.ru

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Елена Юрьевна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rigasvaverite@gmail.com

СТРЕЛЬНИКОВА Анна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), astrelnikova@hse.ru

ТАРТАКОВСКАЯ Ирина Наумовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Редакционная коллегия

АБРАМОВ Роман Николаевич — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rabramov@hse.ru

БРЕКНЕР Розвита — доктор философии, доцент, Университет Вены (Вена, Австрия), roswitha.breckner@univie.ac.at

ВАНЬКЕ Александрина Владимировна — кандидат социологических наук, доктор философии, научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), vanke@inbox.ru

ДЭВИС Кэти — доктор философии, профессор, Амстердамский свободный университет (Амстердам, Нидерланды), k.e.davis@vu.nl

ИНОВЛОКИ Лена — доктор философии, профессор, Франкфуртский университет прикладных наук (Франкфурт-на-Майне, Германия), linowlocki@fb4.fra-uas.de

КОЗИНА Ирина Марковна — кандидат социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), ikozina@hse.ru

КОСЕЛА Кшиштоф — доктор социологических наук, профессор, Варшавский университет (Варшава, Польша), k.kosela@is.uw.edu.pl

ОМЕЛЬЧЕНКО Елена Леонидовна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), omelchenkoe@mail.ru

СЕМЕНОВА Виктория Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Государственный академический университет гуманитарных наук; руководитель сектора, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), victoria-sem@yandex.ru

СТРЕЛЬНИКОВА Анна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), astrelnikova@hse.ru

- СУШКО Павел Евгеньевич** — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), sushkore@mail.ru
- ТАРТАКОВСКАЯ Ирина Наумовна** — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), I_Tartakovskaya@yahoo.com
- ЧЕРНОВА Жанна Владимировна** — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург, Россия), chernova30@mail.ru
- ЧЕРНЫШ Михаил Федорович** — член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, директор, ФНИСЦ РАН (Москва, Россия), mfche@yandex.ru
- ЧЕРНЯЕВА Татьяна Ивановна** — доктор социологических наук, профессор, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Саратов, Россия), tatcher@yandex.ru
- ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Елена Ростиславовна** — доктор социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), eiarskaia@hse.ru

Editorial board

Editor-in-Chief

Victoria V. SEMENOVA — Doctor of Sociology, Professor, State Academic University for the Humanities; Head of the sector, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), victoria-sem@yandex.ru

Editorial Team

Elena Yu. ROZHDESTVENSKAYA — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rigasvaverite@gmail.com

Anna V. STRELNIKOVA — Candidate of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), astrelnikova@hse.ru

Irina N. TARTAKOVSKAYA — Candidate of Sociology, Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Alexandrina V. VANKE — Candidate of Sociology, Doctor of Philosophy, Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), vanke@inbox.ru

Editorial Board

Roman N. ABRAMOV — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rabramov@hse.ru

Roswitha BRECKNER — PhD, Associate Professor, University of Vienna (Vienna, Austria), roswitha.breckner@univie.ac.at

Zhanna V. CHERNOVA — Doctor of Sociology, Leading researcher, SI RAS — FCTAS RAS (St. Petersburg, Russia), chernova30@mail.ru

Tatiana I. CHERNYAEVA — Doctor of Sociology, Professor, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin — the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saratov, Russia), tatcher@yandex.ru

Michael F. CHERNYSH — Corresponding Member, Doctor of Sociology, Director, FCTAS RAS (Moscow, Russia), mfche@yandex.ru

Kathy DAVIS — PhD, Professor, Free University Amsterdam (Amsterdam, Netherlands), k.e.davis@vu.nl

Elena R. IARSKAIA-SMIRNOVA — Doctor of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), eiarskaia@hse.ru

Lena INOWLOCKI — PhD, Professor, Frankfurt University of Applied Sciences (Frankfurt-am-Main, Germany), linowlocki@fb4.fra-uas.de

Krzysztof KOSELA — Doctor of Sociology, Professor, University of Warsaw (Warsaw, Poland), k.kosela@is.uw.edu.pl

Irina M. KOZINA — Candidate of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), ikozina@hse.ru

Elena L. OMELCHENKO — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg (St. Petersburg, Russia), omelchenkoe@mail.ru

Victoria V. SEMENOVA — Doctor of Sociology, Professor, State Academic University for the Humanities; Head of the sector, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), victoria-sem@yandex.ru

Pavel E. SUSHKO — Candidate of Sociology, Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), sushkope@mail.ru

Elena Yu. ROZHDESTVENSKAYA — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rigasvaverite@gmail.com

- [Anna V. STRELNIKOVA](#) — Candidate of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), astrelnikova@hse.ru
- [Irina N. TARTAKOVSKAYA](#) — Candidate of Sociology, Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), I_Tartakovskaya@yahoo.com
- [Alexandrina V. VANKE](#) — Candidate of Sociology, Doctor of Philosophy, Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), vanke@inbox.ru

Содержание

Письмо редактора	9
Теоретические дискурсы и дискуссии	11
<i>Анна Колотовкина</i> В одной лодке? Дебаты о методе в меняющемся эмпирическом поле	11
Полевые исследования	33
<i>Светлана Ярошенко</i> Труд и солидарность в XXI веке: векторы развития идей ИСИТО	33
<i>Петр Бизюков</i> Мониторинг трудовых протестов: результаты и направления анализа	36
<i>Лариса Петрова</i> Солидарность в музее: практики репрезентации социальных проблем в российских институциях современного искусства	56
<i>Светлана Ярошенко, Татьяна Лыткина</i> Причины (не)удачной солидарности гражданского общества в России: профессионализм без альтруизма	75
<i>Владимир Ильин</i> Визуальные социологические данные как социальный конструкт	97
Исследовательская рефлексия	115
<i>Дмитрий Rogozin</i> Протокол завершения интервью	115

Contents

Editor's Letter	9
Theoretical Discourses and Debates	11
<i>Anna Kolotovkina</i> In the Same Boat? "Methodological Debates" in a Changing Empirical Field.....	11
Field Work Research	33
<i>Svetlana Yaroshenko</i> Labor and Solidarity in the 21st Century: Dimensions for the Development of ISITO Ideas.....	33
<i>Petr Bizyukov</i> Monitoring of Labor Protests: Results and Directions of Analysis	36
<i>Larissa Petrova</i> Solidarity in the Museum: Practices of Representation of Social Problems in Russian Institutions of Contemporary Art	56
<i>Svetlana Yaroshenko, Tatyana Lytkina</i> Reasons for the (un)successful solidarity of civil society in Russia: professionalism without altruism.....	75
<i>Vladimir Ilyin</i> Visual sociological data as a social construct	97
Research Reflection	115
<i>Dmitry Rogozin</i> Interview Completion Protocol	115

Письмо редактора

Последний в 2023 году номер «Интера» посвящен преимущественно двум большим темам, которые относятся к числу ключевых для нашего журнала: во-первых, методологической и методической рефлексии, во-вторых, исследованиям солидарности в различных социальных средах. Обе темы чрезвычайно актуальны для современного общества: необходимость в солидаризации для защиты своих интересов, для осознания своей идентичности, для ответа на вопросы «кто я?» и «с кем я?» кажется насущной для каждого гражданина. А рефлексия по поводу методов, с помощью которых общество осознает само себя, их адекватности поставленным задачам, возможных искажений, и в то же время возможности дать голос исключенным группам становится особенно важной в моменты критических изменений.

Ядро номера составляет тематическая подборка «Труд и солидарность в XXI веке: векторы развития идей ИСИТО», предваряемая предисловием Светланы Ярошенко. ИСИТО (Институт сравнительных исследований трудовых отношений) был одним из самых ярких независимых исследовательских проектов 1990–2000-х годов в России. В режиме реального времени социологи наблюдали масштабные трансформации, проходившие под влиянием перехода к рыночным отношениям на промышленных предприятиях и в обществе в целом. Сам проект закончился в начале 2010-х, оставив после себя не только коллектив исследователей, продолжающих академическое сотрудничество, но и сформировавшуюся профессиональную традицию, связанную с чрезвычайным вниманием к изучению трудовых отношений, конфликтов, неравенства и солидарностей. Именно возможностям и ограничениям солидарностей в современном российском обществе посвящены статьи Ларисы Петровой, Светланы Ярошенко и Татьяны Лыткиной.

Другим важным аспектом деятельности ИСИТО было внедрение качественных методов в исследовательские практики позднесоветских социологов — в этом отношении это был один из первых научных коллективов, широко их применявший. Такой опыт создал хорошую базу для методической рефлексии, и ей посвящены статьи Петра Бизюкова, описывающего свой длительный опыт изучения трудовых конфликтов, и Владимира Ильина, размышляющего над возможностями и ограничениями применения визуальных методов в социологии.

Подробнее о содержании статей из этой подборки вы можете узнать из вступительного текста к ней, а здесь я хотела бы сказать, что она посвящается памяти профессора Саймона Кларка, основателя и вдохновителя этого международного проекта, ушедшего из жизни год назад.

Вниманию читателей также предлагается интересная статья Анны Колотовкиной «В одной лодке? «Дебаты о методе» в меняющемся эмпирическом

поле». Автор ставит перед собой амбициозную задачу подвести некоторый промежуточный итог в истории борьбы, сосуществования и, наконец, диалога между количественными и качественными методами в социологии. Этим дебатам уже много лет, и они во многом определяют состояние профессионального поля социологии в целом. На основе обширного анализа научной дискуссии А. Колотовкина демонстрирует, что «поиск точек соприкосновения и возможностей методологического сотрудничества — тенденция, которая во многом определяет дизайны современных исследований, выбор инструментов для сбора и анализа информации. Это сотрудничество может быть рассмотрено и как «смешанная» методология, и как последовательная работа» (с. 25). Таким образом, читатели могут сделать важный вывод о том, что выбор количественной или качественной стратегии исследования уже не является непреодолимой дилеммой: в современных исследованиях есть множество способов их сочетать, опираясь на преимущества и достоинства каждого подхода, которые, наконец, могут не «отменять» друг друга, а продуктивно взаимодействовать.

Наконец, последний текст номера — статья Дмитрия Рогозина «Протокол завершения интервью», посвященная как будто бы очень узкому, но в то же время крайне важному для полевой работы сюжету. Этот небольшой текст, базирующийся на множестве проведенных исследований, напоминает нам, что сам исследователь является *«основным базовым инструментом получения информации, установления отношений и сохранения этически осмысленной позиции, то есть для удовлетворения собственного исследовательского интереса при отсутствии угроз тем, кто этот интерес удовлетворяет»* (с. 121), а также что смыслы в исследовании должны находить все его участники, в том числе те, кто тратит свое время на то, чтобы поделиться нужной для нас информацией. И это очень важная отсылка к базовым гуманистическим основаниям социальных исследований.

Интересного чтения!

Редактор номера
Ирина Тартаковская

Теоретические дискурсы и дискуссии

DOI: 10.19181/inter.2023.15.4.1

EDN: UXGCDQ

В одной лодке? Дебаты о методе в меняющемся эмпирическом поле

Ссылка для цитирования:

Колотовкина А. С. В одной лодке? Дебаты о методе в меняющемся эмпирическом поле // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 4. С. 11–32. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.4.1> EDN: UXGCDQ

For citation:

Kolotovkina A. S. (2023) In the Same Boat? "Methodological Debate" in a Changing Empirical Field. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 15. No. 4. P. 11–32. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.4.1>

Колотовкина Анна Сергеевна

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: annykolotovkina@gmail.com

Статья посвящена анализу современных методологических дебатов. Это классический спор, который, однако, не следует упрощать: методы, парадигмы и исследовательские стратегии образуют системы, выходящие за пределы дихотомии «качественный vs количественный». Дебаты находятся в центре внимания, поскольку, во-первых, эмпирические тексты сегодня пишут, читают и цитируют чаще теоретических, во-вторых, появляются новые данные и способы их анализа, в-третьих, одновременно возникают общие места и углубляются методологические противоречия.

Одно из ключевых различий между сторонниками качественных и количественных методов — парадигмы, лежащие в основе их работы. Однако соответствия между парадигмой и методом не всегда универсальны: в качественной методологии может наблюдаться как интерпретативное, так и постпозитивистское течение, а некоторым количественным исследователям оказываются близки идеи авторской рефлексии и стэндпойнта.

Инструменты, в основе которых лежит искусственный интеллект, могут упрощать работу исследователя, решая часть рутинных задач, доступность

больших данных позволяет выйти за пределы опросных и статистических баз данных и анализировать новые поля. Тем не менее развитие новых инструментов приводит к ряду проблем. Это вопросы, связанные с цифровой грамотностью и неравенством навыков, этикой и непрозрачностью производства данных. Совместная методологическая работа, возможно, сможет сгладить трудности такого рода и усилит позиции социологии в эпоху меняющихся данных и конкурирующих подходов.

Ключевые слова: качественные методы; количественные методы; большие данные; парадигмы; посткачественный поворот

Методологическая дихотомия ироничным образом находится в двойственном положении: это спор одновременно давний или все еще требующий прояснений; слишком сложный для разрешения или исходящий из ложных предпосылок; отвлекающий от истинных проблем или ключевой для социологической науки. Какой бы ни была точка зрения по поводу существенности дебатов и позиций их сторон, не замечать эту дискуссию нельзя — эмпирические тексты в социальных науках сегодня читают и цитируют чаще теоретических [Jamali, 2018]. Кроме того, дебаты о методах заметны в учебных пособиях и программах (на факультетах социологии, например, распространено четкое деление на качественные и количественные методологические треки). Это же происходит в онлайн-образовании, на конференциях, и — не всегда артикулированно, но все же явно, — в публикациях. Так, работы, использующие количественные и качественные методы, имеют разные стратегии цитирования и публикации: некоторые исследования показывают, что качественная методология чаще встречается в монографиях, количественная — в журналах [Swygart-Hobaugh, 2004]¹.

В российской науке методологические дебаты в полной мере не состоялись, хотя все же произошла попытка дискуссии. В 1994 году вышел текст Г. Батыгина и И. Девятко «Миф о качественной социологии» (по мотивам доклада), а десять лет спустя на него ответил В. Воронков («Этот безумный, безумный, безумный количественный мир»). Обе статьи полемизировали одновременно и с идеей методологической дихотомии, и с возвышением конкретных методов. Батыгин и Девятко критиковали некоторые формы качественной методологии за размывание предмета социологии и, как следствие, риск квазинаучности, а Воронков отмечал неоправданное превалирование количественных методов и негативные последствия «власти цифр» [Батыгин, Девятко, 1994; Воронков, 2004].

Данный обзор посвящен состоянию дебатов о методах в современной социологии. Несмотря на давность дискуссии, ее старые вопросы далеко не решены и в сочетании с новыми образуют причудливые методологические

¹ Аналогичные паттерны наблюдаются и при цитировании. При этом количественные исследователи чаще цитируют других количественных исследователей, а качественные ссылаются на всех [Swygart-Hobaugh, 2004].

химеры. Исследование этой связи представляется актуальным, поскольку с развитием, например, систем искусственного интеллекта и больших данных качественные и количественные методы находятся в состоянии постоянной трансформации. Изменения касаются источников (помимо традиционных баз опросных и статистических данных нам становятся доступны разнообразные цифровые следы), обработки данных (сервисы, облегчающие труд исследователя), анализа (усложненные математические методы, визуализация, объединение данных из разных источников) и др. Меняется и исследовательская позиция: возрастают требования к цифровым навыкам (вне зависимости от характера данных) и к гибкости (например, быстрая перестройка дизайна под онлайн-инструменты в случае ограничений очной работы).

Прежде всего я кратко опишу особенности качественной и количественной методологии, затем перейду к актуальным для них противоречиям — в свете классических и современных эпистемологических различий. В этой части будет показано, что, несмотря на несовместимость некоторых теорий и эпистемологических подходов, связь между авторской философской позицией и используемым методом не всегда прямая. Мы можем говорить не столько о сложившихся парах «теория + метод», сколько о многоступенчатых системах выбора. Вторая часть статьи посвящена трендам в области эмпирических данных, которые неожиданным образом сближают качественные и количественные методы. Это сближение может быть результатом общей методологической уязвимости и неопределенности или же, наоборот, следствием упрощения совместной работы. В заключении я подведу основные итоги состояния методов на современном этапе, доказывая, что отношения между ними намного сложнее классического различения «качественный vs количественный».

Качественные и количественные исследования: основные понятия

Следует начать с основных понятий, однако сформулировать единое определение качественного исследования трудно: оно не основано на конкретной теории и включает в себя разнообразие методов и потенциальных данных [Rahman, 2020]. Для Уве Флика [Flick, 2019] качественный анализ связан с субъективным восприятием информанта и социальным конструированием происходящих событий (практик). В определении Ансельма Страусса и Джульет Корбин [Страусс, Корбин, 2001] качественный анализ противопоставляется статистическому и обращен к множественности реальностей (опыт человека, жизнь социальной группы, эмоции, поведение и др.). В задачи качественного анализа включают: объяснение индивидуальных случаев; внимание к зависимой переменной; отдельное изучение отличающихся случаев и др. В центре качественного исследования — изучаемая концепция (та самая зависимая переменная) для конкретных случаев. Независимые переменные здесь

предстают, скорее, как неопределенная сумма факторов, индивидуальный эффект каждой из них не замеряется [Mahoney, Goertz, 2006].

В свою очередь, определение количественного анализа включает в себя метод квантификации и вопросы к данным, сформулированные в количественной логике («сколько», «в какой степени» и др.) [Rahman, 2016]. В количественных исследованиях оцениваются не индивидуальные случаи, а связи, выявленные на больших выборках, поэтому отклоняющиеся случаи не играют большой роли. Основное внимание уделено независимым переменным, то есть отдельным эффектам, воздействующим на изучаемый феномен. Соответственно, в результате количественного анализа может быть найдено бесконечное количество причинно-следственных связей [Mahoney, Goertz, 2006].

Насколько актуально для современной социологии использование терминологии «качественный — количественный»? Количественный анализ аннотаций научных текстов показывает, что термины «качественный» и «количественный» *per se* в публикациях используются относительно редко [Schwemmer, Wiczorek, 2020]. Анализ аннотаций научных статей, выполненных в разных методологиях, показал, что более надежными маркерами являются такие слова, как «дискурс» (для качественной методологии) и «статистически значимый» (для количественной методологии). Существует некоторая связь между тематикой публикации и выбранным методом, однако есть темы, где происходит методологическое пересечение (например, в исследованиях неравенства) [Schwemmer, Wiczorek, 2020]. О чем это говорит? Возможно, о том, что терминология «качественный — количественный» не подходит для конкурирующих сторон и они ищут иные способы различения.

Методологии предлагают разделять на экспериментальные vs неэкспериментальные (дескриптивные) [Creswell, 2009]; опирающиеся на переменные и опирающиеся на свидетельства [Abell, 1990]; генерация vs. верификация [Didier, 2022]; статистика vs. логика; поиск «причин эффектов» vs. «эффектов причин»; оценка эффекта vs. оценка результата, а также исследование населения vs. исследование кейса [Mahoney, Goertz, 2006].

Еще один способ разговора о методах — переключение фокуса на данные, когда количественными или качественными будут они, а не метод сбора [Moon et al., 2019], или же на первый план выходит парадигма [Olson, 1995; Schutt, 2019]. Исследовательская парадигма связана с предпосылками о назначении работы, построением дизайна, поведением в поле и анализом данных. Кроме того, имплицитно или явно выраженная парадигма влияет на характер итогового текста, публикационные стратегии, посещение конференций и включение в академические сети. Это еще одна форма различения, которую часто рассматривают вкуче с вопросом о методе — предполагается, что дискуссия о парадигмах углубляет методологический конфликт. Далее мы поговорим о соотношении парадигмы и метода и определим целесообразность описанных различий.

О чем спорят методы? Линии методологического размежевания

Классические эпистемологии и парадигмы

Различение «качественный — количественный» иногда понимается как эпистемологическое: противоречия не столько в методе, сколько в исследовательской парадигме. Парадигмы формируют сети взаимодействий ученых и публикаций их работ [Schwemmer, Wieczorek, 2020]. «Успешность» парадигм связана с символическим [Bourdieu, 1985] рынком академического престижа, который воспроизводит иерархии и создает репутации [Merton, 1968]. При этом сами по себе рынки не возвышают одни парадигмы или методы над других — это связано с демаркацией, проведением границ [Schwemmer, Wieczorek, 2020]. Согласно принципам академической демаркации, один из участников конфликта заполняет публичное пространство таким образом, что его парадигма оказывается лидирующей и выглядит наиболее валидной [Lamont, Molnár, 2002]. Социологию в таком случае можно представить как науку, находящуюся в состоянии эпистемологической вражды¹.

Выделять парадигмы можно по-разному, но в большинстве современных классификаций расхождение прослеживается вокруг линии позитивизма/постпозитивизма и конструктивизма (интерпретативизма). Позитивизм и постпозитивизм объединены убежденностью в существовании объективной реальности, однако постпозитивисты считают возможности ее познания ограниченными и не стремятся к выработке универсальных законов. В этой логике качественные методы используются для генерации гипотез или для триангуляции количественных данных [Moon et al., 2019; Новое время..., 2021]. Интерпретативный подход, идейно близкий конструктивистским теориям, перенес исследовательское внимание на опыт переживания реальности и ее интерпретации [Crotty, 1998; Mottier, 2005]. Целью исследования в таком случае становится описание индивидуальных взглядов (подробное, но, очевидно, неполное).

Некоторые теоретические подходы действительно несовместимы, поскольку исходят из противоположных предпосылок (отношение к реальности, цели исследования, политической позиции ученого и др.) [Новое время..., 2021]. Возможно, здесь кроется одна из причин возникновения и поддержания методологического конфликта — ошибочное приписывание каждой теории своего метода и, таким образом, переход концептуальных дебатов в методологические. Исследователи пишут о разнообразии комбинаций тем, методов, способов анализа, отношений с объектом исследования, а значит, система гораздо более гибкая и не предполагает однозначного выбора между

¹ При этом ученые из противоположных лагерей тянутся к естественным или гуманитарным наукам [Schwemmer, Wieczorek, 2019]. «Естественники» связаны с позитивизмом, критериями фальсификации и дедуктивной логикой, а «гуманитарии» ближе к конструктивизму, построению теории и индуктивной логике. Однако саму идею прямого сопоставления социологии и других наук можно критиковать: например, естественные науки неоднородны как сейчас, так и на предыдущих этапах своего развития (трудно сравнивать, например, современные физику и биологию между собой, так же как и античную медицину с современной) [Hammersley, 2017].

позитивизмом и интерпретативным подходом или между качественным и количественным методом.

Многообразие соединений теории и метода хорошо видно на примере современных качественных исследований. Если изучать их с точки зрения парадигм, в них отчетливо видны позитивистское и интерпретативное течения. Первое набирает популярность вместе с расширением областей применения качественных методов и сопутствующей этому процессу институционализацией и формализацией данных и процедур, что идет вразрез с посткачественной методологией [Knoblauch, 2013]. Кроме того, современные исследования, вне зависимости от парадигмы, постоянно сталкиваются с преобладанием доказательного подхода. Распространенный не только в медицине, но и, например, в социальной политике, образовании, управлении организациями и др., доказательный подход предполагает существование объективной реальности, познаваемой научными методами (прежде всего с помощью экспериментов, основанных на качественных и количественных данных) [Новое время..., 2021]. В этой логике классический для качественного подхода этнографический метод может вытесняться как недостаточно доказательный [Torrance, 2019: 2].

Особенность современных эпистемологий в том, что они, во-первых, не связаны с какой-то одной только конкретной дисциплиной, во-вторых, зачастую рассматриваются как самостоятельные исследовательские области, в-третьих, неоднородны и постоянно разделяются на новые ветви. Далее я дам краткий обзор трех эпистемологических тенденций, которые прямо или опосредованно влияют на социологические методы, зачастую углубляя противоречия между ними: постструктурализм и посткачественный поворот, феминистские подходы к методологии и поворот к материальному.

Постструктурализм и посткачественный поворот

Постструктуралисты, наверное, наиболее радикальные современные критики методологических подходов. Они призывают отказаться от любых теоретических и эмпирических предпосылок и работать в поле «с нуля». Постструктурализм отрицает идею репрезентации реальности в исследованиях, вместо этого призывая к экспериментированию и созданию нового. Критикуется и идея «сбора данных»: данные не могут быть отделены от человека и потому не подлежат измерению [St. Pierre, 2021]. Конечный результат исследования тоже не совпадает с привычным в академическом мире: постструктуралисты отрицают концепт «научного открытия» как явно позитивистский термин [Johnson et al., 2010].

Это не столько методология, сколько философия работы [St. Pierre, 2021], которая изменила характер в первую очередь качественных исследований (внимание к локальным практикам, индивидуальному опыту, сопротивлению глобальному порядку), но не была и вряд ли будет реализована до конца. Полный отказ от бэкграунда невозможен, в особенности если исследователь продолжает находиться в академической среде. Это касается и теоретических установок, и применяемой методологии.

Постструктурализм, как уже было сказано, оказал наибольшее влияние именно на качественную методологию из-за общности некоторых вопросов (знание, стэндпойнт, роль исследователя). В результате в посткачественных исследованиях актуализировалась проблема «эпистемического насилия» (epistemic violence) — явления, при котором, как считается, голоса исследуемых вытесняются голосом исследователя [Busch, Franko, 2022].

Посткачественный подход открыт к изменениям картины мира, однако здесь кроется ряд противоречий. От посткачественного исследователя ожидается внимание к разнообразию эпистемологий и стэндпойнту информантов, но тогда появляется риск культурной апроприации. Кроме того, подробное изучение жизненного мира информанта и внимание к его опыту может оказаться излишним вмешательством и нарушением этики работы в поле [Gerrard et al., 2017].

Современные исследователи по-разному относятся к присущей им предвзятости (bias), пытаются устранить ее или же, наоборот, признать. Если ученый признает личную субъективность, он может использовать ее в работе. Исследователь может устанавливать отношения с исследуемыми, проявлять эмпатию и участие в их жизни. Признание субъективности может быть выражено в итоговом тексте, когда автор явно обозначает для читателей свою позицию в поле [Olson, 1995]. Хотя эта проблематика кажется наиболее актуальной для качественных исследователей, рефлексия о позиции исследователя распространяется и за ее пределы. Например, недавняя обзорная статья, посвященная анализу программ для работы с одаренными детьми, в начале содержит такой текст: *«Я пишу эту статью как один из самых привилегированных людей на планете. Оба моих родителя были выпускниками колледжа. <...> Я вырос в пригороде, в семье с высоким доходом. Я ездил в летний лагерь каждый год, никогда не задумываясь о его стоимости. Я белый, мужчина, протестант, штатный профессор. <...> Я стараюсь помнить, что с привилегиями приходит ответственность помогать тем, кто менее привилегирован, и в то же время осознаю, что я никогда не пойму, как человек другой расы воспринимает мир или каково это — жить в крайней нищете. Именно эти убеждения мотивируют меня работать в области исследований образования»* [Peters, 2022: 1–2].

Автор статьи ссылается на разнообразные количественные данные и пишет с позиции доказательного развития образовательной политики, однако считает нужным обозначить свой стэндпойнт и мотивацию выбора исследовательской области. Стэндпойнт — изначально понятие феминистской критики, постепенно ставшее общим местом в социальных исследованиях. Далее мы поговорим о роли феминистских подходов в развитии социологических методов.

Феминистские подходы к методологии

Важно пояснить, что на современном этапе единой «феминистской перспективы», как и единой методологии, не может быть из-за теоретического и идеологического разнообразия, а зачастую и конфликтов в этом поле [Westmarland, 2001]. Тем не менее элементы феминистской критики методов можно наблюдать на протяжении последнего столетия. Изначально критика относилась к позитивизму и количественным методам, не учитывавшим специфику женского

опыта (квантификация распространяла знания о «среднем человеке» на мужчин и женщин в равной степени) [Hall, 2015]. Вторая волна феминизма (1960-е) привела к обсуждению знания: кто, каким образом производит знание и как оно используется [Westmarland, 2001]. Феминистская критика, являясь частью проекта радикальной социологии, была обращена на отношения власти и использование данных для укрепления неравенства и несправедливости.

С 1980-х годов развивается теория стэндпойнта. Согласно этой позиции, женщинам доступно более полное знание, поскольку их гендерный (а возможно, также расовый и классовый) опыт отличается от мужского, чье доминирование делает картину мира более ограниченной. Среди критиков стэндпойнта — Донна Харауэй и другие постмодернистские авторы, отрицающие возможность познания объективной реальности и считающие любое знание ситуативным [см. обзор у Westmarland, 2001]. Интерпретация Харауэй впоследствии распространилась на посткачественную социологию, в которой признается существование стэндпойнта, однако он никогда не является преимуществом — только позицией, которая должна быть отрефлексирована [Gerrard et al., 2017; Liu, 2022].

Феминистские исследователи оказали влияние на развитие методов, сделав более распространенной практику включения информантов в процесс исследования. Изменения произошли и в принципах проведения интервью, что нашло отражение в современных учебных пособиях [Westmarland, 2001]. Влияние феминистской критики особенно заметно в междисциплинарном поле. Метод устной истории использует принципы качественного феминистского исследования: этические ограничения, внимание к опыту, эмпатия, бережность при обращении с данными. Интервью исследователей памяти имеют не только академическую, но и активистскую ценность — что, опять же, характерно для феминистских исследований [Hirsch, Smith, 2002].

Далеко не все феминистские критики настроены против использования количественных методов: отмечается их польза для привлечения внимания государства к проблемам женщин. Чтобы количественные методы стали более инклюзивными, нужно формулировать вопросы с учетом контекста, использовать близкий респонденту язык, проводить исследования на темы, актуальные для разных социальных групп [Westmarland, 2001]. Предугадать дальнейшее развитие феминизма и «количественной социологии» трудно: с одной стороны, большие данные связаны с контролем, что противоречит феминистскому подходу. С другой — развитие цифровых профессий, увеличение участия женщин в IT и появление новых форм эмпирических исследований может повлиять на феминистские эпистемологии и, как следствие, изменить их отношения с количественными методами.

Поворот к материальному и новые исследования

Кажется, что вопросы, связанные с техникой, тематически ближе к квантификации и другим практическим задачам. Однако внимание к цифровому миру, разнообразным устройствам и поведению в виртуальном пространстве — это зона интереса витального материализма, теории, которая связывает человеческих и нечеловеческих акторов (*non-human agents*) [Bennett, 2010: 47].

Витальный материализм рассматривает человека как изначально не только человеческое существо. Близкие идеям витального материализма посткачественные исследования обращают внимание на то, как производится «человечность», как происходит взаимодействие человека, технологий и данных [Jewitt et al., 2016]. В этой логике мы можем, например, рассматривать персональную информацию как ассамбляж человека и технологий, с помощью которых он оставляет цифровые следы. Эти ассамбляжи эмоционально нагружены: в качестве примера можно привести скандалы с утечками данных или слежкой интернет-компаний за пользователями — это истории о страхе, чувстве небезопасности и угрозы, конфликте [Lupton, Watson, 2021].

Вовлеченность в отношения с материальными объектами, местами и соседями по планете влияют на субъекта и изменяют его. В качестве примеров можно привести исследовательские проекты, использующие сенсорную и звуковую этнографию, анализ физической активности, рукоделие, создание коллажей, дизайн и даже строительство с использованием «Лего» [Lupton, 2019; Lupton, Watson, 2021].

Связь человека с разного рода материальными ограничениями отчетливо проявилась в период пандемии, когда взаимодействие с внешним миром обострилось, сделавшись потенциально опасным. В это время развилось использование методов, находящихся на стыке науки и творчества, например, рисование онлайн-комиксов и создание цифровых дневников, позволяющих использовать не только текст, но и фото, музыку и другие форматы. Близкий этому метод — создание зинов, как индивидуальных, так и коллективных. Второй формат решает традиционную для фокус-группы проблему, когда одни участники говорят больше других: создание коллективного арт-проекта позволяет сделать заметным высказывание каждого [Lupton, Watson, 2021].

Примечательно, что крупные количественные исследования, обычно подверженные быстрым изменениям, в период пандемии сохранили свой традиционный облик. Так, в 2020–2021 гг. в 12 странах был проведен опрос REDS (Responses to Educational Disruption Survey), посвященный опыту школьного обучения в условиях пандемии COVID-19¹. Этот опрос сохранил в себе формат классических сравнительных исследований образования: объем, тип данных и целые блоки вопросов остались неизменными, несмотря на заложенную в описании проекта мысль о беспрецедентном состоянии школы в период локдауна.

Несмотря на то что исследователи по всему миру оказались в схожих условиях, качественная и количественная методологии развивались совершенно по-разному: от внесения небольших изменений до создания новых форм работы². Это может указывать как на большую гибкость качественных методов, так и на некоторую их расплывчатость: по сути, любая форма исследовательской работы становится научно легитимной, если ученый считает ее таковой.

¹ Responses to Educational Disruption Survey // IEA. URL: <http://www.iea.nl/studies/iea/REDS> (accessed 2 June 2023).

² Кстати, некоторые качественные исследователи тоже использовали знакомые методы для новых тем — изучались, например, азиатские сообщества солидарности и поддержки тех, кто сталкивается с дискриминацией из-за китайского происхождения вируса [Southern et al., 2022].

Общие методы, общие проблемы: перспективы методологического примирения

Появление новых данных и способов их анализа, усложнение исследовательских процедур потенциально сглаживают методологические противоречия, поскольку границы между типами данных становятся все более зыбкими, а значит, прежняя демаркация теряет свою актуальность. Кроме того, возрастают требования к экспертизе — в смысле критического внимания к процессу сбора данных и навыков для дальнейшего их анализа. В этой части мы рассмотрим перспективы методологического сближения и общие проблемы, с которыми сталкиваются современные социальные исследователи.

Микс-методы: третья парадигма или уход от проблемы?

Микс-методы предполагают последовательное или параллельное обращение к качественным и количественным методам. Иногда этот подход считают «третьей методологией», а иногда — аналогом триангуляции [Denzin, 2012; Flick, 2017]. При этом то, что мы называем смешанными методами (mixed methods), активно использовалось еще до появления термина — например, исследователями Чикагской школы. Она была вдохновлена антропологическими исследованиями Боаса и Малиновского и стала своего рода лабораторией для изучения социальных феноменов и включенного наблюдения [Hall, 2015].

Одни исследователи обращаются к смешанным методам для уточнения данных и результатов, другие скорее упрощают работу с основным методом с помощью дополнительного (например, проводят пилотные интервью перед составлением опроса) [Baškarada, Koronios, 2018]. Кроме того, смешанные методы могут применяться для поиска контрастов и нестыковок в информации, переработки исследовательского вопроса, расширения выборки и др. [Greene et al., 1989].

Существующая сегодня имплицитная демаркация социологических журналов и ожидающихся в них форматов статей зачастую предполагает выбор качественного или количественного лагеря, в результате чего попытка совмещения оказывается маргинализированной в публикациях [Schwemmer, Wiczorek, 2020]. Кроме того, микс-методы критикуют за частое отсутствие теоретических оснований, иными словами, чистую методологию [Pierre, 2014]. Однако интерес к смешанным методам возрастает — в том числе потому, что идея «чистой методологии» логически сочетается с «чистыми данными», о которых речь пойдет дальше. Сегодня встречаются исследования, применяющие, например, этнографию и дата-майнинг текста [Carogna, 2023]. Новые методы кажутся особенно подходящими для тех данных, которые в меньшей степени подверглись воздействию со стороны исследователя. Далее мы попробуем разобраться, возможны ли такие данные и как устроена методологическая работа с ними.

Чистые данные?

Существуют ли «чистые данные», анализ которых позволит сформулировать представление об объективной реальности? Это давняя дискуссия, вышедшая на новый виток в связи с развитием больших данных. Сторонники естественности данных считают, что задача исследователя — исключительно фиксирование событий и взаимодействий и последующий анализ собранных материалов [Potter, Shaw, 2018]. Однако происходящее в институциях (например, в зале суда) не более естественно, чем лабораторный эксперимент [Hammersley, 2017], да и практически любое взаимодействие можно рассматривать как социально сконструированное. Кроме того, сама по себе информация (текст в интернете, разговор в метро, выступление на радио) не является данными. Исследователи конструируют их в процессе сбора или анализа, превращая информацию в нечто подходящее для работы [Flick, 2019]. Для превращения чего-то в данные нужно, чтобы «теория признала это данными» [St. Pierre, 2011: 621].

Если мы говорим о наблюдении, то стоит помнить про угол зрения — исследователь фиксирует все, что видит, но что именно он видит [Flick, 2019]? Значительная часть взаимодействий, сигналов, деталей может ускользать из описания, поскольку они кажутся незначительными, непонятны без знания контекста или же просто вследствие ограниченной экономики внимания. Кроме того, нужно признать, что любая исследовательская деятельность — это вмешательство, которое изменит если не само поле, то точно характер получаемых данных. Даже если допустить, что ученый в поле не раскрывает своей академической принадлежности (что этически сомнительно для ряда дисциплин), само по себе его нахождение может прямо или косвенно повлиять на происходящие события. А значит, интервью или наблюдение породит не более «чистые» данные, чем составление и анализ количественных метрик [Батыгин, Девятко, 1994].

Количественные исследователи тоже не застрахованы от «эффекта присутствия»: например, автоматизированный парсинг¹ данных может нарушить работу сайта, а в перспективе привести к изменениям в политике крупных сайтов (например, «ВКонтакте» предлагает собственный инструмент для сбора и анализа открытых данных, а X (бывший «Твиттер») блокирует любые попытки парсинга).

Вне зависимости от того, являются ли данные естественными или сконструированными, процесс их производства и сбора ускорился как никогда. Далее мы поговорим о больших данных и некоторых связанных с ними методологических трудностях.

Большие данные, датафикация и цифровые навыки

Власть чисел не безгранична: академические и прикладные исследования критикуют достоверность квантификации в самых разных областях. Например, применение количественных методов в изучении образования долгое время

¹ Парсинг — автоматизированный сбор информации с одного или нескольких интернет-сайтов с использованием специально написанной программы или стороннего сервиса.

было рекомендовано как золотой стандарт, однако современные исследования ставят под сомнение достоверность этих результатов [St. Pierre, 2021].

Тем не менее в наибольшей степени прогресс заметен в количественных методах: растет число публикаций, в которых используется математический анализ. Развиваются методы причинно-следственного вывода, моделирование, сетевой анализ и другие способы работы со структурными данными. Появляются новые возможности для сравнения, например, многоуровневое моделирование позволяет сопоставлять характеристики индивида (школьник) и группы (школьный класс, регион, страна). В междисциплинарных исследованиях могут сопоставляться также исторические и социологические данные. Сбор и анализ данных облегчают инструменты для записи и обработки информации. Следы «датафикации» [Van Dijck, 2014] можно найти в проведении предвыборных кампаний, оценке социальной политики, рекламных акциях, организации работы социальных сетей, в сферах аудита, армии, безопасности и др.

В чем проблематичность этой воплотившейся мечты? Если раньше трудности вызывал сбор данных, то сегодня — работа с уже имеющимися [Franzosi, 2021]. Прежде всего возникает вопрос цифровых навыков, среди которых информационная грамотность, технические знания (включая владение математическими методами и знакомство с *hard science* в целом) и знания статистики [Сарогна, 2023]. Повышаются входные требования к социологической работе, и это сразу вскрывает ряд неравенств (количество женщин в IT-сфере, качество преподавания информатики в разных школах, скорость интернета в сельской местности). Кроме того, работа над проектами с открытым исходным кодом чаще всего требует владения английским языком. Это означает, что технологии, связанные прежде всего с обработкой естественного языка, искусственным интеллектом, голосовыми помощниками и др., будут развиваться и использоваться неравномерно.

Другая проблема — дисциплинарная. С одной стороны, мы наблюдаем большое количество доступных данных и разнообразие инструментов для обработки, анализа и представления результатов исследований. С другой — значительное количество этих инструментов социология заимствует у коллег [Abell, 1990], а объем данных превышает возможность их анализа, что приводит к обратному оттоку [Сарогна, 2023].

Еще одна дисциплинарная слабость — недостаточное осмысление, концептуализация имеющихся данных. Власть называть феномены, таким образом, тоже переходит к исследователям из других дисциплин или в неакадемическую среду. Способность бесконечно генерировать расчеты и строить модели не имеет научного смысла без хорошо проработанных теорий, поэтому помимо совершенствования технологий необходима серьезная академическая работа [Abell, 1990]¹. Получается, что в мире больших данных социология отстает и с технологической, и с технической точки зрения.

¹ Некоторые качественные и количественные методы могут быть близки по механике работы: например, обоснованная теория схожа с эксплораторным факторным анализом. Задача этого количественного метода заключается в поиске взаимосвязей и паттернов среди переменных и превращении этих переменных в меньшее количество факторов. Сопоставление переменных в матрице корреляций напоминает постоянный сравнительный анализ в обоснованной теории.

Наконец, четвертая проблема связана с контролем над объектом исследования. Ученые, работающие со вторичными данными, имеют ограниченный контроль над процедурой их сбора [Сарогна, 2023]. При этом количественные исследователи постоянно обращаются к одним и тем же данным, поскольку формат базы данных позволяет удобное реплицирование, проведение новых исследований, обучение и другие способы анализа [Schwemmer, Wiczorek, 2020].

Каждый сталкивался с нехваткой или избыточностью переменных, неочевидными операционализациями и другими артефактами, оставшимися от составителей опросов и баз данных. В случае, если к таким создателям прибавляются искусственный интеллект и другие автоматические системы, итоговые данные будут вызывать еще больше трудностей.

Качественные исследователи охотно обращаются к данным нового типа. Анализ интернет-материалов (в частности, видеороликов) существует уже достаточно долго, но если раньше основным источником прямого эфира и спонтанной речи были, например, стримы, то теперь в интернете появились записи онлайн-конференций, семинаров, иных встреч, которые демонстрируют естественную коммуникацию в разных средах. Во время пандемии социальные ученые обратили внимание на такие цифровые следы, публикация которых за последние несколько лет стала более распространенной практикой.

Интересно, что в качественных исследованиях технооптимизм может быть выше, во всяком случае в области технологий. Эти методы, у которых есть репутация творческого процесса, включают в себя довольно много монотонной работы с расшифровками интервью, кодированием, анонимизацией, не говоря уже об общих для всех исследователей задачах с поиском, реферированием и оформлением литературы. Уже сейчас инструменты для расшифровки аудио облегчают работу с интервью, а искусственный интеллект в перспективе можно использовать для кодирования [Boyd, Crawford, 2012].

Ограничения технооптимизма связаны с цифровыми навыками и неравенством в доступе к интернету [Сарогна, 2023]. С одной стороны, онлайн-интервью дешевле и позволяют охватить больше информантов, что показал опыт пандемии [Watson et al., 2021], с другой стороны, технические или политические ограничения в использовании интернета могут исключить из сферы исследований целые государства.

Заключение

Недавняя методологическая статья С. Капоны включает в себя печальное замечание о разнообразии существующих споров: *«десятилетия идеологической конфронтации по поводу метода, количественного и качественного,*

Этап редукции множества категорий до меньшего числа кластеров также является общим. Итогом работы становится определенный набор факторов (в количественном анализе) или ключевых концептов (в обоснованной теории), между которыми распределены переменные [Liu, 2022]. Мы можем использовать обоснованную теорию при работе с числами, а можем обращаться к математическим методам, анализируя текст [Hannigan et al., 2019; Nelson, 2017]. Это меняет привычный алгоритм исследования и приводит к неожиданным результатам.

системы и актора, объекта и субъекта, макро и микро, теории и практики, дедукции и индукции <...> фактически предали и обеднили ключевую миссию социологии — интерпретацию социальной реальности и, возможно, ее понимание» [Сарогна, 2023].

Этот страх — страх потери социологической миссии — любопытно соотносится с опасениями, высказанными в других текстах. Увлечение методологическими дебатами, например, отвлекает от серьезной теоретической работы [Abell, 1990], приводит к квазинаучным построениям [Батыгин, Девятко, 1994] или власти чисел в ущерб власти граждан [Воронков, 2004]. Создается впечатление, что вопрос о методе — это своего рода боггарт¹ академического мира, который наглядно репрезентирует главный страх ученого в конкретной стране в конкретное время, будь то утрата дисциплинарных смыслов, ощущение внешней угрозы или потери ориентиров.

Однако методологические дебаты — в усложненном, не дуалистическом виде — неизбежны в постоянно меняющемся академическом поле. Появление новых данных и способов их анализа расширяет поле конфликтов, но при этом зачастую неожиданным образом примиряет методы, предлагая им точки сближения. Основанием для этого сближения может быть как наличие общего «врага» (например, растущее количество данных и нехватка ресурсов для их полноценного анализа), так и расширение возможностей для сотрудничества (смешанные методы).

Рассматривать ключевые методологические тренды важно с пониманием незавершенности этого сюжета и представлением о том, что мы можем лишь строить предположения, как будет развиваться та или иная линия. Есть вопросы, связанные с новыми способами обработки данных и попытками социальной теории «догнать» эмпирику. Можно предположить, что социология, соседние дисциплины и неакадемические сферы разделят области исследования данных. Конкуренция в этой среде приведет к расширению методологической подготовки социологов — усложненные количественные методы станут обязательной частью обучения. Классические исследовательские дизайны могут измениться: например, появятся лонгитюдные исследования, основанные на больших данных, — но без регулярных опросов.

Еще один значимый тренд — хранение и анализ качественных данных с помощью количественных методов. Пока неясно, как будет строиться работа с качественными данными в условиях оцифровки архивных документов и создания баз данных. Такие базы уже существуют, но пока пользуются меньшей (по сравнению с количественными) популярностью [Schwemmer, Wiczorek, 2020] и требуют дополнительного осмысления. Под качественными данными в этом случае можно понимать записи или транскрипции интервью. Подобные базы данных создаются и поддерживаются прежде всего историками и исследователями памяти, поскольку материалы такого рода считаются общественным достоянием и связаны с проектами публичной истории. Вопрос

¹ Боггарт — разновидность привидений из вселенной Гарри Поттера. Не имеет постоянного облика, превращается в объект или существо, которого человек боится больше всего.

об этике публикации социологических или антропологических интервью — по определению сенситивных — остается открытым.

Этические вопросы, на мой взгляд, представляют собой отдельную методологическую дилемму, актуальную для данных любого типа. Использование, например, больших данных потенциально проблематично, поскольку некоторая их часть собирается без уведомления пользователя (или даже с нарушением его прав, о чем свидетельствуют скандалы с утечками сведений клиентов крупных интернет-компаний). Этические проблемы связаны как с представлением ученого о сути своей работы, так и с постоянно меняющимся законодательством, а также с неравенством в доступе к данным.

Поиск точек соприкосновения и возможностей методологического сотрудничества — тенденция, которая во многом определяет дизайны современных исследований, выбор инструментов для сбора и анализа информации. Это сотрудничество может быть рассмотрено и как «смешанная» методология, и как последовательная работа. Так, качественные методы позволяют «наблюдать наблюдателей» — исследовать процесс создания и публикации изначально неакадемических данных (например, административных и организационных). Аналогичную картину можно наблюдать в сфере интернет-исследований: принципы работы алгоритма социальной сети можно прояснить с помощью экспертных интервью. Качественные методы в этом случае делают работу количественного исследователя более точной. Схожее явление наблюдается в сфере анализа текстовых данных, когда с помощью количественных методов можно выявить связи и сформулировать первые гипотезы для дальнейшего дискурс-анализа текста. Поиск общих оснований методологической работы, возможно, усилит позиции социологии в эпоху меняющихся данных и конкурирующих подходов.

В заключение необходимо осветить ряд ограничений этого обзора. Во-первых, несмотря на упоминание близких к социологии областей (в частности, метод устной истории), основное внимание в этой работе уделено социологии. Рассуждая о методологических трендах, я опираюсь преимущественно на академические примеры — предполагаю, что картина может выглядеть иначе в активистских или коммерческих исследованиях. Второе важное ограничение связано с хронологическими рамками работы. Методологические дебаты можно рассматривать в исторической перспективе — и как оформленное понятие, и как дотерминологический процесс. В статье упоминаются тенденции прошлых десятилетий, но сосредоточена она в основном на современном этапе и перспективах ближайшего будущего. Наконец, третье ограничение связано с обзорным характером работы. Каждый из упомянутых методологических трендов заслуживает отдельного подробного анализа. Моя задача заключалась не в том, чтобы исчерпывающе охарактеризовать описываемое поле, но в том, чтобы показать некоторые из противоречий и точек соприкосновения методов в перспективе новых способов сбора и анализа данных.

Литература

- Батыгин Г. С., Девятко И. Ф.* Миф о «качественной социологии» // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 28–42. EDN: [TZKHOJ](#)
- Воронков В.* Этот безумный, безумный, безумный количественный мир // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2004. № 3. С. 23–26. DOI: <http://dx.doi.org/10.15388/SlavViln.2018.63.11855>
- Новое время, новое поле: меняющийся мир качественных исследований и новые технологии / Под ред. О. Звонаревой, А. Контаревой, Е. Поповой. СПб.: Алетей, 2021. EDN: [SPWISJ](#)
- Страусс А., Корбин Д.* Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ. Т. С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Abell P.* Methodological Achievements in Sociology Over the Past Few Decades with Special Reference to the Interplay of Quantitative and Qualitative methods // What Has Sociology Achieved? P. 94–116. London: Palgrave Macmillan, 1990.
- Baškarada S., Koronios A.* A Philosophical Discussion of Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Research in Social Science // Qualitative Research Journal. 2018. Vol. 18. № 1. P. 2–21. DOI: <https://doi.org/10.1108/QRJ-D-17-00042>
- Bennett J.* A Vialist Stopover on the Way to a New Materialism // New Materialisms: Ontology, Agency, and Politics. 2010. Vol. 91. № 1. P. 47–69. DOI: <https://doi.org/10.1515/9780822392996-003>
- Bourdieu P.* The Market of Symbolic Goods // Poetics. 1985. Vol. 14. № 1–2. P. 13–44. DOI: [https://doi.org/10.1016/0304-422X\(85\)90003-8](https://doi.org/10.1016/0304-422X(85)90003-8)
- Boyd D., Crawford K.* Critical Questions for Big Data: Provocations for a Cultural, Technological, and Scholarly Phenomenon // Information, Communication & Society. 2012. Vol. 15. № 5. P. 662–679. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369118X.2012.678878>
- Busch D., Franco E.* New Methodologies — New Interculturalities? The Visionary Discourse of Post-Qualitative Research on the Intercultural // Language and Intercultural Communication. 2022. Vol. 23. № 1. P. 23–25. DOI: <https://doi.org/10.1080/14708477.2022.2133136>
- Capogna S.* Sociology Between Big Data and Research Frontiers, a Challenge for Educational Policies and Skills // Quality & Quantity. 2023. Vol. 57. № 1. P. 193–212. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s11135-022-01351-7>
- Creswell J. W.* Research Designs: Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approaches. Thousand Oaks: Sage, 2009. DOI: <https://doi.org/10.1002/nha3.20258>
- Crotty M. J.* The Foundations of Social Research: Meaning and Perspective in the Research Process. London; Thousand Oaks: Sage, 1998.
- Denzin N. K.* Triangulation 2.0 // Journal of Mixed Methods Research. 2012. Vol. 6. № 2. P. 80–88. DOI: <https://doi.org/10.1177/1558689812437186>
- Didier E.* Free from Numbers? The Politics of Qualitative Sociology in the US Since 1945 // The New Politics of Numbers: Utopia, Evidence and Democracy. Cham: Palgrave Macmillan, 2022. P. 417–463.
- Flick U.* Mantras and Myths: The Disenchantment of Mixed-Methods Research and Revisiting Triangulation as a Perspective // Qualitative Inquiry. 2017. Vol. 23. № 1. P. 46–57. DOI: <https://doi.org/10.1177/1077800416655827>
- Flick U.* The Concepts of Qualitative Data: Challenges in Neoliberal Times for Qualitative Inquiry // Qualitative Inquiry. 2019. Vol. 25. № 8. P. 713–720. DOI: <https://doi.org/10.1177/1077800418809132>
- Franzosi R.* What's in a Text? Bridging the Gap Between Quality and Quantity in the Digital Era // Quality & Quantity. 2021. Vol. 55. № 4. P. 1513–1540. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11135-020-01067-6>
- Gerrard J., Rudolph S., Sriprakash A.* The Politics of Post-Qualitative Inquiry: History and Power // Qualitative Inquiry. 2017. Vol. 23. № 5. P. 384–394. DOI: <https://doi.org/10.17863/CAM.6831>

Greene J. C., Caracelli V. J., Graham W. F. Toward a Conceptual Framework for Mixed-Method Evaluation Designs // Educational Evaluation and Policy Analysis. 1989. Vol. 11. № 3. P. 255–274. DOI: <https://doi.org/10.3102/01623737011003255>

Hall J. R. History of Qualitative Methods // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences. Davis: University of California, 2015. P. 676–681. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.44044-4>

Hammersley M. Deconstructing the Qualitative-Quantitative Divide 1 // Mixing Methods: Qualitative and Quantitative Research. London: Routledge, 2017. P. 39–55. DOI: <http://dx.doi.org/10.4324/9781315248813-2>

Hannigan T. R. et al. Topic Modeling in Management Research: Rendering New Theory from Textual Data // Academy of Management Annals. 2019. Vol. 13. № 2. P. 586–632. DOI: <https://doi.org/10.5465/annals.2017.0099>

Hirsch M., Smith V. Feminism and Cultural Memory: An Introduction // Signs: Journal of Women in Culture and Society. 2002. Vol. 28. № 1. P. 1–19. DOI: <http://dx.doi.org/10.1086/340890>

Jamali H. R. Does Research Using Qualitative Methods (Grounded Theory, Ethnography, and Phenomenology) Have More Impact? // Library & Information Science Research. 2018. Vol. 40. № 3–4. P. 201–207. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.lisr.2018.09.002>

Jewitt C., Price S., Xambo S. A. Conceptualising and Researching the Body in Digital Contexts: Towards New Methodological Conversations Across the Arts and Social Sciences // Qualitative Research. 2017. Vol. 17. № 1. P. 37–53. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468794116656036>

Johnson R. B., McGowan M. W., Turner L. A. Grounded Theory in Practice: Is It Inherently a Mixed Method? // Research in the Schools. 2010. Vol. 17. № 2. P. 65–78.

Knoblauch H. Qualitative Methods at the Crossroads: Recent Developments in Interpretive Social Research // Forum: Qualitative Social Research. 2013. Vol. 14. № 3. DOI: <https://doi.org/10.17169/fqs-14.3.2063>

Lamont M., Molnár V. The Study of Boundaries in the Social Sciences // Annual Review of Sociology. 2002. Vol. 28. № 1. P. 167–195. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.28.1.10601.141107>

Liu Y. Paradigmatic Compatibility Matters: A Critical Review of Qualitative-Quantitative Debate in Mixed Methods Research // SAGE Open. 2022. Vol. 12. № 1. P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.1177/21582440221079922>

Lupton D., Watson A. Towards More-Than-Human Digital Data Studies: Developing Research-Creation Methods // Qualitative Research. 2021. Vol. 21. № 4. P. 463–480. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468794120939235>

Mahoney J., Goertz G. A Tale of Two Cultures: Contrasting Quantitative and Qualitative Research // Political Analysis. 2006. Vol. 14. № 3. P. 227–249. DOI: <https://doi.org/10.1093/pan/mpj017>

Merton R. K. The Matthew Effect in Science: The Reward and Communication Systems of Science are Considered // Science. 1968. Vol. 159. № 3810. P. 56–63. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.159.3810.56>

Moon K. et al. Expanding the Role of Social Science in Conservation Through an Engagement with Philosophy, Methodology, and Methods // Methods in Ecology and Evolution. 2019. Vol. 10. № 3. P. 294–302. DOI: <https://doi.org/10.1111/2041-210X.13126>

Mottier V. et al. The Interpretive Turn: History, Memory, and Storage in Qualitative Research // Forum: Qualitative Social Research. 2005. Vol. 6. № 2. P. 1–7. DOI: <https://doi.org/10.17169/fqs-6.2.456>

Nelson L. K. Computational Grounded Theory: A Methodological Framework // Sociological Methods & Research. 2020. Vol. 49. № 1. P. 3–42. DOI: <https://doi.org/10.1177/0049124117729703>

Olson H. Quantitative “Versus” Qualitative Research: The Wrong Question // Proceedings of the Annual Conference of CAIS Actes du congrès annuel de l’ACSI. 1995. P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.29173/cais414>

Peters S. J. The Challenges of Achieving Equity Within Public School Gifted and Talented Programs // Gifted Child Quarterly. 2022. Vol. 66. № 2. P. 82–94. DOI: <https://doi.org/10.1177/00169862211002535>

Pierre E. S. A Brief and Personal History of Post Qualitative Research: Toward “Post Inquiry” // Journal of Curriculum Theorizing. 2014. Vol. 30. № 2. P. 2–19.

Potter J., Shaw C. The Virtues of Naturalistic Data // The SAGE Handbook of Qualitative Data Collection / Ed. by U. Flick. London: SAGE, 2018. P. 182–199. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781526416070.n12>

Rahman M. S. The Advantages and Disadvantages of Using Qualitative and Quantitative Approaches and Methods in Language “Testing and Assessment” Research: A Literature Review // Journal of Education and Learning. 2016. Vol. 7. № 1. P. 102–112. DOI: <https://doi.org/10.5539/jel.v6n1p102>

Schutt R. K. Quantitative Methods // The Wiley Blackwell Companion to Sociology. 2019. P. 39–56. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781119429333.ch3>

Schwemmer C., Wieczorek O. The Methodological Divide of Sociology: Evidence from Two Decades of Journal Publications // Sociology. 2020. Vol. 54. № 1. P. 3–21. DOI: <https://doi.org/10.1177/0038038519853146>

St. Pierre E. A. Post Qualitative Research: The Critique and the Coming After // The SAGE Handbook of Qualitative Research. 2011. Vol. 4. P. 611–626.

St. Pierre E. A. Post Qualitative Inquiry, the Refusal of Method, and the Risk of the New // Qualitative Inquiry. 2021. Vol. 27. № 1. P. 3–9. DOI: <https://doi.org/10.1177/1077800419863005>

Swygart-Hobaugh A. J. A Citation Analysis of the Quantitative/Qualitative Methods Debate’s Reflection in Sociology Research: Implications for Library Collection Development // Library Collections, Acquisitions, and Technical Services. 2004. Vol. 28. № 2. P. 180–195. DOI: <https://doi.org/10.1080/14649055.2004.10765983>

Torrance H. Data as Entanglement: New Definitions and Uses of Data in Qualitative Research, Policy, and Neoliberal Governance // Qualitative Inquiry. 2019. Vol. 25. № 8. P. 734–742. DOI: <https://doi.org/10.1177/1077800418807239>

Van Dijck J. Datafication, Dataism and Dataveillance: Big Data between Scientific Paradigm and Ideology // Surveillance & Society. 2014. Vol. 12. № 2. P. 197–208. DOI: <https://doi.org/10.24908/ss.v12i2.4776>

Watson A. et al. Fieldwork at Your Fingertips: Creative Methods for Social Research under Lockdown // Nature. 2021. DOI: <https://doi.org/10.1038/d41586-021-00566-2>

Westmarland N. The Quantitative/Qualitative Debate and Feminist Research: A Subjective View of Objectivity // Forum Qualitative Sozialforschung/Forum: Qualitative Social Research. 2001. Vol. 2. № 1. P. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.17169/fqs-2.1.974>

Сведения об авторе:

Колотовкина Анна Сергеевна — аспирантка факультета социологии, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** annykolotovkina@gmail.com. **ORCID ID:** [0000-0001-6087-4293](https://orcid.org/0000-0001-6087-4293).

Статья поступила в редакцию: 18.06.2023

Принята к публикации: 20.10.2023

БАК: 5.4.1

In the Same Boat? “Methodological Debate” in a Changing Empirical Field

DOI: 10.19181/inter.2023.15.4.1

Anna S. Kolotovkina European University at St. Petersburg, Russia
E-mail: annykolotovkina@gmail.com

The article is devoted to the analysis of the current state of the methodological debate. This is a classic debate, which, however, should not be oversimplified: methods, paradigms, and research strategies form systems that go beyond the qualitative vs. quantitative dichotomy. The debate is in the center of attention, because, firstly, empirical texts are now written, read and cited more often than theoretical ones, secondly, new data and methods of their analysis appear, and thirdly, there is a simultaneous emergence of common ground and deepening methodological contradictions.

One of the key differences between qualitative and quantitative proponents is the paradigms that underpin their work. However, the correspondence between the paradigm and the method is not always universal: for example, in qualitative methodology, both interpretive and post-positivist trends can be observed, and some quantitative researchers are close to the ideas of author's reflection and standpoint.

Tools based on artificial intelligence can simplify the work of a researcher by solving some of the routine tasks, while the availability of big data allows you to go beyond survey and statistical databases and analyze new fields. However, the development of new tools leads to a number of problems. These are issues related to digital literacy and skills inequality, ethics and non-transparency of data production. Collaborative methodological work may be able to mitigate these kinds of difficulties and strengthen the position of sociology in an era of changing data and competing approaches.

Keywords: qualitative methods; quantitative methods; big data; paradigms; post-qualitative turn

References

- Abell P. (1990) Methodological Achievements in Sociology Over the Past Few Decades with Special Reference to the Interplay of Quantitative and Qualitative methods. In: *What Has Sociology Achieved?* P. 94–116. London: Palgrave Macmillan.
- Baškarada S., Koronios A. (2018) A Philosophical Discussion of Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Research in Social Science. *Qualitative Research Journal*. Vol. 18. No. 1. P. 2–21. DOI: <https://doi.org/10.1108/QRJ-D-17-00042>
- Batygin G. P., Devyatko I. F. (1994) Mif o “kachestvennoj sociologii” [The Myth of “Qualitative Sociology”]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. No. 2. P. 28–42. (In Russ.)
- Bennett J. (2010) A Vitalist Stopover on the Way to a New Materialism. *New Materialisms: Ontology, Agency, and Politics*. Vol. 91. No. 1. P. 47–69. DOI: <https://doi.org/10.1515/9780822392996-003>
- Bourdieu P. (1985) The Market of Symbolic Goods. *Poetics*. Vol. 14. No. 1–2. P. 13–44. DOI: [https://doi.org/10.1016/0304-422X\(85\)90003-8](https://doi.org/10.1016/0304-422X(85)90003-8)
- Boyd D., Crawford K. (2012) Critical Questions for Big Data: Provocations for a Cultural, Technological, and Scholarly Phenomenon. *Information, Communication & Society*. Vol. 15. No. 5. P. 662–679. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369118X.2012.678878>

- Busch D., Franco E. (2022) New Methodologies — New Interculturalities? The Visionary Discourse of Post-Qualitative Research on the Intercultural. *Language and Intercultural Communication*. Vol. 23. No. 1. P. 23–25. DOI: <https://doi.org/10.1080/14708477.2022.2133136>
- Capogna S. (2023) Sociology Between Big Data and Research Frontiers, a Challenge for Educational Policies and Skills. *Quality & Quantity*. Vol. 57. No. 1. P. 193–212. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s11135-022-01351-7>
- Creswell J.W. (2009) *Research Designs: Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approaches*. Thousand Oaks: Sage. DOI: <https://doi.org/10.1002/nha3.20258>
- Crotty M. J. (1998) *The Foundations of Social Research: Meaning and Perspective in the Research Process*. London; Thousand Oaks: Sage.
- Denzin N. K. (2012) Triangulation 2.0. *Journal of Mixed Methods Research*. Vol. 6. No. 2. P. 80–88. DOI: <https://doi.org/10.1177/1558689812437186>
- Didier E. (2022) Free from Numbers? The Politics of Qualitative Sociology in the US Since 1945. In: *The New Politics of Numbers: Utopia, Evidence and Democracy*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 417–463.
- Flick U. (2017) Mantras and Myths: The Disenchantment of Mixed-Methods Research and Revisiting Triangulation as a Perspective. *Qualitative Inquiry*. Vol. 23. No. 1. P. 46–57. DOI: <https://doi.org/10.1177/1077800416655827>
- Flick U. (2019) The Concepts of Qualitative Data: Challenges in Neoliberal Times for Qualitative Inquiry. *Qualitative Inquiry*. Vol. 25. No. 8. P. 713–720. DOI: <https://doi.org/10.1177/1077800418809132>
- Franzosi R. (2021) What's in a Text? Bridging the Gap Between Quality and Quantity in the Digital Era. *Quality & Quantity*. Vol. 55. No. 4. P. 1513–1540. DOI: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11135-020-01067-6>
- Gerrard J., Rudolph S., Sriprakash A. (2017) The Politics of Post-Qualitative Inquiry: History and Power. *Qualitative Inquiry*. Vol. 23. No. 5. P. 384–394. DOI: <https://doi.org/10.17863/CAM.6831>
- Greene J. C., Caracelli V. J., Graham W. F. (1989) Toward a Conceptual Framework for Mixed-Method Evaluation Designs. *Educational Evaluation and Policy Analysis*. Vol. 11. No. 3. P. 255–274. DOI: <https://doi.org/10.3102/01623737011003255>
- Hall J. R. (2015) History of Qualitative Methods. In: *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Davis: University of California. P. 676–681. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.44044-4>
- Hammersley M. (2017) Deconstructing the Qualitative-Quantitative Divide 1. In: *Mixing Methods: Qualitative and Quantitative Research*. London: Routledge. P. 39–55. DOI: <http://dx.doi.org/10.4324/9781315248813-2>
- Hannigan T. R. et al. (2019) Topic Modeling in Management Research: Rendering New Theory from Textual Data. *Academy of Management Annals*. Vol. 13. No. 2. P. 586–632. DOI: <https://doi.org/10.5465/annals.2017.0099>
- Hirsch M., Smith V. (2002) Feminism and Cultural Memory: An Introduction. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. Vol. 28. No. 1. P. 1–19. DOI: <http://dx.doi.org/10.1086/340890>
- Jamali H. R. (2018) Does Research Using Qualitative Methods (Grounded Theory, Ethnography, and Phenomenology) Have More Impact? *Library & Information Science Research*. Vol. 40. No. 3–4. P. 201–207. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.lisr.2018.09.002>
- Jewitt C., Price S., Xambo S. A. (2017) Conceptualising and Researching the Body in Digital Contexts: Towards New Methodological Conversations Across the Arts and Social Sciences. *Qualitative Research*. Vol. 17. No. 1. P. 37–53. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468794116656036>
- Johnson R. B., McGowan M. W., Turner L. A. (2010) Grounded Theory in Practice: Is It Inherently a Mixed Method? *Research in the Schools*. Vol. 17. No. 2. P. 65–78.
- Knoblauch H. (2013) Qualitative Methods at the Crossroads: Recent Developments in Interpretive Social Research. *Forum: Qualitative Social Research*. Vol. 14. No. 3. DOI: <https://doi.org/10.17169/fqs-14.3.2063>

- Lamont M., Molnár V. (2002) The Study of Boundaries in the Social Sciences. *Annual Review of Sociology*. Vol. 28. No. 1. P. 167–195. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.28.110601.141107>
- Liu Y. (2022) Paradigmatic Compatibility Matters: A Critical Review of Qualitative–Quantitative Debate in Mixed Methods Research. *SAGE Open*. Vol. 12. No. 1. P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.1177/21582440221079922>
- Lupton D., Watson A. (2021) Towards More-Than-Human Digital Data Studies: Developing Research–Creation Methods. *Qualitative Research*. Vol. 21. No. 4. P. 463–480. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468794120939235>
- Mahoney J., Goertz G. (2006) A Tale of Two Cultures: Contrasting Quantitative and Qualitative Research. *Political Analysis*. Vol. 14. No. 3. P. 227–249. DOI: <https://doi.org/10.1093/pan/mpj017>
- Merton R.K. (1968) The Matthew Effect in Science: The Reward and Communication Systems of Science are Considered. *Science*. Vol. 159. No. 3810. P. 56–63. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.159.3810.56>
- Moon K. et al. (2019) Expanding the Role of Social Science in Conservation Through an Engagement with Philosophy, Methodology, and Methods. *Methods in Ecology and Evolution*. Vol. 10. No. 3. P. 294–302. DOI: <https://doi.org/10.1111/2041-210X.13126>
- Mottier V. et al. (2005) The Interpretive Turn: History, Memory, and Storage in Qualitative Research. *Forum: Qualitative Social Research*. Vol. 6. No. 2. P. 1–7. DOI: <https://doi.org/10.17169/fqs-6.2.456>
- Nelson L.K. (2020) Computational Grounded Theory: A Methodological Framework. *Sociological Methods & Research*. Vol. 49. No. 1. P. 3–42. DOI: <https://doi.org/10.1177/0049124117729703>
- Olson H. (1995) Quantitative “Versus” Qualitative Research: The Wrong Question. *Proceedings of the Annual Conference of CAIS Actes du congrès annuel de l’ACSI*. P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.29173/cais414>
- Peters S.J. (2022) The Challenges of Achieving Equity Within Public School Gifted and Talented Programs. *Gifted Child Quarterly*. Vol. 66. No. 2. P. 82–94. DOI: <https://doi.org/10.1177/00169862211002535>
- Pierre E.S. (2014) A Brief and Personal History of Post Qualitative Research: Toward “Post Inquiry”. *Journal of Curriculum Theorizing*. Vol. 30. No. 2. P. 2–19.
- Potter J., Shaw C. (2018) The Virtues of Naturalistic Data. In: U. Flick (ed.) *The SAGE Handbook of Qualitative Data Collection*. London: SAGE. P. 182–199. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781526416070.n12>
- Rahman M.S. (2016) The Advantages and Disadvantages of Using Qualitative and Quantitative Approaches and Methods in Language “Testing and Assessment” Research: A Literature Review. *Journal of Education and Learning*. Vol. 7. No. 1. P. 102–112. DOI: <https://doi.org/10.5539/jel.v6n1p102>
- Schutt R.K. (2019) Quantitative Methods. *The Wiley Blackwell Companion to Sociology*. P. 39–56. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781119429333.ch3>
- Schwemmer C., Wieczorek O. (2020) The Methodological Divide of Sociology: Evidence from Two Decades of Journal Publications. *Sociology*. Vol. 54. No. 1. P. 3–21. DOI: <https://doi.org/10.1177/0038038519853146>
- St. Pierre E.A. (2011) Post Qualitative Research: The Critique and the Coming After. *The SAGE Handbook of Qualitative Research*. Vol. 4. P. 611–626.
- St. Pierre E.A. (2021) Post Qualitative Inquiry, the Refusal of Method, and the Risk of the New. *Qualitative Inquiry*. Vol. 27. No. 1. P. 3–9. DOI: <https://doi.org/10.1177/1077800419863005>
- Strauss A., Corbin D. (2001) *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, procedur i tehniki* [Basics of Qualitative Research]. Transl. from Eng. by T.S. Vasilyeva. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
- Swygart-Hobaugh A.J. (2004) A Citation Analysis of the Quantitative/Qualitative Methods Debate’s Reflection in Sociology Research: Implications for Library Collection Development. *Library Collections, Acquisitions, and Technical Services*. Vol. 28. No. 2. P. 180–195. DOI: <https://doi.org/10.1080/14649055.2004.10765983>

Torrance H. (2019) Data as Entanglement: New Definitions and Uses of Data in Qualitative Research, Policy, and Neoliberal Governance. *Qualitative Inquiry*. Vol. 25. No. 8. P. 734–742. DOI: <https://doi.org/10.1177/1077800418807239>

Van Dijck J. (2014) Datafication, Dataism and Dataveillance: Big Data between Scientific Paradigm and Ideology. *Surveillance & Society*. Vol. 12. No. 2. P. 197–208. DOI: <https://doi.org/10.24908/ss.v12i2.4776>

Voronkov V. (2004) Etot bezumnyj, bezumnyj, bezumnyj kolichestvennyj mir [This Crazy, Crazy, Crazy Quantitative World]. *Neprikosnovennyj zapas: debaty o politike i culture* [The Untouchable Reserve: A Debate about Politics and Culture]. No. 3. P. 23–26. (In Russ.) DOI: <http://dx.doi.org/10.15388/SlavViln.2018.63.11855>

Watson A. et al. (2021) Fieldwork at Your Fingertips: Creative Methods for Social Research under Lockdown. *Nature*. DOI: <https://doi.org/10.1038/d41586-021-00566-2>

Westmarland N. (2001) The Quantitative/Qualitative Debate and Feminist Research: A Subjective View of Objectivity. *Forum Qualitative Sozialforschung/Forum: Qualitative Social Research*. Vol. 2. No. 1. P. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.17169/fqs-2.1.974>

Zvonareva O., Kontareva A., Popova E. (2021) *Novoe vremya, novoe pole: menyayushhij mir kachestvennyh issledovanij i novye tehnologii* [A New Time, a New Field: the Changing World of Qualitative Research and New Technologies]. St. Petersburg: Aleteya. (In Russ.)

Author Bio:

Anna S. Kolotovkina — Graduate Student, Faculty of Sociology, European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** annykolotovkina@gmail.com. **ORCID ID:** [0000-0001-6087-4293](https://orcid.org/0000-0001-6087-4293).

Received: 18.06.2023

Accepted: 20.10.2023

Полевые исследования

Труд и солидарность в XXI веке: векторы развития идей ИСИТО

Ярошенко Светлана Сергеевна

Независимый исследователь,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: svetayaroshenko@gmail.com

В данном разделе представлены результаты исследовательских проектов российских социологов, прошедших школу изучения социальной трансформации в рамках Института сравнительных исследований трудовых отношений (ИСИТО). Институт был создан в 1994 году группой молодых российских социологов из Москвы, Самары, Кемерово и Сыктывкара совместно с социологами из университета Уорвика (Великобритания) Саймоном Кларком и Питером Фейербразером, а его развитие было результатом редкого по своей интенсивности международного сотрудничества. Уникальность этой исследовательской организации состояла в том, что она представляла собой межрегиональную сеть российских исследователей, которые на протяжении двух десятилетий изучали влияние рыночных реформ в России на сферу занятости и домохозяйства, анализировали *динамику трудовых отношений* и реакции рабочих на изменения при переходе от реального социализма к реальному капитализму. При таком подходе рассматривалось, как фактически существовавший социализм трансформировался в капиталистическую систему.

Теоретической рамкой для осмысления трансформации в бывшей социалистической стране стала концепция «развития капитализма», согласно которой, с одной стороны, происходила интеграция советской системы в глобальный рынок, а с другой — советское прошлое вплеталось в капиталистическое настоящее через действие индивидов, обладающих ценностями и мотивами, укорененными в прошлом, и распоряжающихся ресурсами, унаследованными от прошлого. В результате внедрения рыночных отношений в сферу труда происходили изменения в структуре занятости. Однако, вопреки ожиданиям, это вело не к росту безработицы, а к повышению гибкости занятости: сокращению прежних гарантий, снижению оплаты труда и готовности работников трудиться при низкой зарплате или даже при ее задержках. Высокую значимость сохранял трудовой коллектив, частью которого было и руководство. Профсоюзы, по-прежнему поддерживая тесную связь с руководством, не были готовы

взять на себя новую роль представителя работников в условиях рыночной экономики. В трудовых спорах они добивались уступок не от работодателя, а совместно с работодателями — от государства. Причем государство не было подотчетно профсоюзам, зависимым от прав и привилегий, которые государство дало и которые могло также легко отнять. В итоге исследователи делали вывод, что отличительными особенностями российского капитализма после распада советской системы были гибкая занятость, или неполное подчинение труда капиталу, относительное отсутствие классового конфликта, несмотря на катастрофическое ухудшение условий жизни, труда и деградацию общественных услуг, а также отсутствие подотчетности государства гражданскому обществу. Статьи, включенные в данный раздел, развивают эти выводы, обсуждая основания, формы и перспективы солидарности российских трудящихся в ситуации адаптации к глобальному капитализму.

Кроме того, в статьях получили дальнейшее развитие методологические наработки ИСИТО, отличительной особенностью которых было применение качественной методологии, а также сочетание качественных и количественных методов, в первую очередь при изучении динамики трудовых отношений. В ходе проведения множественных кейс-стади на предприятиях и в организациях наблюдения сопровождались полуструктурированными интервью, фокус-группами и опросами. Интервью проводились с руководителями разных уровней, специалистами и рабочими, что позволяло сопоставлять разные позиции и интересы. Качественные методы сопровождались количественными для усиления выводов, сделанных на основе полуструктурированных интервью. Так, составлялся паспорт предприятия с некоторыми формальными признаками (отрасль, численность персонала, форма собственности и т.д.) и показателями, предложенными исследователями (основная цель предприятия, позиция подразделений в управленческой иерархии и т.д.). В ходе детального изучения случаев собиралась уникальная эмпирическая информация, которая становилась основанием для проведения опросов и для построения теории «снизу», исходя из эмпирических данных. Авторы статей следуют данной методической традиции, предваряя формализации и опросы качественной стратегией изучения отдельных случаев, выходя за пределы промышленных предприятий и расширяя набор доступных для включенного наблюдателя методов.

Петр Бизюков рассуждает о динамике трудовых протестов, описывая методику и аналитические возможности «Мониторинга трудовых протестов в России», опираясь на результаты исследований ИСИТО о трудовых конфликтах и авторское определение трудового протеста. На основе фиксации трудовых протестов в России начиная с 2008 года отмечается их постепенный рост при сохранении относительно низкого уровня напряженности, то есть доли протестных акций, в ходе которых полностью или частично останавливаются работы. При включении в анализ макроэкономических и социальных показателей выявлена взаимосвязь между усилением протестности и ростом безработицы. Сохраняется, если не усиливается, тенденция слабой вовлеченности профсоюзов в регулирование трудового конфликта.

В статье Светланы Ярошенко и Татьяны Лыткиной на основе развернутого кейс-стади в двух общественных организациях рассматривается динамика гражданской солидарности в России и обсуждаются причины атомизации в российском обществе. Классическая стратегия кейс-стади дополняется методом развернутого монографического исследования, предполагающим разворот от наблюдателя к респонденту, от микроситуации к макроконтексту, во времени и пространстве, а также реконструкцию устаревшей теории. Полагаясь на полученные результаты, авторы проводят сравнительный анализ двух случаев и делают вывод, что профессионализация ведет к смещению ориентиров с помощи другим на личные достижения, а вместе с этим способствует выстраиванию границ между профессионалами и нуждающимися в помощи.

Лариса Петрова анализирует возможности музеев как специальных, интерактивных культурных институтов для развития гражданской солидарности. Она исходит из того, что репрезентация социальных проблем, артикуляция интересов в их решении и выстраивание общности силами искусства может создать прецедент превращения музеев в институт солидарности. Автор предполагает, что условием для такого превращения является критичность художественного высказывания. Если признать, что критичность предполагает осмысление причин неравенства, обсуждение целей общественного развития и поддержку «перспективных» проектов эмансипации, то такое предположение имеет смысл. Однако на основе анализа содержания экспозиций трех российских музеев за 2021–2022 гг. делается вывод о незначительном вовлечении зрителей в обсуждение социальных проблем и, следовательно, о «слабой реализации потенциала музеев современного искусства как института солидарности».

Владимир Ильин рассматривает процесс конструирования визуальных данных в полевом исследовании. Он утверждает, что во время фотосъемки, как и в любом кейс-стади, исследователь(ница) создает набор социальных фактов, применяя линзы жизненного мира или социологической теории. В этом смысле визуальные — как, впрочем, и социальные, — факты конструируются в ходе исследования: им придается определенный смысл, они классифицируются как значимые, любопытные или чуждые, наконец, среди них выделяются важные факторы, влияющие на изучаемый процесс. Несмотря на признание значимости теории в процессе качественного исследования, В. Ильин допускает, что она может появляться не сразу, что именно наивность позволяет избежать зависимости новых исследований от предшествующих. Это утверждение, несмотря на спорность, позволяет привлечь внимание к необходимости рефлексии по поводу исследовательского процесса. Тем более что само конструирование социологических фактов, то есть применение избирательного подхода к элементам объективной социальной реальности, — это как следствие давления общественной морали на исследовательские предпочтения, так и результат проявления исследовательской субъектности. Таким образом, конструирование визуальных и социальных фактов является важным элементом социологического исследования, а также требует особого внимания к их достоверности.

DOI: 10.19181/inter.2023.15.4.2

EDN: ZLWYRD

Мониторинг трудовых протестов: результаты и направления анализа

Ссылка для цитирования:

Бизюков П. В. Мониторинг трудовых протестов: результаты и направления анализа // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 4. С. 36–55. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.4.2> EDN: ZLWYRD

For citation:

Bizyukov P.V. (2023) Monitoring of Labor Protests: Results and Directions of Analysis. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 15. No. 4. P. 36–55. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.4.2>

Бизюков Петр Вячеславович

Независимый исследователь,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: bizyukov.pb@gmail.com

В статье описываются методика и аналитические возможности «Мониторинга трудовых протестов в России». Информационной базой являются интернет-сообщения о трудовых протестах, которые содержат необходимую информацию и заносятся сначала в текстовую, а затем в количественную базу данных. Мониторинг функционирует уже 15 лет, в нем накоплена информация о 4,5 тыс. протестных акций. В статье кратко описываются структура Мониторинга, основные понятия и переменные, позволяющие анализировать протестное движение по нескольким направлениям.

Первое направление — линейный анализ, предоставляющий самые общие данные о количестве протестов и их важнейших характеристиках. Другим направлением является расчет индексов, которые позволяют получать сравнимые и относительные показатели, дающие возможность преодолеть разнородность сравниваемых объектов. Еще один важный вид анализа — изучение долговременной динамики протестов на основе выявления тенденций и разработка критериев для ее оценки: определение точек перелома тенденций от роста к спаду и наоборот, а также интенсивности тенденций на каждом этапе.

Начиная с 2016 года производится акторно-транзакционный анализ, в рамках которого определяется количество акторов, вовлеченных в трудовые

протесты (выделено 35 видов акторов), а также виды взаимодействий (транзакций) между ними — как исходящих (активность актора), так и входящих (авторитетность актора). На основе этих показателей рассчитывается индекс значимости каждого актора, который отслеживается в динамике. Это позволяет понять, какую роль институциональные и неинституциональные акторы играют в урегулировании протестов.

Ключевые слова: трудовые отношения и протесты; акторы; мониторинг; статистический анализ; статистические индексы

Тема трудовых конфликтов оказалась актуализированной в российском обществоведении в постсоветский период — до этого конфликтность в сфере труда не просто не обсуждалась, она отрицалась. В известной монографии И. Чангли, в советские годы считавшейся эталонным теоретическим трудом, тема взаимодействия работников рассматривается следующим образом: при социализме труд творческий и развивающий личность; у работников и руководителей одна цель, и они должны это понимать; возникающие нарушения нужно рассматривать как «сбои в системе управления», появляющиеся из-за неразвитости и низкого уровня сознательности работников. Но если есть сознательность и понимание всеобщих задач, то это можно будет преодолеть: «допустим, рабочие на машиностроительном заводе заняты погрузочно-разгрузочными работами, работают без средств механизации. Но они знают, что в девятой пятилетке в промышленности СССР от тяжелого ручного труда будет освобождено 2480 тыс. человек, в том числе в машиностроении 600 тыс., а на их заводе 520 человек. <...> В этом случае для рабочих будет ясна и близка перспектива роста, будет интересно обучаться новым специальностям, и это, несомненно, в значительной мере нейтрализует в их поступках и поведении сегодняшнюю неудовлетворенность своей работой» [Чангли, 1973].

Шагом вперед стала публикация в 1983 году книги новосибирских социологов Ф. Бородкина и Н. Коряк «Внимание: конфликт!» [Бородкин, Коряк, 1989]. В ней предлагалась теория организационного конфликта, определялись такие понятия, как предмет конфликта и оппоненты, приводились типы конфликта — деловой, эмоциональный и др., предлагались варианты решения конфликтных ситуаций, стратегии поведения в условиях конфликта. Значимость этой книги заключалась в том, что она опровергала традиционный советский конструкт, который использовался советским обществоведением, что «конфликт — дефект развития». Идея новосибирских социологов о том, что конфликт может способствовать развитию, вызвала не просто возражения, а интенсивное сопротивление. «Предыдущее издание ее [книги] было мучительным делом. Готовая рукопись путешествовала по рецензентам и редакторам более четырех лет. <...> Основным камнем преткновения была запретность самой темы, догматическая убежденность многих в том, что при социализме не может быть серьезных социальных конфликтов» [Бородкин, Коряк, 1989: 98]. Правда, Ф. Бородкин и Н. Коряк писали книгу о конфликтах не трудовых, а организационных, и в основном они их описывали с позиций социальной психологии. Но здесь

важно то, что они ввели понятие конфликта в социально-экономический дискурс, в результате оно стало предметом для обсуждения и даже изучения.

Гигантским импульсом для дальнейшего развития конфликтной тематики, тем не менее, стали не труды теоретиков, а реальные события в виде грандиозной шахтерской забастовки 1989 года. В ней (по разным оценкам) участвовали около 600 тыс. человек от Сахалина до украинского Донбасса. Эта забастовка породила цепь значимых социально-экономических последствий, которые ощущались на протяжении нескольких лет [Лопатин, 1998; Ильин, 1998]. После выступлений горняков уже не было сомнений, что речь идет не просто о социально-психологической напряженности или несовершенстве организаций и не о наличии локальных управленческих ошибок, а о глобальном трудовом конфликте, одномоментно породившем сотни протестов на всей территории страны. Главными акторами стали рабочие, которые адресовали свои претензии и локальным управленцам, и всему государству, которое в то время было главным работодателем.

После шахтерской стачки тема трудовых конфликтов в позднесоветской России перестала быть теоретической: появился практический материал, который можно было изучать и анализировать. В 1990-х годах материала для анализа стало не просто много, а невероятно много. Бастовали все и везде — оставляли работу, перекрывали магистрали, устраивали голодовки, захватывали директоров. Бастовали на рабочих местах, даже под землей, выходили на площади городов, под стены Кремля и к зданию правительства. Разумеется, появились исследователи этого нового явления [Лопатин, 1995; Борисов, 2001; Крутой пласт..., 1999; Бизюков, 1995; Германов, 2009; Козина, 2010].

Качественные исследования предшествуют количественным: методический комментарий

Обращаясь к проблемам методологии исследований трудовых конфликтов, особо хотелось бы отметить работы Института сравнительных исследований трудовых отношений (ИСИТО), для которого изучение конфликтной тематики стало важнейшей задачей. Практически во всех проектах, касавшихся вопросов реформы социальной сферы предприятий, занятости, инноваций, профсоюзов, так или иначе затрагивалась тема конфликтов и протестов, не говоря уже о том, что были и специальные проекты, посвященные именно конфликтам на предприятиях и в организациях [Clarke, 1996]. В рамках этих исследований накоплен большой объем знаний о том, что такое конфликты, какое влияние они оказывают на работу предприятий, как они перерастают в протесты¹.

¹ Многочисленные исследовательские материалы ИСИТО, опубликованные в 1990-х и 2000-х годах, — сотни отчетов, статей, интервью и других текстов, десятки монографий, посвященных трансформации российской экономики, реструктуризации отраслей и предприятий, развитию рабочего и профсоюзного движения, — опубликованы на сайте Центра сравнительных трудовых исследований Уорвикского университета (Великобритания). URL: <https://web.warwick.ac.uk/fac/soc/complabstuds/russia/general.html> (дата обращения: 20.04.2023).

Пытаясь обобщить опыт изучения трудовых конфликтов в первые полтора постсоветских десятилетия, необходимо отметить несколько особенностей. Во-первых, тематика конфликтов, да и в целом трудовых отношений, в 1990-е годы находилась на периферии научного дискурса. В советское время конфликты рассматривались в соответствии с установками партии и правительства, а реальным процессам, например, регулирования трудовых конфликтов, внимания не уделялось. Поэтому разработанная советскими социологами «богатая трудовая теория» совершенно не годилась для изучения новых реалий: безработицы, неплатежей, бартерной экономики, забастовок, теневой занятости и взаимодействия работников с новым типом работодателя — частником. В обществе возник новый пласт отношений, непонятный и незнакомый, и ни у кого не было опыта его изучения.

Новое законодательство, призванное регулировать трудовые отношения в рыночной ситуации, формировалось на основе плохого и поверхностного понимания ситуации. Иначе, например, невозможно объяснить, направленность принятого в 1989 году, сразу после шахтерской забастовки, закона о регулировании трудовых споров. В нем закреплялась не процедура улаживания споров, а способ не дать работникам повлиять на позицию работодателя, что привело к установлению сложной, долгой, запутанной процедуры организации законной забастовки, которая оказалась невыполнимой на практике.

Во-вторых, опыта не было не только у тех, кто пытался регулировать положение вещей в новых условиях, но и у непосредственных ее участников — работников, работодателей, новых и старых профсоюзов, общественных организаций, местных властей. То, что происходило в первые послесоветские годы, можно назвать стихийным поиском иных способов взаимодействий акторов, вовлеченных в трудовые отношения. Например, в первый же год рабочие стали перекрывать автомобильные и железнодорожные трассы, требуя внимания к своим проблемам — главным образом к невыплатам зарплат. Это была новая и очень сложная ситуация, ведь задержка заработка считалась грубейшим нарушением закона, а в стране, несмотря на все проблемы, действовали прокуратура и правоохранительные органы, действовали профсоюзы — но никто из них не мог изменить положение вещей. Институты существовали, но не работали, возникло то, что можно было назвать «институциональной депривацией» в сфере труда, и акторы начали поиск тех инструментов, которые могли бы помочь в решении проблем. Забастовки и протесты были незаконными, мало того, в них вовлекались те, кто не имел отношения к деятельности предприятий, например, местные жители и члены семей работников. Известны случаи, когда работодатели привлекали криминальные структуры для расправы с рабочими лидерами. В общем, ситуация была не просто новой, она была меняющейся, динамичной и многослойной. Сложность состояла не только в том, что это был запутанный клубок отношений, но и в том, что участники этих отношений были либо закрыты для внешних наблюдателей, либо ангажированы и склонны к преувеличению, что приводило к проблемам при сборе интервью и других эмпирических материалов.

Поэтому единственной оправданной исследовательской стратегией в то время было использование качественной методологии и качественных методов. Фокусированные интервью с разными акторами трудовых взаимодействий — работодателями, основными и вспомогательными рабочими, профсоюзными лидерами, членами семей работников и представителями местных властей — позволяли составить мозаичную картину происходящего и приблизиться к пониманию реальных ситуаций, возникавших на предприятиях и в организациях. Другим бесценным исследовательским инструментом стали наблюдения — внешние и включенные. Присутствие на собраниях позволяло не только увидеть лидеров, но и составить перечень наиболее актуальных проблем, по которым возникала острая полемика, и зафиксировать аргументы сторон. Наблюдение за забастовкой давало возможность оценить поведение разных людей в ситуации острого конфликта, поиска компромиссов и способов выработки соглашений.

Это было время расцвета качественных исследований, позволявших детально описывать случаи, фиксировать новые закономерности, формирующиеся в постсоветском обществе и экономике. Правда, качественные исследования, хоть и давали много материала для понимания и осмысления, все же оставались фрагментарными, и тех, кто знакомился с их результатами, зачастую смущало отсутствие репрезентативности. Управленцы, представители власти, журналисты, эксперты часто демонстрировали непонимание этого подхода и считали качественные описания хоть и интересными, но как бы не вполне достоверными. Поэтому появилась потребность объединить качественные описания с количественными, соответствующими принятым вне социологического сообщества критериям достоверности. Подобная стратегия стала характерной для Института сравнительных исследований трудовых отношений: качественные исследования становились базой для последующих количественных. Наиболее значимые единицы анализа квантифицировались, для них разрабатывались индикаторы и формировался соответствующий инструментарий. Примерами таких исследований могут служить проекты «Стратегии выживания семей, создание рабочих мест и новые формы занятости в России» [Занятость и поведение домохозяйств..., 1999], «Оценка деятельности независимых профсоюзов» [Бизюков и др., 2004], «Менеджмент и трудовые отношения: практики управления на современных российских предприятиях» [Практики управления..., 2005] и ряд других.

Во второй половине 2000-х годов опыт ИСИТО по сочетанию качественных и количественных исследований вновь оказался востребованным в связи с новыми изменениями социальной ситуации. В 2006 году государственные органы статистики в очередной раз изменили методику учета забастовок и стали фиксировать только те, которые признавались законными, то есть в рамках официально признанных коллективных трудовых споров. Если раньше число протестных акций измерялось сотнями и даже тысячами, то теперь это были единичные случаи. Разумеется, столь важное изменение формата репрезентации трудовых конфликтов требовало реакции со стороны исследователей, и решение проблемы оказалось связано с новым уровнем

распространения интернет-технологий. Многие сайты стали публиковать статьи и заметки о трудовых конфликтах и протестах, и эту информацию уже нельзя было не замечать. Мало того, работа по сбору этих сведений приобрела систематический характер после того, как в 2008 году по инициативе автора данной статьи началась работа Мониторинга трудовых протестов, которая продолжается по сей день. Первые девять лет Мониторинг осуществлялся в рамках некоммерческой организации «Центр социально-трудовых прав» (ЦСТП), а с 2018 года он функционирует как независимый проект. К середине 2023 года за 186 месяцев в рамках Мониторинга создана база данных, содержащая информацию о 4936 протестах. Основным источником информации являются сообщения о выступлениях работников, которые публикуются в интернете — в федеральных и региональных СМИ, на сайтах правоохранительных ведомств (прокуратуры, трудовой инспекции), интернет-страницах профсоюзов и общественных организаций, в телеграм-каналах. Они оперативно дают сведения об акциях работников по защите своих прав.

Методика сбора информации о протестах не может быть простой и укладываться в рамки какого-то одного подхода. Основные итоги работы Мониторинга представлены в виде количественных результатов — число различных протестов, их распределение по территориям, по секторам экономики, удельный вес причин, форм и т.п. Однако в основе получаемых данных лежит анализ текстов о протестах, который трудно свести к простому контент-анализу. Некоторая часть информации, безусловно, легко кодируется, например, территориальная локация (регион, город) или дата начала протестных действий. Но отраслевую принадлежность определить сложнее, так как она не всегда очевидна, и здесь нужно знание ситуации, чтобы понять, что именно происходит. Например, когда журналист пишет о «строителях трассы, остановивших работу из-за невыплат», нужно иметь в виду, что речь идет о дорожных строителях, то есть работников сферы транспортной инфраструктуры, а не о тех, кто строит дома и сооружения, — это разные отрасли с различающимися условиями, оборудованием, квалификацией и организацией труда. Точно так же осведомленность и даже поиск дополнительной информации нужны при определении отраслевой принадлежности «протестующих работников агрохолдинга», чтобы понять, что это не сотрудники молочного комбината (пищевая промышленность), а те, кто трудится на молочной ферме (сельское хозяйство). Еще сложнее бывает с причинами протестов, например, при определении различий акций из-за «неблагоприятных условий труда» и/или «графика работ». Бывают необходимы знания о том, чем отличается сверхурочная работа (дополнительная работа, оплачиваемая в повышенном размере) от работы в рамках суммированного учета рабочего времени (предусматривает повышенную продолжительность рабочего дня без дополнительной оплаты), какова должна быть процедура индивидуального увольнения и массового сокращения. Все это делает анализ текста не простым кодированием формальных индикаторов, а довольно сложной синтетической процедурой, которая подразумевает и знание законов, и поиск дополнительной информации, и опору на опыт и знание о похожих ситуациях, и многое другое, вплоть до консультаций у экспертов.

Поэтому методика Мониторинга — это сплав анализа текстов, справочной информации, дополнительных источников, позволяющий определить ряд формализованных параметров, подлежащих количественной обработке. Здесь, безусловно, могут быть слабые стороны: в частности, есть переменные, по которым нет информации и которые приходится считать факультативными. Так, не всегда удается найти сведения о результатах протеста или точное количество участников акций, что оставляет пропущенные значения в данных и «белые пятна» в анализе. Однако вряд ли можно рассчитывать на создание безупречной процедуры для отслеживания столь сложного и многообразного явления, как трудовой протест. Это особенно непросто сделать, учитывая, что из-за несовершенства юридической процедуры работники находят разнообразные способы выражения своего возмущения и несогласия с работодателем. Тем не менее в рамках Мониторинга с этой задачей удалось справиться, и на протяжении пятнадцати лет информация собирается, обрабатывается и публикуется. Фундаментом для создания гибкой системы, которая продолжала совершенствоваться на протяжении всего срока существования Мониторинга, был опыт исследований трудовых конфликтов в ИСИТО. Именно тогда стало ясно, насколько много акторов вовлечено в протесты, как эти события зарождаются и как могут заканчиваться.

В основе любого трудового протеста лежит конфликт работника и работодателя, но подавляющее большинство из них носят латентный характер, и они не видны для внешних наблюдателей. Только некоторая часть переходит в настолько острую фазу, что приобретает публичную форму, то есть становится собственно протестом. В рамках Мониторинга под *протестом* понимается *открытая форма трудового конфликта, в рамках которого работники (или отдельный работник) предприятия (организации, корпорации) или трудовая группа отказываются от традиционной деятельности и принятых взаимоотношений и предпринимают действия, направленные на отстаивание своей социально-трудовой позиции путем воздействия на работодателя или других акторов, способных влиять на позицию работодателя, с целью ее изменения в желаемую сторону.*

Такое определение отсекает целый ряд случаев, которые не стоит считать протестом, такие как жалобы, ибо они не сопровождаются действиями, выходящими за рамки нормальных, предписанных законом, внутренними регламентами и т.п. Также не считаются протестами действия, связанные с радикальным насилием, принимающие характер преступления, например нападение на работодателей, так как здесь уже речь идет не о сохранении или улучшении своей трудовой позиции, а о преступлении, то есть о событии, выпадающем из сферы трудовых отношений.

Основные параметры Мониторинга трудовых протестов

На протяжении всего периода существования Мониторинга ведется ежедневный поиск сообщений о протестах, и те из них, которые удовлетворяют условиям определения, вносятся в текстовую базу с указанием даты

и интернет-ссылки. Затем каждое сообщение кодируется, формируется количественная база (в формате SPSS), которая ежемесячно обрабатывается. Каждый случай в текстовой количественной базе имеет идентификационный код, позволяющий идентифицировать кодовую строку из количественной базы с текстами сообщений о данном протесте. По итогам формируются аналитические справки (месячные, квартальные, полугодовые и годовые), которые публикуются на специализированном сайте и в телеграм-канале¹.

При кодировке текстов о трудовых протестах фиксируются следующие переменные:

- идентификационный код, содержащий информацию о годе и месяце протеста;
- федеральный округ;
- субъект федерации;
- размер населенного пункта и его название;
- отрасль и название предприятия;
- причины протеста (так как у одного протеста может быть несколько причин, используется набор дихотомических переменных);
- формы протеста (так как в рамках одного протеста может применяться несколько форм, используется набор дихотомических переменных);
- стихийность протеста, то есть отсутствие (или наличие) институциональных акторов;
- дата начала протеста;
- дата окончания протеста (так как информация об окончании протеста не всегда содержится в исходном сообщении, переменная носит факультативный характер);
- результат протеста (так как информация о результатах протеста не всегда содержится в исходном сообщении, переменная носит факультативный характер).

Перечень ключевых переменных формировался на предварительном этапе в 2007 году на основе первичного корпуса текстов о протестах. Был разработан обязательный набор переменных, позволяющий включить в базу конкретный случай. Речь идет о территориальных и отраслевых данных, сведениях о причинах, формах и датах протеста. Позже, по мере изменения социально-экономической ситуации в стране, были добавлены переменные, позволяющие уточнить и детализировать основную информацию. Например, в связи с тем, что неплатежи стали главной причиной выступлений работников, появилась возможность добавить факультативные переменные о величине задолженности и ее сроках.

С 2016 года в рамках Мониторинга был разработан еще один блок переменных, связанных с вовлеченностью большого количества акторов в трудовые

¹ На сайте Мониторинга трудовых протестов содержатся не только отчеты за разные периоды, но и описание методики, информация о статьях и научных публикациях, в которых используются данные Мониторинга, а также полностью описана методика сбора и обработки информации. URL: <http://www.trudprotest.org/> (дата обращения: 14.03.2023). Телеграм-канал Мониторинга используется для публикации оперативных результатов. URL: <https://t.me/trudprotest> (дата обращения: 20.03.2023).

протесты. Для получения информации о них был проведен анализ текстов и составлен перечень возможных участников (35 акторов), а также разработана методика, позволяющая отслеживать взаимодействия между ними в рамках каждого протеста.

В целом Мониторинг трудовых протестов — это устойчивая система, которая позволяет собирать значимую информацию об акциях работников даже в условиях меняющейся социально-экономической ситуации. Удачная конфигурация позволяет дополнять систему, не разрушая ее целостности, и отслеживать изменение ситуации на долговременном отрезке при сохранении сравнимости данных.

С 2021 года границы Мониторинга расширились, и теперь данные (по возможности) собираются еще в нескольких странах — Украине¹, Казахстане, Грузии, Кыргызстане и Молдове. Для этих стран используется тот же подход, что позволяет обеспечить сравнимость результатов.

Линейный анализ данных

Первое направление анализа данных о протестах — линейный анализ, в рамках которого рассматривается как общее количество протестов, так и отдельные их характеристики. На Рисунке 1 показано общее количество трудовых протестов с 2008 по 2022 год с выделением так называемых стоп-акций, то есть протестов, в ходе которых происходит полная или частичная остановка работ.

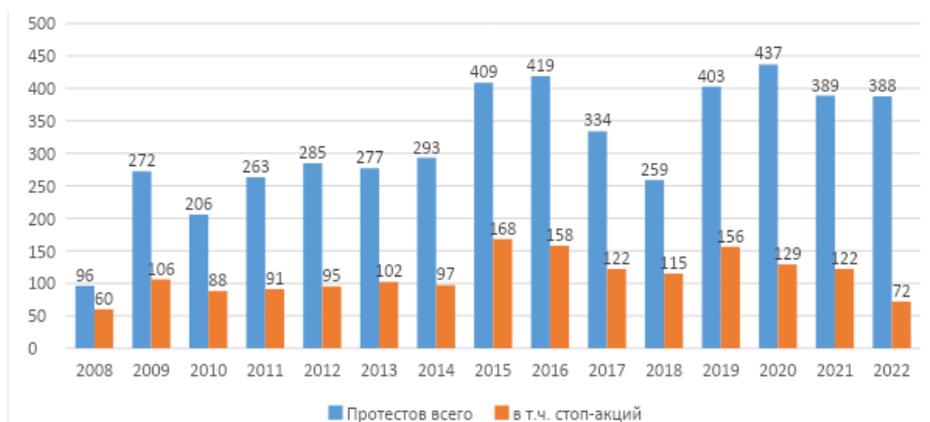

Рисунок 1. Количество трудовых протестов и стоп-акций в России с 2008 по 2022 год

Источник: расчеты автора.

Это наиболее общая информация, позволяющая понять уровень протестности в разные годы. Из приведенных данных видно, что наиболее напряженными были 2015, 2016, 2019 и 2020 годы. Как видно из Рисунка 1, протестов,

¹ Сбор данных по Украине в 2022 году прекращен из-за СВО.

несмотря на колебания этого показателя год от года, становится все больше, а это значит, что уровень протестности нарастает. При этом доля стоп-акций практически не меняется и составляет примерно одну треть от общего количества акций.

Кроме общего количества протестов, Мониторинг позволяет получать и анализировать отдельные характеристики. На Рисунке 2 приведены результаты территориального распределения протестов по федеральным округам.

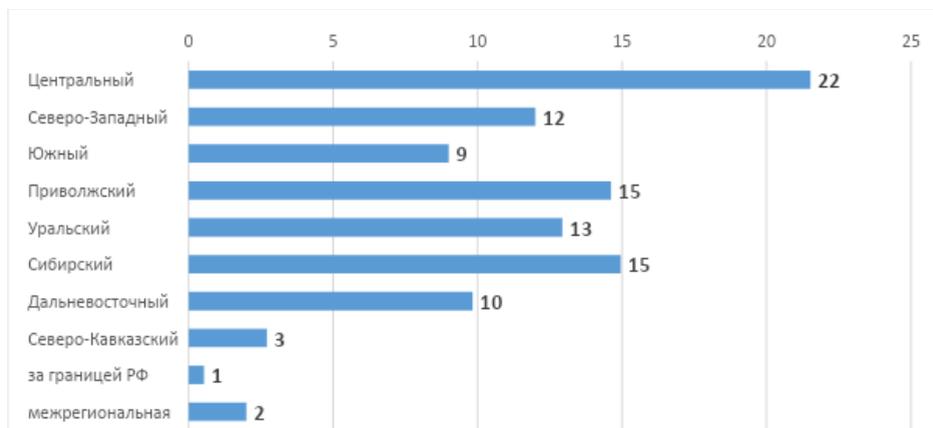

Рисунок 2. Территориальное распределение трудовых протестов по федеральным округам с 2008 по 2022 год (процент от общего количества протестов)
Источник: расчеты автора.

Со значительным отрывом от других лидирует Центральный федеральный округ, на долю которого приходится 22% от общего количества выступлений работников. Этому есть как минимум два объяснения. Во-первых, это самый населенный и насыщенный предприятиями и бюджетными организациями округ. Он, например, намного превышает по экономическому потенциалу Северо-Кавказский округ, на долю которого приходится всего 3% протестов. Во-вторых, до 2014 г., то есть до ужесточения закона о проведении уличных акций, довольно часто работники предприятий, входящих в крупные корпорации со штаб-квартирами в Москве, приезжали туда из регионов и организовывали митинги перед ними. Также поступали профсоюзы бюджетников, московские отделения которых протестовали перед министерствами, представляя интересы своих региональных коллег. В данном случае видно территориальное смещение из регионов в центр, где сосредоточены полномочия и где принимаются решения, вызывающие несогласие и возмущение работников в регионах.

Доля остальных округов более или менее равная, за исключением Северо-Кавказского, хотя и здесь следует учитывать особенности регионов. Например, в состав Уральского округа (13%) входит всего шесть субъектов Федерации, а в Приволжском (15%) их четырнадцать. На долю Дальневосточного округа, где проживает 8 млн человек, приходится 10% всех протестов, как и на долю Южного округа (9%), где населения вдвое больше.

Кроме того, в рамках Мониторинга учитываются и протесты, происходящие за рубежом. Например, забастовки российских моряков, организующих протесты против российских же судовладельцев в портах других стран. Особо стоит выделить межрегиональные акции: это хоть и редкий вид протестов, но очень важный. Они выходят за рамки локальных выступлений работников и требуют высокой степени организованности и сплоченности. В межрегиональных акциях могут участвовать до нескольких десятков регионов, и их стоит рассматривать как особый вид протестов, качественно иной по сравнению с обычными локальными выступлениями.

Другие характеристики протестов кодируются сложнее. Например, в рамках одного протеста у работников может быть сразу несколько требований, то есть причин. Поэтому для кодировки используется набор множественных дихотомических переменных. На Рисунке 3 приведено распределение трудовых протестов по причинам.

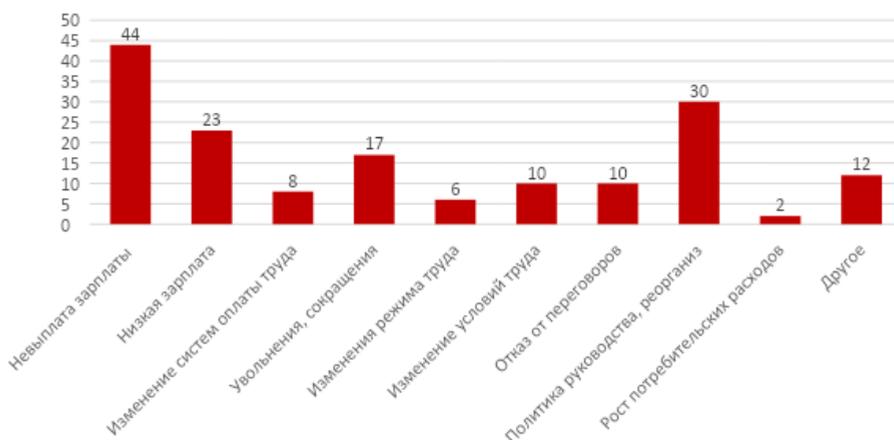

Рисунок 3. Причины трудовых протестов с 2008 по 2022 год (процент от общей численности протестов)

Примечание: так как в рамках одного протеста могло выдвигаться несколько причин, то сумма частот больше 100%.

Источник: расчеты автора.

Главной причиной, выводящей внутренний конфликт работников с работодателем в публичное пространство, являются полные или частичные невыплаты заработной платы (44%). На втором месте стоит политика руководства, связанная с реорганизацией, ухудшающей положение работников (30%). На третьем — низкая зарплата (23%). Такая структура показывает, что наибольшее количество противоречий вызывают неурегулированные законом вопросы, такие как неплатежи (они запрещены, но они существуют), реорганизация (нет никаких ограничений в этом вопросе, даже если они проводятся в ущерб положению работников). В отношении других причин существуют правовые регламенты, поэтому есть юридическая база для урегулирования возникающих противоречий и количество протестов, связанных с этими темами, гораздо меньше тех, которые не регулируются законом.

Кроме того, в те годы, когда число протестов из-за неплатежей возрастает, снижается количество конвенциональных акций, то есть тех, которые могут быть урегулированы на основе права. И, наоборот, когда неплатежей меньше, возрастает доля иных протестов. Возникает впечатление, что неплатежи — настолько болезненная тема для работников, что они подавляют все другие проблемы: если вам не платят, то неважно, по какому графику вы работаете, в каких условиях и т.п.

Таким образом, самый простой вид анализа (линейный) позволяет составить довольно точное представление о количестве и основных параметрах протестов.

Анализ относительных данных

Простые распределения дают самые элементарные данные, позволяющие составить наиболее общее представление. Но для более полного понимания и для получения взвешенных оценок простых линейных показателей недостаточно. Например, имея представление только о количестве протестов, невозможно понять, насколько напряженной является социально-трудовая ситуация в целом. Это можно сделать с помощью *коэффициента напряженности*, вычисляемого как отношение количества акций, в ходе которых происходит полная или частичная остановка работ (стоп-акции), к общему количеству протестов. Данные о коэффициенте напряженности приведены в Таблице 1. Уровень напряженности довольно вариативен, но не очень высок. Немногим более трети всех протестов работников сопровождается забастовками, остановками и замедлением работы, а большую часть составляют менее радикальные акции.

Таблица 1

Значения коэффициентов Мониторинга трудовых протестов 2011–2022 годов

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	Всего
Коэффициент напряженности	36,8	32,7	35,7	33,3	41,1	37,9	36,5	44,9	38,7	29,5	31,3	18,6	37,3
Коэффициент распространности трудовых протестов	0,72	0,73	0,69	0,73	0,82	0,85	0,78	0,72	0,82	0,91	0,8	0,84	0,75
Протестная нагрузка на один регион	4,3	4,7	4,9	4,7	5,8	5,8	5,1	4,1	5,8	5,7	5,6	5,5	4,8

Систему коэффициентов можно использовать для оценки большинства параметров. Например, территориальная распространенность хорошо иллюстрируется с помощью двух коэффициентов. Первый — это *коэффициент территориальной распространенности трудовых протестов, вычисляемый как отношение количества регионов за период, в которых зафиксированы протесты, к общему числу регионов* (см. Таблицу 1). Он показывает удельный вес регионов, в которых возникают трудовые протесты, или, если говорить в оценочных категориях, — территориальный охват страны. Вторым — коэффициент средней протестной нагрузки на один регион, *вычисляемый как отношение количества протестов в регионах, где они были зафиксированы за определенный период, к количеству регионов, где были зафиксированы протесты в целом* (см. Таблицу 1). Он показывает интенсивность протестов в стране или в федеральных округах.

Для коэффициента распространенности и коэффициента протестной нагрузки хорошо подходит аналогия слоя, размазанного по определенной площади. Первый показывает, насколько эта площадь велика, а второй — толщину намазанного слоя. С помощью этих двух индикаторов можно оценить, что максимальной «площадью» протестного слоя была в 2020 году, а также увидеть, что трудовые протесты возникают на большей части территории страны, то есть это явление не локальное и ограниченное, а распространенное, встречающееся повсеместно. Кроме того, это не единичный феномен, хотя и массовым назвать его тоже нельзя: среднее количество акций на один протестный регион не превышает шести случаев.

Еще одно перспективное направление анализа относительных показателей — соотнесение данных Мониторинга с другими. Примером может служить расчет количества трудовых протестов в расчете на 1 млн занятого населения. Такой показатель дает более точные параметры территориального распределения, так как здесь можно увидеть, среди какого количества работников генерируется напряженность. На Рисунке 4 приведены данные по федеральным округам за 2021 год.

В 2021 году в Центральном ФО зафиксировано 73 протеста, это наибольшее количество среди федеральных округов. Но при этом надо учитывать, что здесь и наибольшее количество занятых — 39,1 млн человек. Поэтому взвешенный показатель (4,86 протеста / млн занятых) — один из самых низких по стране. А самыми напряженными стоит считать Уральский округ, где на каждый миллион занятых (12,2 млн человек — более чем втрое меньше, чем в Центральном округе) приходится 9,03 трудовых протеста, и Дальневосточный (занятых — 8,1 млн чел) — 11,43.

Таким образом, данные Мониторинга позволяют получать дополнительную информацию, существенно уточняющую и дополняющую обычные линейные параметры.

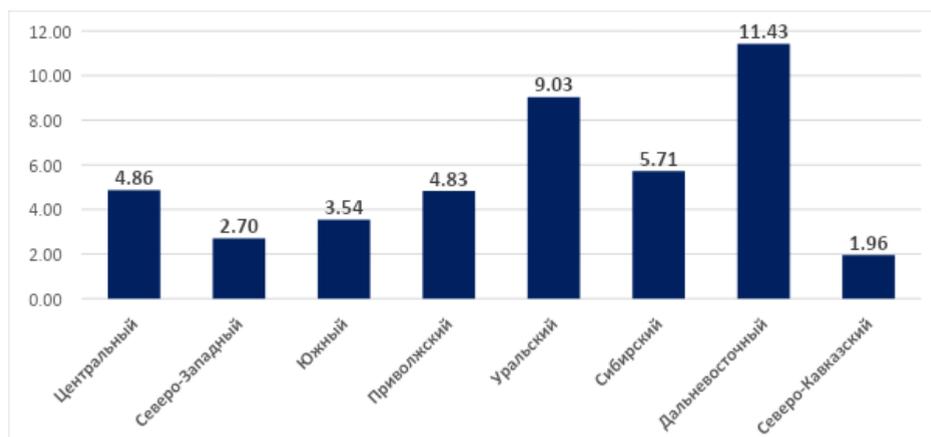

Рисунок 4. Количество протестов на 1 млн занятых по Федеральным округам в 2021 году (протестов / млн человек)

Источник: расчеты автора.

Изучение структуры взаимодействий в рамках трудовых протестов

Наиболее сложное направление анализа, которое проводится в рамках Мониторинга, — это изучение структуры взаимодействий акторов в ситуации трудовых протестов. Его методология была разработана в 2015 году, а с 2016 года накапливаются соответствующие данные и ведется анализ. Необходимость этого возникла после того, как стало очевидным расширение круга акторов и почти полный отказ от институциональной (правовой) процедуры урегулирования трудовых конфликтов. В результате анализа текстов о протестах было выделено 35 акторов, которые были объединены в семь групп: неорганизованные группы работников; члены профсоюзов и их лидеры; представители общественности, выступающие на стороне работников (пенсионеры, члены семей, жители, ученики, пациенты и т.п.); работодатели разных уровней; руководители и представители административной и законодательной власти; представители правоохранительных структур; политические общественные организации и другие.

Первичные сообщения позволяют не только определить максимально широкий круг участников, вовлеченных в трудовые протесты, и зафиксировать их взаимодействия (транзакции) между собой, то есть выделить исходящие (от кого) и входящие (к кому) транзакции. По каждому протесту определяется набор акторов (количество) и их взаимодействия (от кого к кому). Это дает возможность по итогам периода подсчитать не только количество субъектов, участвующих в протестах, но и две важные характеристики каждого из них. Первая — это активность, которая определяется количеством исходящих транзакций, вторая — авторитетность, измеряемая количеством входящих транзакций. На основе этих показателей можно вычислить коэффициент

значимости актора, рассчитываемый как отношение числа входящих транзакций (авторитетность) к числу исходящих от него транзакций (активность), умноженное на его удельный вес. Этот коэффициент основывается на том, как часто данный актор оказывается вовлеченным в протесты, сколько обращений он сделал и сколько других акторов обратились к нему [Бизюков, 2017]. Этот анализ важен для понимания институциональной природы трудовых протестов. Правовая норма заключается в том, что трудовой конфликт должен решаться в рамках закона посредством диалога между работником и работодателем, в идеале — внутри предприятия. Работники могут действовать либо индивидуально, либо через своих представителей в лице профсоюзов (забастовочных, стачечных комитетов и т.п.), наделенных полномочиями от коллектива. В конфликте могут участвовать правоохранительные органы, если к ним обращается одна из сторон, либо по своей инициативе, если возникает нарушение закона в части урегулирования ситуации. Таким образом, институциональными акторами являются работодатели, работники (в лице своих легитимных представителей) и правоохранительные органы, которые включаются в ситуации нарушения закона.

Однако российский закон не позволяет эффективно улаживать возникающие противоречия и служит в основном для подавления работников, предоставляя работодателю возможность срывать процедуру улаживания конфликта. Из-за этого конфликты выходят за пределы предприятия, в них вовлекаются другие акторы, которых нельзя считать институциональными, но которые тем не менее оказываются частыми и влиятельными участниками трудовых протестов.

Максимальная включенность наблюдается у работодателей (25%) и неорганизованных работников (27%). При этом обращает на себя внимание низкая доля профсоюза (6%) как институционального актора. Неорганизованные работники, выступающие стихийно, вне профсоюзов, по сути, являются главным действующим лицом. Другой значимый и неинституциональный актор — это административные власти, от высшего уровня до низшего, а также депутаты парламентов разных уровней (16%). Примерно такая же доля у правоохранительных органов, которые имеют право участвовать в ситуации конфликта.

Существенное влияние на коэффициент значимости оказывает соотношение активности и авторитетности акторов, определяемых через число исходящих и входящих транзакций. Максимальная активность у неорганизованных работников, что вполне объяснимо, так как протесты инициируют именно они. А наибольшая авторитетность у работодателей, так как именно от них в конечном счете зависит урегулирование ситуации. Соответственно, у них и наибольший коэффициент значимости (42%), почти вдвое превышающий второго по значимости актора — административные власти (21%). Неорганизованные работники, у которых высокий уровень включенности и активности, тем не менее имеют низкую значимость (15%). Это происходит потому, что большая часть их обращений остается без ответа.

Особо следует отметить крайне низкую значимость профсоюзов (3%) как участников трудовых протестов. Это объясняется и их невысокой

включенностью в протесты, и низким уровнем авторитетности. Низкая включенность связана с тем, что многие протесты возникают в тех отраслях, где нет профсоюзов. Правда, нельзя не отметить, что немало протестов проходит там, где профсоюзы есть, но они пассивны и не вмешиваются в конфликт. Также у профсоюзов, как и у неорганизованных работников, большая часть обращений остается без ответа.

В целом анализ включенности акторов и транзакций между ними дает понимание внутренней структуры взаимодействий всех участников трудовых протестов, причем накопленные данные позволяют отслеживать это в динамике. Главным изменением в значимости акторов протеста является постоянное снижение роли работодателей. При этом выросла значимость правоохранительных органов, неорганизованных работников и даже общественно-политических организаций. Последние все чаще не только вмешиваются в трудовые протесты, но порой даже становятся их организаторами. При этом стабильно высокой, а в последние годы даже увеличивающейся, является значимость административных властей. Такая динамика, скорее всего, говорит о том, что главную роль играют неинституциональные акторы, а значит, трудовые протесты урегулируются не на основе институциональных схем, а в рамках так называемого ручного управления. Решающее значение приобретает не то, насколько законно действует тот или иной актор, а как он сумеет воспользоваться своими ресурсами в данном месте и в данное время. Безусловно, если работники сумеют донести жалобы (возмущение) о своем бедственном положении до высокого начальства, губернатор, например, призовет работодателя к нормализации ситуации. Или, наоборот, если работодатель аффилирован с властями, то они, скорее всего, помогут ему подавить недовольство работников, сколь бы правы последние ни были. В целом акторно-транзакционный анализ позволяет довольно тонко и точно анализировать ситуацию.

Заключение

Изучение трудовых отношений в последние годы сопряжено с большими трудностями. Ни работодатели, ни работники не расположены открываться пред внешними исследователями. Для них откровенный рассказ о взаимодействиях, сложившихся на предприятиях и в организациях, выглядит как «вынос мусора», который невыгоден обеим сторонам. Поэтому традиционные социологические исследования, количественные или качественные, крайне затруднены, хотя актуальность трудовой тематики в современных условиях нисколько не уменьшается. В таких условиях любой источник информации становится актуальным.

Ситуацию существенно облегчает наличие интернета, благодаря которому информация попадает в публичное пространство, во-первых, очень быстро, а во-вторых, из максимально большого количества мест. Трудовые протесты — заметные события, о которых даже в условиях информационных

ограничений журналисты пишут довольно охотно. Как показывает опыт, из статей и сообщений можно извлекать немало информации, позволяющей систематически накапливать данные и анализировать их. Но здесь важно учитывать, что единого стандарта описания ситуаций у журналистов нет, поэтому система сбора и анализа информации должна быть такой, чтобы в ней было как меньше пробелов. Начавшийся в 2008 году Мониторинг трудовых протестов оказался удачной методикой, позволяющей не только получать постоянную и сравнимую информацию, но и совершенствовать ее, дополняя новыми переменными. В немалой степени это связано с тем, что тема трудовых конфликтов и протестов неоднократно изучалась в рамках ИСИТО, была описана их структура, проведена квантификация, позволившая получать надежные, устойчивые количественные данные.

В данной статье описаны основные возможности Мониторинга, показывающие, какую информацию можно получать из систематического сбора открытой информации в интернете. Главная цель заключается в том, чтобы показать многоуровневость информации: можно получить обобщенные данные, позволяющие составить представление о ситуации, а можно вникнуть в детали, оценить изменения, понять причины и логику протестующих, углубившись в особенности регионов и отраслей. Разумеется, не всю необходимую информацию удастся получить из сообщений об акциях работников. Например, только треть сообщений содержит информацию о результатах протеста. Этого мало, но таков исходный материал. Этот недостаток, однако, компенсируется большим количеством наблюдений: даже если в 30% случаев определенная информация отсутствует, наберется три тысячи случаев, когда она есть. Этого вполне достаточно, чтобы не только составить представление об эффективности протестов, но и выделить и сравнить разные типы протестов с точки зрения их эффективности (успешные полностью, частично или безрезультатные).

Как информационно-аналитическая система Мониторинг стал источником систематической информации, позволяющей не только отслеживать и изучать само явление (трудовой протест), но и получать представление о качестве трудовых отношений.

Литература

Бизюков П. Подземная шахтерская забастовка // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 44–53. EDN: [ZNWJWD](#)

Бизюков П., Бизюкова В., Бурнышев К., Донова И. Место профсоюзов в системе регулирования трудовых отношений. М.: ИСИТО, 2004. EDN: [ZONGDN](#)

Бизюков П. Взаимодействие акторов в пространстве трудового протеста // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. (Левада-Центр). 2017. № 3–4 (125). С. 132–146. EDN: [VJCJDQ](#)

Борисов В. Забастовки в угольной промышленности (Анализ шахтерского движения за 1989–1999 гг.). М.: ИСИТО, 2001.

Бородкин Ф. М., Коряк Н. М. Внимание: конфликт! 2-е изд. Н.: «Наука» Сибирское отделение, 1989.

Германов И. А. Самоорганизация работников и протестная активность // Профсоюзы на предприятиях современной России: возможности ребрендинга / Под ред. И. М. Козиной. М.: ИСИТО, 2009. С. 97–115.

Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям перехода к рыночной экономике в России / Под ред. В. Кабапиной, С. Кларка. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999.

Ильин В. Власть и уголь: шахтерское движение Воркуты (1989–1998 гг.). С.: СыктГУ, 1998.

Крутой пласт. Шахтерская жизнь на фоне реструктуризации отрасли и общероссийских перемен / Под ред. Л. Гордона, Э. Клопова, И Кожуховского. М.: Комплекс-Прогресс, 1999.

Козина И. Рабочее движение в России: анатомия забастовки // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 7. № 4. С. 485–502.

Лопатин Л. Н. История рабочего движения Кузбасса (1989–1991 гг.). К.: Би., 1995.

Лопатин Л. Н. Рабочее движение Кузбасса в воспоминаниях его участников и очевидцев / Под ред. Л. А. Гордона, А. А. Куделина. М.: ИМЭМО РАН, 1998.

Практики управления персоналом на современных российских предприятиях / Под ред. В. И. Кабапиной. М.: ИСИТО, 2005.

Чангли И. И. Труд. Социологические аспекты теории и методологии исследования. М.: Наука, 1973.

Labour Relations in Transition: Wages, Employment and Industrial Conflict in Russia / Ed. by S. Clarke. Cheltenham: Cheltenham Press, 1996.

Сведения об авторе:

Бизюков Пётр Вячеславович — независимый исследователь, социолог, руководитель независимого проекта «Мониторинг трудовых протестов», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** bizyukov.pb@gmail.com. **РИНЦ Author ID:** [714792](https://elibrary.ru/author_index.action?id=714792).

Статья поступила в редакцию: 29.07.2023

Принята к публикации: 30.08.2023

ВАК: 5.4.4; 5.4.7

.....
Monitoring of Labor Protests: Results and Directions of Analysis

DOI: [10.19181/inter.2023.15.4.2](https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.4.2)

Petr V. Bizyukov

Independent Researcher, St. Petersburg, Russia

E-mail: bizyukov.pb@gmail.com

The article describes the methodology and analytical capabilities of the “Monitoring of labor protests in Russia”. The information base is Internet messages about labor protests, which contain the necessary information and are first entered into a textual and then into a quantitative database. The monitoring has been functioning for 15 years and has accumulated information about 4.5 thousand protests. The structure of the Monitoring is briefly

described, the main concepts and variables that allow analyzing the protest movement in several directions at once.

The first direction is linear data analysis, which allows obtaining the most general data on the number of protests and their most important characteristics. Another direction is the calculation of indices, which make it possible to obtain comparable and relative indicators, which make it possible to overcome the heterogeneity of the compared objects.

Another important type of analysis is the long-term dynamics of protests based on the identification of trends and the development of criteria for its assessment: determining the turning points of trends from growth to decline and vice versa, as well as the intensity of trends at each stage.

An actor-transactional analysis launched in 2016, which determines the number of actors involved in labor protests (35 types of actors are identified) and types of interactions (transactions) between them, both outgoing (actor activity) and incoming (actor authority). Based on these indicators, the index of significance of each actor is calculated, which is monitored in dynamics. This makes it possible to understand the role institutional and non-institutional actors play in the settlement of protests.

Keywords: labor relations and protests; actors; monitoring; statistical analysis; statistical indexes

References

Bizyukov P. (1995) Podzemnaya shakhterskaya zabastovka [Underground Miners' Strike]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10. P. 44–53. (In Russ.)

Bizyukov P., Bizyukova V., Burnyshev K., Donova I. (2004) *Mesto profsoyuzov v sisteme regulirovaniya trudovykh otnosheniy* [The Place of Trade Unions Within the System of Regulation of Labor Relations]. Moscow: ISITO. (In Russ.)

Bizyukov P. (2017) Vzaimodeystviye aktorov v prostranstve trudovogo protesta [Interaction of Actors in the Labor Context Protest]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannyye. Analiz. Diskussii. (Levada-Tsentr)* [The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discusses. (Levada-Centre)]. No. 3–4. P. 132–146. (In Russ.)

Borisov V. (2001) *Zabastovki v ugolnoy promyshlennosti (Analiz shakhterskogo dvizheniya za 1989–1999 gg.)* [Strikes in the Coal Industry (Analysis of the Miners' Movement for 1989–1999)]. Moscow: ISITO. (In Russ.)

Borodkin F.M., Koryak N.M. (1989) *Vnimanije: konflikt!* [Attention: Conflict!]. 2nd ed. Novosibirsk: "Nauka" Sibirskoye otdeleniye. (In Russ.)

Changli I.I. (1973) *Trud. Sotsiologicheskiye aspekty teorii i metodologii issledovaniya* [Work. Sociological Aspects of the Theory and Methodology of Research]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Clarke S. (1996) *Labour Relations in Transition. Wages, Employment and Industrial Conflict in Russia*. Cheltenham: Cheltenham Press.

Germanov I.A. (2009) Samoorganizatsiya rabotnikov i protestnaya aktivnost [Self-Organization of Workers and Protest Activity]. In: I.M. Kozina (ed.) *Profsoyuzy na predpriyatiyakh sovremennoy Rossii: vozmozhnosti rebrendinga* [Trade Unions at the Enterprises of Modern Russia: Possibilities of Rebranding]. Moscow: ISITO. P. 97–115. (In Russ.)

Ilyin V. (1998) *Vlast i ugol: shakhterskoye dvizheniye Vorkuty (1989–1998 gg.)* [Power and Coal: Vorkuta Mining Movement (1989–1998)]. Syktyvkar: SKU. (In Russ.)

Gordon L., Klopov E., Kozhukhovskii I. (1999) *Krutoy plast: Shakhterskaya zhizn na fone restrukturizatsii otrasli i obshcherossiyskikh peremen* [A Steep Layer. Mining Life Against the Background of Industry Restructuring and Nationwide Changes]. Moscow: Kompleks-Progress. (In Russ.)

Kabalina V.I. (2005) *Praktiki upravleniya personalom na sovremennykh rossiyskikh predpriyatiyakh* [Personnel Management Practices at Modern Russian Enterprises]. Moscow: ISITO. (In Russ.)

Kabalina V., Clark S. (1999) *Zanyatost i povedeniye domokhozyaystv: adaptatsiya k usloviyam perekhoda k rynochnoy eko-nomike v Rossii* [Employment and Household Behavior: Adaptation to the Conditions of Transition to a Market Economy in Russia]. Moscow: "Rossijskaya politicheskaya enciklopediya" (ROSSPEN). (In Russ.)

Kozina I.M. (2010) *Rabocheye dvizheniye v Rossii: anatomiya zabastovki* [Labor Movement in Russia: Anatomy of the Strike]. *Zhurnal issledovaniy socialnoj politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 7. No. 4. P. 485–502. (In Russ.)

Lopatin L. N. (1995) *Istoriya rabochego dvizheniya Kuzbassa (1989–1991 gg.)* [The History of the Kuzbass Labor Movement (1989–1991)]. Kemerovo: B.i. (In Russ.)

Lopatin L. N. (1998) *Rabocheye dvizheniye Kuzbassa v vospominaniyakh ego uchastnikov i ochevidtsev* [The Labor Movement of Kuzbass in the Memoirs of its Participants and Eyewitnesses]. Ed. by L. A. Gordon, A. A. Kudelina. Moscow: IMEMO RAN. (In Russ.)

Author Bio

Petr V. Bizyukov — Independent Researcher, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** bizyukov.pb@gmail.com. **RSCI Author ID:** 714792.

Received: 29.07.2023

Accepted: 30.08.2023

DOI: 10.19181/inter.2023.15.4.3

EDN: JPPTMR

Солидарность в музее: практики репрезентации социальных проблем в российских институциях современного искусства

Ссылка для цитирования:

Петрова Л. Е. Солидарность в музее: практики репрезентации социальных проблем в российских институциях современного искусства // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 4. С. 56–74. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.4.3> EDN: JPPTMR

For citation:

Petrova L. E. (2023) Solidarity in the Museum: Practices of Representation of Social Problems in Russian Institutions of Contemporary Art. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 15. No. 4. P. 56–74. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.4.3>

Петрова Лариса Евгеньевна

Екатеринбургская академия современного искусства,
Екатеринбург, Россия

E-mail: petrova@eaca.ru

В 2021 году российские музеи посетили 95,5 млн человек, и это достаточное основание, чтобы рассматривать роль музеев шире, чем просто сбор, хранение и демонстрацию культурного наследия. Являются ли музеи пространством солидарности — репрезентируют ли социальные проблемы, артикулируют ли социальные интересы, критерии общности и различия групп? Особенно важно этот вопрос задать относительно институций современного искусства, которые за последние 30 лет обрели в России свою аудиторию и заслужили репутацию независимых, отказываясь от канонов и привлекая внимание к повседневной жизни. На примере двух частных столичных и одного государственного регионального музея автор анализирует контент экспозиций за 2020–2021 годы. Теоретическая рамка исследования — социальный конструкционизм и постструктурализм. Цель статьи — характеристика форм и степени критичности художественного высказывания на примере деятельности институций современного искусства. Используется авторская типология моделей репрезентации музеями социальных проблем: классическая, критическая и партисипаторная. На основе эмпирических

данных об экспозициях трех музеев современного искусства делается вывод о слабой реализации потенциала музеев современного искусства как института солидарности. Данные демонстрируют количественную дифференциацию представленности критических высказываний на выставках разных институций: от трети до половины выставок не имеют критической ориентации, не вовлекают зрителя в обсуждение социальных проблем. Разведывательный характер исследования указывает на необходимость дополнения методики экспертными оценками, а также создания измерительной модели исследования сферы культуры вообще и музея в частности, отражающей степень их участия в актуальных социальных процессах.

Ключевые слова: солидарность; музей; современное искусство; артикуляция интересов; репрезентация социальных проблем

Благодарности:

Автор выражает благодарность коллегам по ИСИТО за приглашение принять участие в конференции «Тревожное общество и (не)возможности солидарности», посвященной 30-летию Санкт-Петербургской ассоциации социологов, состоявшейся 15–18 апреля 2022 года в Социологическом институте РАН — филиале ФНИСЦ РАН, и обсуждение доклада, на основе которого подготовлена статья, на секции «Труд и солидарность в 21 веке». Персональная благодарность — Веронике Бизюковой и Светлане Ярошенко за терпеливое, бережное и профессиональное сопровождение подготовки этого текста.

Введение

Сфера культуры активно трансформируется как социальный институт, призванный отражать и формировать не только эстетические ценности, но и этические проблемы общества, а также поднимать социальные вопросы и предлагать варианты их решения. Так, музеи могут отказаться от благотворительной помощи, если предполагают, что их рассматривают как инструмент улучшения бизнесом своей репутации, особенно в острой ситуации. Такое явление получило название «токсичная филантропия». Из последних примеров — отказ музея Виктории и Альберта от финансирования фондом Саклер (это семейство владеет компанией Purdue Pharma, выпускающей обезболивающее оксиконтин, который вызывает привыкание и в настоящее время стал одним из факторов эпидемии опиоидной наркомании в США)¹. Более радикальные примеры — снос памятников спорных исторических личностей, чья позиция сегодня подвергается критике: например, предложение

¹ Опубликована частная переписка членов семейства Саклер, подтверждающая, что они использовали музеи и благотворительность как PR-стратегию. Новые истории о «токсичной филантропии» // Артгид. 2020. URL: <https://artguide.com/news/7597> (дата обращения: 15.03.2023).

южноафриканского художника Уильяма Кентриджа закопать статую Уинстона Черчилля 1973 года на Парламентской площади в Лондоне по пояс, чтобы зрители могли «смотреть на него свысока» как следствие переосмысления расистской позиции политика. Эта идея была высказана в ходе акции движения Black Lives Matter¹. В результате статуя Черчилля и некоторые другие были закрыты щитами, чтобы защитить их от протестующих.

Акцент на возможностях и ограничениях в выражении общности интересов, готовность артикулировать разные позиции, повышение потенциала искусства во влиянии на социетальные процессы пока не стали предметом научного исследования, особенно применительно к российской культуре вообще, к современному визуализированному искусству в частности. В настоящий момент проблемы «cancel culture» (культуры отмены) репрезентированы только в медийном поле (за редким исключением — см.: [Киселева, Муромская, 2020: 585]). При этом культура отмены — прямая технология реализации ценностного регулирования/цензурирования, фиксации проблемы в самом искусстве, попытка через искусство решить проблемы прав человека.

Указанные процессы можно рассматривать как трансформацию культуры в качестве института публичной солидарности, поскольку традиционно культура понимается как сфера производства и закрепления смыслов и отношений. Музей как знаковая культурная институция понимается нами как место репрезентации актуальной социальности. Будучи учреждением, которое занимается сбором, изучением, хранением и экспонированием предметов — памятников культуры, а также просветительской и популяризаторской деятельностью, музей со времени своей институциализации (всего-то с XVIII века) подвергся существенной трансформации. Значение европейских музейных институций (в выражении господствующей политической идеологии, влиявшей на формирование коллекций и способы их экспонирования) описано Карстеном Шубертом в работе «Удел куратора» [Шуберт, 2016].

Вплоть до второй трети XX века музейная практика была локализована на европейском континенте, но в 1930-е годы в США, в Нью-Йорке, открылся Музей современного искусства (MoMA), директор которого Альфред Барр считал музей лабораторией, приглашающей публику принять участие в экспериментах, и практиковал широчайшую музейную амплитуду — работа со зрителем, лекции, активные экскурсии, гибкость и открытость во всем. Это происходило на фоне упадка европейских музеев после окончания Второй мировой войны, а затем некоторого расцвета после событий 1968 года. Начало XXI века Карстен Шуберт называет «битвой за жизнь и душу музея»: «По одну сторону фронта стоят адепты новых успешных музеев — свежих игроков лиги „культурной индустрии“ с их массовым успехом и толпами посетителей, по другую — хранители очага, защитники духа старого музея, преданного научным и образовательным целям» [Шуберт, 2016: 159]. Таким

¹ Художник Уильям Кентридж предлагает закопать статую Уинстона Черчилля по пояс, чтобы зрители могли «смотреть на них свысока» // Артгид. 2022. URL: <https://artguide.com/news/8533> (дата обращения: 17.03.2023).

образом, динамика социальных функций музея очевидна, но с учетом скорости социальных изменений сегодня она стала еще интенсивнее.

Как в музее проявляется солидарность? И может ли музей рассматриваться как институт солидарности? Мы понимаем институционализированную солидарность как правила взаимопонимания и единодушия. Применительно к музеям стоит отметить установку на общность музейных целей и целей общественного развития, которые (как сформулировано, например, в Целях развития тысячелетия ООН) всегда ориентированы на общественное благо, достигаемое через соучастие¹. Поэтому важен генезис музея как института солидарности и его осмысление. В данной статье мы впервые предпринимаем попытку оценки роли музея в формировании и функционировании института солидарности. Критическое художественное высказывание — начало солидарности, выражение позиции несогласия с определенным социальным явлением и призыв разделить ценности. Солидарность — феномен, для которого критика атрибутивна, но сочетается с поддержкой групповой идентичности и отстаиванием определенной картины мира. Уже указанные музейные (шире — свойственные искусству вообще) этические аспекты эстетического подтверждают ценностную составляющую современного художественного мира.

Сегодня сам концепт музея подвергается существенной трансформации. Распространенным явлением стали музеи топора / сапога / мыльных пузырей / шоколада. Интересно, что музейщики активно сопротивляются переносу названия культурной институции на широкий спектр проектов, настаивая на том, что музей непременно и собирает, и хранит, и изучает артефакты, а не только представляет их. Иными словами, сегодня расширяется понимание — идут поиски наиболее адекватного понимания музея как института, выступающего на стороне общества, представляющего различные позиции по поводу актуальных социальных вопросов. В 2022 году определение понятия «музей» официально изменилось впервые более чем за полвека. Международный совет музеев (ИКОМ — ИКОМ) провел голосование между представителями более пятисот музеев со всего мира, и 92% проголосовали за новые признаки, описывающие музей: «Музей — это некоммерческая, постоянно действующая организация на службе обществу, которая исследует, собирает, сохраняет, интерпретирует и демонстрирует материальное и нематериальное наследие. Открытые для публики, доступные и инклюзивные музеи способствуют разнообразию и устойчивости. Они работают и общаются этично, профессионально и с участием сообществ, предлагая разнообразный опыт для обучения, развлечения, побуждая к размышлениям и обмену знаниями»². Далее эта формулировка (результат экспертного обсуждения) будет предложена ЮНЕСКО для утверждения, и в случае принятия повлияет на то, смогут ли частные галереи, музеи топора и пр. официально называться

¹ 17 целей для преобразования нашего мира // Сайт ООН. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru> (дата обращения: 29.10.2023).

² Принято новое определение понятия «музей» // THE ART NEWS PAPER. 2022. URL: <https://www.theartnewspaper.ru/posts/20220826-jord/> (дата обращения: 29.10.2023).

себя музеями. Как видно из нового определения, музей призван интерпретировать наследие, способствовать разнообразию, побуждать к размышлению. Казалось бы, эти задачи слабо связаны с солидарностью. Но дебаты по поводу определения музея начались три года назад, тогда консенсус не был достигнут из-за предложений включить в формулировку следующее положение: «музеи <...> пространства, созданные для критического осмысления и обсуждения прошлого и будущего, которые работают во имя человеческого достоинства, социальной справедливости, глобального равенства и благополучия в масштабах планеты»¹. Такое определение абстрактно, но прогрессивно, в нем много потенциала солидарности, оно отражает запрос со стороны гражданского общества ко всем социальным институтам, призыв вести активный диалог с обществом и тем самым менять/улучшать его. Принятое на сегодняшний день новое определение музея не так радикально, но все же отражает большую включенность музеев в публичную жизнь, их новые социальные функции.

Цель статьи — охарактеризовать формы и степень критичности художественного высказывания на примере деятельности институций современного искусства.

Выбор в пользу музеев современного искусства продиктован как нашими научными интересами и исследовательским опытом, так и тем фактом, что contemporary art воспринимается как альтернатива классическому искусству (впрочем, обе эти позиции относительны: сто лет назад «Черный квадрат» К. Малевича воспринимался как инновация, а сегодня это классика).

Массовость и толпы зрителей, мода на выставки-блокбастеры, очередь к которым выстраивается на целый день, объем развлекательного контента видятся феноменами, слабо связанными с потенциалом музея репрезентировать социальные проблемы и конфликты, быть активным агентом социализации. Но это только на первый взгляд. Ориентация публики на гедонизм [«Что-то новое и необычное»..., 2018] — только часть потребительской практики, хотя ее уже можно считать массовой. 2019 год называют годом музейного бума с максимально высокими показателями посещаемости отечественных музеев. Пандемия COVID-19, конечно, повлияла на динамику посещаемости, но в музеи по-прежнему ходят миллионы россиян (см. Таблицу 1). Увеличение числа посетителей не является отличительной чертой российских музеев, их аудитория растет во всем северном полушарии.

Согласно открытым данным Министерства культуры РФ, всего в 2021 году в России функционировал 2981 музей, включая филиалы и структурные подразделения, число посещений за год — 95,428 млн человек².

В числе востребованных — музеи современного искусства, в том числе частные. В тридцать самых посещаемых вошли как государственные и муниципальные (Мультимедиа арт музей и Московский музей современного искусства), так и частные («Эрарта» и «Гараж»).

¹ Принято новое определение понятия «музей» // THE ART NEWS PAPER. 2022. URL: <https://www.theartnewspaper.ru/posts/20220826-jord/> (дата обращения: 29.10.2023).

² Музеи. Сводные данные. Статистическая информация // Портал открытых данных Министерства культуры РФ. 2022. URL: https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-stat_museum_svod (дата обращения: 29.10.2023).

Таблица 1

**Посещаемость музеев в РФ (топ-30 рейтинга посещаемости российских музеев
и художественных выставок за 2021 год)¹**

Место в рейтинге	Общее число посетителей в 2021 году	Музей	Город
1	3 300 000	Государственный музей-заповедник «Петергоф»	Санкт-Петербург
2	3 029 068	Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Казанский Кремль»	Казань
3	2 581 523	Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор»	Санкт-Петербург
4	2 260 231	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург
5	2 242 405	Мультимедиа арт музей / «Московский дом фотографии»	Москва
6	2 188 947	Государственный музей-заповедник «Сталинградская битва»	Волгоград
7	1 857 585	Государственный художественно-архитектурный дворцово-парковый музей-заповедник «Царское село»	Москва
8	1 649 443	Государственный Эрмитаж	Санкт-Петербург
9	1 580 819	Государственная Третьяковская галерея	Москва
10	1 162 060	Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник	Владимир
11	1 108 420	Ярославский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник	Ярославль
12	1 082 160	Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»	Севастополь
13	899 400	Государственный музей-заповедник «Остров-град Свияжск»	Свияжск
14	878 227	Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Музей Победы)	Москва
15	805 385	Новгородский государственный объединенный музей-заповедник	Новгород

¹ Рейтинг посещаемости российских музеев и художественных выставок за 2021 год // THE ART NEWS PAPER. 2022. URL: <https://www.theartnewspaper.ru/posts/20220826-jord/> (дата обращения: 29.10.2023).

Место в рейтинге	Общее число посетителей в 2021 году	Музей	Город
16	766 326	Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина	Москва
17	641 375	Государственный исторический музей	Москва
18	578 225	Государственный музей-заповедник «Царицыно»	Москва
19	577 929	Музеи Московского Кремля	Москва
20	556 123	Московский музей современного искусства	Москва
21	530 677	Государственный музей-усадьба «Архангельское»	Московская область
22	524 916	Государственный музей-усадьба «Остафьево» — «Русский Парнас»	Москва
23	487 234	Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник	Елабуга
24	452 465	Музей современного искусства «Эрарта»	Санкт-Петербург
25	440 143	Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское»	Псковская область
26	435 738	Государственный музей-заповедник С. А. Есенина	Рязанская область
27	421 199	Музейное объединение «Музей Москвы»	Москва
28	420 000	Музей Фаберже	Санкт-Петербург
29	411 004	Государственный историко-художественный и литературный музей-заповедник «Абрамцево»	
30	408 057	Музей современного искусства «Гараж»	Москва

В России история современного искусства начинается с 1992 года, с создания по всей стране филиалов ГЦСИ — Государственного центра современного искусства. Подвергшаяся трансформации в 2017–2019 годах, в 2020 году сеть филиалов ГЦСИ в шести городах России (во Владикавказе, Екатеринбурге, Калининграде, Нижнем Новгороде, Санкт-Петербурге и Томске) вошла в состав Пушкинского музея. Как указано на сайте ГМИИ им. Пушкина, «объединение призвано создавать и развивать новую креативную среду в регионах страны,

работать с уникальной идентичностью каждой территории и интегрировать современное искусство России в международный контекст»¹.

Почему именно современное искусство в наибольшей степени способно репрезентировать социальные проблемы и конфликты?

Под современным искусством мы понимаем неканонические практики искусства, представленные на арт-рынке в конце XX — начале XXI века. В этом значении современное искусство отличается от понятия «актуальное искусство», имеющего только темпоральные характеристики, а также от художественных течений авангарда, модерна и постмодерна.

Современное искусство, по определению лишённое стандартов и жестких правил, обладает установками на критичность, и это одно из оснований противопоставления классической традиции. Но важнее для нашей темы свобода представителей современного искусства в выборе форм репрезентации своих ценностей — от перформанса до масляной живописи, от экспериментирования с современными технологиями (цифровые аудио- и видеоматериалы) до активных партисипаторных практик. Неслучайно ядром аудитории Уральской индустриальной биеннале современного искусства, как и аналогичных институций в крупных нестоличных российских городах, являются люди, демонстрирующие современный стиль городской жизни, с высоким уровнем образования, имеющие установки на саморазвитие и самопознание, инноваторы [Петрова, Бурлуцкая, 2020: 171–172].

Почему музей можно рассматривать как элемент системы солидарности в обществе? Он позволяет через распространённые потребительские практики знакомиться с контентом, демонстрирующим разнообразие и общность, возможность диалога, источники конфликтов и их жертвы. Причем делается это на эмоциональном уровне, что выгодно отличает музей от других институтов, формирующих ценности. Правда, эти механизмы работают только в том случае, если музей ориентируется на критическую модель репрезентации, а еще лучше — на партисипаторную, что будет показано дальше.

Проблематика современного искусства с его потенциалом критичности и репрезентацией в музейных проектах социальных проблем и конфликтов очень слабо представлена в русскоязычной научной периодике. Укажем на ключевые тексты и их влияние на формирование нашей концепции.

Подходы к пониманию социальной роли музеев

Большинстве социологических подходов к изучению музеев опираются на структурный анализ, а агентные интерпретации пока мало распространены [Максимова, 2019: 118–120]. Искусство как форма социальности служит также предметом социологической критики [Малик, 2022: 89–90].

Традиционно музей анализируется с позиций политики репрезентации прошлого, при этом авторы, описывающие его с этой точки зрения,

¹ Екатеринбург. Уральский филиал // ГМИИ имени А. С. Пушкина. URL: <https://pushkinmuseum.art/museum/branches/index.php?lang=ru> (дата обращения: 29.10.2023).

расставляют различные акценты. Музеи видятся и как институты (вос)производства традиционной культуры [Руденко, 2014: 134], и как механизмы репрезентации самых разных социальных феноменов, выходящих за рамки собственно культурной сферы [Му, 2022: 78–82]. Музеи описываются как кейсы визуализации политики памяти, с позиций противоречий между разными по форме художественными высказываниями, как агенты травмы и ностальгии [Абрамов, 2018; Постная, 2016; Рождественская, Тартаковская, 2011; Стрельникова, 2014; Тартаковская, Тарновская, 2014].

Что же касается сферы современного искусства, то она до сих пор крайне редко становится объектом социологических исследований — это относится как к самим проектам [Кенигсберг, 2020], так и к изучению их аудитории [Петрова, Бурлуцкая, 2020]. Отчасти эти трудности связаны с тем, что современное искусство — явление неконвенциональное по своей природе, также неконвенционально и его определение [Шмелева, 2022]. Нередко его произведения становятся объектом острой медийной дискуссии, как, например, в случае со скульптурой, установленной в Москве рядом с ГЭС-2 [Федосова, Гасимова, Ляненко, 2022: 7–8]. С этой его особенностью связан еще один аргумент в пользу потенциала выражения солидарности именно в современном искусстве. Противостояние, конфликт с традициями, акцент на моменте — эти черты современного искусства являются релевантными для репрезентации конфликтов и актуальных проблем.

Итак, сфера культуры может рассматриваться как один из институтов солидарности, а художественные институции современного искусства, активно представленные на российском арт-рынке, обладают наибольшим потенциалом репрезентации социальных проблем и конфликтов. Научную проблему в настоящий момент составляют поиск новых форм солидарности, конструирование количественных и качественных измерительных инструментов репрезентации солидарности в музеях, а также апробация гипотезы о представленности критического художественного высказывания в музеях современного визуализированного искусства.

Теоретическая модель и методы сбора эмпирических данных

Автор опирается на две ключевых теории интерпретации культуры вообще и музея как института солидарности в частности, а также использует свою типологию моделей репрезентации музеями социальных проблем.

В социологии это социальный конструкционизм, восходящий к социальному конструированию реальности в контексте социологии знания. Культура и изобразительное искусство — это процесс создания нового знания (в данном случае в виде образов) об окружающей действительности и усвоения этого знания. Соответствующим образом выделяются субъекты конструирования — художники, кураторы, руководители музейных институций, с одной стороны, и зрители — с другой. Но процесс воспроизводства знания является циклическим. Воспринятый образ мира конструирует следующий цикл интерпретации,

меняет практики, которые затем опять отражаются в искусстве. Культура как сфера выступает регулятором этих социальных отношений, предоставляя возможности для высказывания и его восприятия. В этом контексте солидарность как репрезентируемый феномен может столкнуться с «фильтром» (внутренней цензурой) со стороны музея, который усиливает или снижает степень критичности высказывания и тем самым влияет на эмоциональное восприятие зрителями художественных образов.

Теоретической рамкой для анализа культуры как института солидарности в искусствознании можно считать постструктурализм, где право на художественное высказывание коррелирует с правом на практическое действие, а художник субъектен — его высказывания шире, чем закодированный язык произведения. Согласно этому подходу, в произведении нет устойчивой (и устоявшейся) интерпретации окружающего мира. Фиксируется также латентное влияние на культуру за счет массовизации восприятия транслируемых смыслов и ценностей. Диада «художник — зритель» представляется в этой логике слишком узкой, недостаточной для описания эффекта художественного высказывания [Искусство..., 2019].

Институт культуры, в частности музей изобразительных искусств, рассматривается нами как институциональная форма солидарности в силу: 1) распространенной практики репрезентации социального мира через визуальный текст (индикатор — положительная динамика посещений музеев), 2) наличия множества институциональных возможностей восприятия художественного текста (индикатор — функционирование частных и государственных культурных институций, различия по жанрам, размер музеев и пр.).

На примере представленности в музеях экологической повестки¹ мы сформулировали три модели репрезентации музеями социально значимых проблем: классическая модель, критическая и партисипаторная [Петрова, 2021]. Различия между ними продемонстрированы в Таблице 2.

Классическая модель реализации социальной ответственности является самой распространенной, ее можно охарактеризовать как низкозатратную. Критическая модель может быть по-разному организована, способна интенсивно влиять на ситуацию, но при этом тоже низкозатратна. Партисипаторная модель предполагает высокую степень реализации социальной ответственности, развитие определенного опыта осмысления соответствующей темы, продвижение прогрессивных технологий, установки на ценности. Последняя модель требует множества вложений — как собственно материальных, финансовых, так и усилий по внедрению инноваций. Обратим внимание: только партисипаторная модель репрезентации социальной повестки атрибутивно предполагает участие самого музея и его зрителей в решении проблем. Мы, в данном случае, приводим пример с экологической повесткой — недостаточно показать красоту природы, последствия негативного воздействия человека на нее, необходимо безальтернативно экономить ресурсы и т.д.

¹ Обращение к экологической повестке как примеру репрезентации социально значимых проблем в сфере культуры — одна из возможностей анализа социальной ответственности, в частности в режиме повестки ESG (англ. Environmental, Social, and Corporate Governance — экологическое, социальное и корпоративное управление).

Модели репрезентации музеями экологической повестки

Формы реализации	Классическая	Критическая	Партисипаторная
Экспозиция, мероприятия	Биоразнообразие, заповедники, описание релевантных терминов и понятий. Выставки, тематические экскурсии. Главная задача — воспитание	Атрибуция ответственности за экологическую катастрофу, критическое осмысление взаимоотношений человека и природы. Организация выставок, где природа, мусор, последствия экологических катастроф — объект художественного осмысления	Социальная критика в экспозициях сочетается с активной позицией музея — сбор мусора в помещении, отказ от пластика, снижение углеродного следа и пр. Пример ответственного подхода к организации среды
Результат	Новое знание	Социальная критика разрушения природы, безответственного отношения к проблемам экологии	Знание + формирование ценностей + мультипликация опыта
Возможности	Вовлечение большого числа людей	Политическое влияние, формирование ценностей как основы действий. Формирование медиаповестки	Опривычивание сознательно экологического подхода, демонстрация возможности использования технологий, активная представленность социальной ответственности, пример для дальнейшего поведения
Ограничения	Не формируется компетенция, только приращение знания, ценностное воздействие поверхностно	Интенсивное формирование ценностей	Необходимость инвестиций со стороны музея — время, потраченное на новый проект организационного развития, работа с поставщиками, изменение рабочей рутины музея и пр., а также дополнительная работа с персоналом, привлечение тех, кто готов к изменениям
Типичные институции, демонстрирующие данный подход (в РФ)	Естественнонаучные музеи, музеи-заповедники	Музеи и галереи современного искусства	Амбициозные, современные, богатые музеи, многие из них негосударственные
Этика	Традиционная: изучать, знать	Новая: обличать средствами искусства, формировать таким образом ценности	Новая + вовлеченная — начинать с себя, показывать пример, демонстрируя, что по-другому — неэтично

Результаты

Мы применили разработанную модель реализации социальной ответственности музеями к социально-политической проблематике. Выводы исследования, которое можно считать разведывательным, имеют скорее характер уточнения гипотез. Они основаны на статистическом и дискурсивном анализе выставок трех музеев современного искусства в России — двух частных столичных и одного регионального (Музей современного искусства «Гараж» в Москве, Музей современного искусства «Эрарта» в Санкт-Петербурге и Уральский филиал Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина — бывший Уральский филиал ГЦСИ). Такой выбор обусловлен следующими обстоятельствами: 1) необходимостью репрезентации частных и государственной институций с целью сравнения уровня свободы художественного высказывания, различия в цензурировании текстов; 2) необходимостью сравнения различий в выставочной политике столичных крупных музеев с высокой посещаемостью и известной региональной площадки современного искусства.

Процедура анализа была выстроена следующим образом: на сайтах музеев были выбраны и включены в базу данных все выставочные проекты 2021–2022 годов, кодировалась степень критичности высказывания той или иной выставки по трехбалльной шкале (наличие — слабое / нерадикальное / неявное критическое высказывание — отсутствие), затем коды подверглись количественному анализу. Ограничением, влияющим на результаты исследования, оказались различия в объеме первичной базы анализируемых выставок: в «Эрарте» выставочный план был самый масштабный — около 30 экспозиций в год. Отсюда диспропорция выделенных кодов: применительно к «Эрарте» использовано 229 кодовых слов, к «Гаражу» — 78, к Уральскому филиалу ГМИИ им. А. С. Пушкина — 55. Тем не менее мы считаем, что, учитывая разведывательный характер исследования, полученные результаты имеют эвристическую ценность.

Как видно из Таблицы 3, доля критических высказываний в выбранных культурных институциях различается. Наименьшая — в Музее современного искусства «Эрарта», для которого характерна ориентация на поп-культуру. Лишь треть выставок идентифицирована как имеющие хотя бы слабый критический потенциал. В региональном музее только каждая третья экспозиция не имеет потенциала критики, репрезентации социальных проблем и конфликтов. Столичный музей современного искусства демонстрирует, что каждая вторая выставка имеет слабое критическое высказывание, критична каждая четвертая. Таким образом, солидарность в музее как возможность артикулировать свои социальные интересы, поставить проблему, выразить художественным языком видение современных конфликтов даже в институциях современного искусства представлена слабо.

Распределение выставочных проектов 2021–2022 годов по степени критичности в трех музеях современного искусства

	Всего выставок	С критикой		Слабокритичны		Нет критики	
		абс. числа	%	абс. числа	%	абс. числа	%
Музей современного искусства «Эрарта», Санкт-Петербург	64	4	6	15	23	45	70
Уральский филиал ГМИИ им. А. С. Пушкина, Екатеринбург	15	4	27	6	40	5	33
Музей современного искусства «Гараж», Москва	8	2	25	4	50	2	25
Итого	87	10	11	25	29	52	60

Еще один эмпирический метод, использованный нами, — это визуализация частотности и выделение субтем совокупности кодов [Антонов, Веряев, Костюкова, Доманский, 2017]. Этот способ компрессии информации имеет множество инструментов, мы обращались к сервису WORDSCLOUD¹.

Визуальный анализ кодов, представленный на Рисунках 1–3, иллюстрирует выводы из Таблицы 3.

Рисунок 1. Визуализация кодов выставок Музея современного искусства «Эрарта», 2021–2022 годов
 Источник: визуализация автора.

¹ Облако слов. URL: <https://wordscld.pythonanywhere.com/faq.html> (дата обращения: 29.10.2023).

Рисунок 2. Визуализация кодов выставок Музея современного искусства «Гараж», 2021–2022 годов
Источник: визуализация автора.

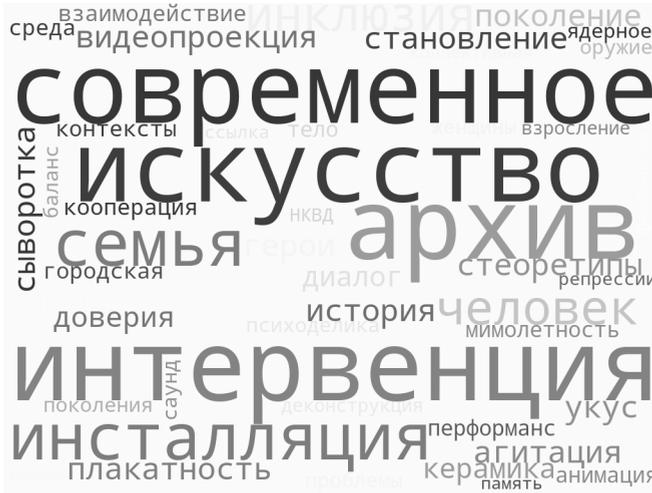

Рисунок 3. Визуализация кодов выставок Уральского филиала ГМИИ им. А. С. Пушкина, 2021–2022 годов
Источник: визуализация автора.

Заключение

Полученные выводы можно разделить на три части: констатация, апробация модели анализа и методов измерения и предварительные выводы разведывательного исследования.

Ставший массовым институтом культуры, современный музей репрезентирует широкий тематический спектр социальности, а институции современного

визуализированного искусства позиционируют себя как предназначенные для актуального художественного текста. Суггестивное влияние искусства и право художника на конструирование ценностей и смыслов через высказывание, широкая амплитуда организационных форм, отсутствие канонов и строгих цензурированных процедур — ключевые возможности для анализа потенциала современного искусства в репрезентации социальных проблем и конфликтов. Но в целом современный российский музей как институт солидарности не сложился, о чем можно судить по контенту экспозиций. Музей ориентирован на классическую форму репрезентации социальных проблем (демонстрацию), а не на критическую или партисипаторную.

Разведывательное исследование зафиксировало количественную дифференциацию представленности критических высказываний на выставках между тремя институциями современного искусства. В целом от трети до половины выставок в музеях современного искусства не имеют ориентации на представление социально значимых проблем и конфликтов. Это означает, что художественное высказывание пассивно, не ориентируется на достижение целей равенства, общественного блага, не идентифицирует интересы определенной социальной группы, не привлекает внимание зрителей к другим группам, их интересам.

Мы ставили задачу апробировать методiku, сделать предварительные выводы, сформулировать гипотезы о дальнейшем изучении проблемы репрезентации социальных конфликтов и проблем в современном визуализированном институциональном искусстве. Апробация показала, что количественных характеристик недостаточно: наличие или отсутствие релевантной проблематики не всегда можно зафиксировать на основе открытых данных, требуется дополнять материал экспертными оценками — именно по поводу выставок, которые подвержены измерению. Однако экспертные оценки могут быть и обобщенными, характеризовать в целом ориентацию культуры на критичность, радикальные высказывания, артикуляцию художественным языком социальных интересов и ценностей.

Литература

Абрамов Р. Н. Ностальгические аффекты и коммодификация советского: на примере Музея советских игровых автоматов // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2018. Т. 10. № 15. С. 41–54. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2018.15.3>

Антонов А. Ю., Веряев А. А., Костюкова Т. А., Доманский В. А. Трехстадийная модель использования облака тегов и концепт-карт в учебном процессе для работы с англоязычными текстами // Язык и культура. 2017. № 40. С. 122–134. DOI: <http://dx.doi.org/10.17223/19996195/40/10>

Искусство с 1900 года: модернизм, антимодернизм, постмодернизм / Под ред. Р. Краусс, Х. Фостер, И.-А. Буа, Б.Х.Д. Бухло. М.: Ad Marginem, 2019.

Кенигсберг Е. Я. Проект межрегионального развития в области современного искусства NEMOSKVA как концептуальный ресурсный центр современного искусства // Искусство и культура. 2020. Т. 37. № 1. С. 25–31. EDN: NIHIDR

Киселева А. Э., Муромская А. В. Cancel culture и институт репутации в России // Молодой ученый. 2020. Т. 338. № 48. С. 585–588. EDN: AXBCFE

Максимова А. С. Развитие подходов к изучению музеев в социальных и гуманитарных науках // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22. № 2. С. 118–146. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.2.5>

Малик Ю. С. Искусство в контексте современных теорий социального: критический анализ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2022. Т. 43. № 1. С. 89–94.

Му Ю. Репрезентация образа Китая в русскоязычных блогах о современном искусстве // Казанская наука. 2022. № 3. С. 78–82. EDN: [XQCGLP](#)

Петрова Л. Е. Новая музейная этика: кто выбирает экологию как приоритет организационного развития? // Культура и экология — основы устойчивого развития России. Безальтернативность зеленой стратегии. Е.: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2021. С. 151–158. EDN: [KZPVOQ](#)

Петрова Л. Е., Бурлуцкая М. Г. Аудитория современного искусства в крупных городах России: ядро, периферия и перспектива // Мир России. Социология. Этнология. 2020. Т. 29. № 4. С. 171–203. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-4-171-203> EDN: [WWPKVD](#)

Постная Е. Музей истории ГУЛАГа как отражение травматического опыта // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2016. Т. 8. № 12. С. 68–79. EDN: [XXVYXP](#)

Рождественская Е., Тартаковская И. Пространство памяти в «Афганском» музее: попытки договориться с прошлым // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2011. Т. 5. № 6. С. 103–117. EDN: [QBKNZJ](#)

Руденко Н. И. Инфраструктура, сети, переговоры: производство традиционной культуры в этнографическом музее // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 3. С. 134–150. EDN: [SWEWWL](#)

Стрельникова А. Памятник без музея, музей без памятника: непростая биография «Рабочего и колхозницы» // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2014. Т. 6. № 8. С. 52–58. EDN: [TDOXOL](#)

Тартаковская И., Тарновская Е. «Одной правды нет»: визуализация политики памяти в историческом музее // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2014. Т. 6. № 8. С. 59–72. EDN: [TDOXOV](#)

Федосова М. Е., Гасимова А. М., Ляненко А. Г. Медиаобраз скульптуры большая глина № 4 как противостояние современного искусства и общественного мнения // Universum: филология и искусствоведение. 2022. Т. 96. № 6. С. 7–12. DOI: <https://10.32743/UniPhil.2022.96.6.13908>

«Что-то новое и необычное»: аудитория современного искусства в крупных городах России / Под ред. М. Г. Бурлуцкой, Д. А. Костиной, Е. С. Кочуховой. М.; Е.: ООО «Фабрика комиксов», 2018. EDN: [YMWQJF](#)

Шмелева Н. В. О критериях современного искусства: культурологический подход // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2022. № 45. С. 172–183. DOI: <http://dx.doi.org/10.17223/22220836/45/16>

Шуберт К. Удел куратора. Концепция музея от Великой французской революции до наших дней. М.: Гараж, 2016. EDN: [URGHXG](#)

Сведения об авторе:

Петрова Лариса Евгеньевна — кандидат социологических наук, доцент, профессор, Екатеринбургская академия современного искусства, Екатеринбург, Россия. **E-mail:** petrova@easa.ru. **РИНЦ AuthorID:** [109732](#); **ORCID ID:** [0000-0003-2981-916X](#).

Статья поступила в редакцию: 08.11.2022

Принята к публикации: 14.06.2023

Solidarity in the Museum: Practices of Representation of Social Problems in Russian Institutions of Contemporary Art

DOI: 10.19181/inter.2023.15.4.3

Larisa E. Petrova

Ekaterinburg Academy of Contemporary Art,
Ekaterinburg, Russia
E-mail: petrova@eaca.ru

In 2021, 95.5 million people visited Russian museums, and this is sufficient reason to consider the role of museums more than just the collection, storage and demonstration of heritage. Are museums a space of solidarity — do they represent social problems, do they articulate social interests, commonalities and differences of groups? It is especially important to apply this to the institutions of contemporary art in Russia, which over the past 30 years have found their audience and confirmed the reputation of independence, rejection of the canons, and problematization of everyday life. Using the example of two private metropolitan and one well-known state non-capital museum, the author analyzed the content of expositions for 2020–2021 using two methods. The theoretical framework of the study is social constructionism and post-structuralism. The purpose of the article is to characterize the forms and degree of criticality of artistic expression on the example of contemporary art institutions. The author's typology of models for the representation of social problems by museums is used — classical, critical and participatory. Based on empirical data on the expositions of three museums of contemporary art, a conclusion is made about the poorly realized potential of museums of contemporary art as an institution of solidarity — it has clearly not developed. The data demonstrate quantitative differentiation in the representation of critical statements at exhibitions of various institutions — from a third to a half of the exhibitions do not have a critical orientation, do not involve the viewer in the discussion of social problems. The initial nature of the study indicates the need to supplement the methodology with expert assessments, substantiate the measuring model for studying the sphere of culture in general and the museum in particular as an institution of solidarity.

Keywords: solidarity; museum; contemporary art; articulation of interests; representation of social problems

References

Abramov R. N. (2018) Nostalgicheskiye affekty i kommodifikatsiya sovetskogo: na primere Muzeya sovetskikh igrovyykh avtomatov [Nostalgic Affects and the Commodification of the Soviet Period: on the Case of Museum Soviet Arcade Machines]. *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya*. [Interaction. Interview. Interpretation.]. Vol. 10. No. 15. P. 41–54. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2018.15.3>

Antonov A. Yu., Veryev A. A., Kostyukova T. A., Domanskiy V. A. (2017) Trehstadijnaya model ispolzovaniya oblaka tegov i koncept-kart v uchebnom processe dlya raboty s angloyazychnymi tekstami [Three-Stage Model of Using the Tags Cloud and Concept Maps in the Educational Process of Working with English Texts]. *Yazyk i kultura* [Language and Culture]. No. 40. P. 122–134. (In Russ.) DOI: <http://dx.doi.org/10.17223/19996195/40/10>

Burlutskaya M. G., Kostina D. A., Kochukhova Ye. S. (2018) "Chto-to novoye i neobychnoye": auditoriya sovremennogo iskusstva v krupnykh gorodakh Rossii ["Something New and Extraordinary": Contemporary Art Audience in Major Russian Cities]. Moscow; Ekaterinburg: OOO "Fabrika komiksov". (In Russ.)

Fedosova M. Ye., Gasyмова A. M., Lyanenko A. G. (2022) Mediaobraz skulptury bolshaya glina № 4 kak protivostoyaniye sovremennogo iskusstva i obshchestvennogo mneniya [Media Image of Big Clay 4 as Confrontation of Modern Art and Public Awareness]. *Universum: filologiya i iskusstvovedeniye* [Universum: Philology and Art Criticism]. Vol. 96. No. 6. P. 7–12. (In Russ.) DOI: <https://10.32743/UniPhil.2022.96.6.13908>

Kenigsberg Ye.YA. (2020) Projekt mezhregionalnogo razvitiya v oblasti sovremennogo iskusstva NEMOSKVA kak kontseptualnyy resursnyy tsentr sovremennogo iskusstva [The Project of Interregional Development in the Field of Contemporary art NEMOSKVA as a Conceptual Contemporary Art Resource Center]. *Iskusstvo i kultura* [Art and Culture]. Vol. 37. No. 1. P. 25–31. (In Russ.)

Kiseleva A. E., Muromskaya A. V. (2020) Cancel culture i institut reputatsii v Rossii [Cancel Culture and Reputation Institution in Russia]. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist]. Vol. 338. No. 48. P. 585–588. (In Russ.)

Krauss R., Foster H., Bois Y.-A., Buchloh B. (2019) *Iskusstvo s 1900 goda: modernizm, antimoder-nizm, postmodernizm* [Art Since 1900: Modernism, Antimodernism, Postmodernism]. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)

Maksimova A. S. (2019) Razvitiye podkhodov k izucheniyu muzeyev v sotsial'nykh i gumanitar-nykh naukakh [Development of Approaches to Studying Museums in Social Sciences and Humanities]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 22. No. 2. P. 118–146. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.2.5>

Malik Yu.S. (2022) Iskusstvo v kontekste sovremennykh teoriy sotsial'nogo: kriticheskiy analiz [Art in the Context of Modern Theories of the Social: a Critical Analysis]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Scientific Journal. Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy]. Vol. 43. No. 1. P. 89–94. (In Russ.)

Mu Yu. (2022) Rerezentatsiya obraza Kitaya v russkoyazychnykh blogakh o sovremennom iskusstve [Representation of the Image of China in Russian-Language Blogs about Contemporary Art]. *Kazanskaya nauka* [Kazan Science]. Vol. 43. No. 1. P. 89–94. (In Russ.)

Petrova L. Ye., Burlutskaya M. G. (2020) Auditoriya sovremennogo iskusstva v krupnykh gorodakh Rossii: yadro, periferiya i perspektiva [The Audience of Contemporary Art in Major Russian Cities: Core, Periphery and Perspective Audience]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. Vol. 29. No. 4. P. 171–203. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-4-171-203>

Petrova L. E. (2021) Novaya muzeynaya etika: kto vybirayet ekologiyu kak prioritet organizatsionnogo razvitiya? [New Museum Ethics: Who Chooses Ecology as a Priority of Organizational Development?]. *Kultura i ekologiya — osnovy ustoychivogo razvitiya Rossii. Bezal'ternativnost' zelenoy strategii* [Culture and Ecology — the Basis of Sustainable Development in Russia. No Alternative to a Green Strategy]. Yekaterinburg: Uralskiy federalnyy universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B. N. Yeltsina. P. 151–158. (In Russ.)

Postnaya Ye. (2016) Muзей istorii GULAGa kak otrazheniye travmaticheskogo opyta [GULAG History Museum as a Reflection of Traumatic Experience]. *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya*. [Interaction. Interview. Interpretation.]. Vol. 8. No. 12. P. 68–79. (In Russ.)

Rozhdestvenskaya Ye., Tartakovskaya I. (2011) Prostranstvo pamyati v "Afganskom" muzeye: popytki dogovorit'sya s proshlym [Memory Space in the "Afghan" the Museum Attempts to Negotiate with the Past]. *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya*. [Interaction. Interview. Interpretation.]. Vol. 5. No. 6. P. 103–117.

Rudenko N. I. (2014) Infrastruktura, seti, peregovory: proizvodstvo traditsionnoy kul'tury v etnograficheskom muzeye [Infrastructure, Networks, Negotiations: the Production of Traditional Culture in the Ethnographic Museum]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 17. No. 3. P. 134–150. (In Russ.)

Shmeleva N. V. (2022) O kriteriyakh sovremennogo iskusstva: kulturologicheskiy podkhod [About Criteria of Modern Art: Cultural Approach]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*.

Kulturologiya i iskusstvovedeniye [Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History]. No. 45. P. 172–183. (In Russ.) DOI: <http://dx.doi.org/10.17223/22220836/45/16>

Shubert K. (2016) *Udel kuratora. Konceptiya muzeya ot Velikoj francuzskoj revoljucii do nashix dnei* [The Curator's Lot. The Concept of the Museum from the Great French Revolution to the Present Day]. Moscow: Garazh. (In Russ.)

Strelnikova A. (2014) Pamyatnik bez muzeya, muzey bez pamyatnika: neprostaya biografiya "Rabocheho i kolkhoznitsy" [Monument, no Museum, no Monument: the Challenging Biography of the "Worker and Kolkhoznitsa"]. *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya*. [Interaction. Interview. Interpretation.]. Vol. 6. No. 8. P. 52–58. (In Russ.)

Tartakovskaya I., Tarnovskaya Ye. (2014) "Odnoy pravdy net": vizualizatsiya politiki pamyati v istoricheskom muzeje ["The One Truth": Rendering of the Politics of Memory in the Historical Museum]. *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya*. [Interaction. Interview. Interpretation.]. Vol. 6. No. 8. P. 59–72. (In Russ.)

Author Bio:

Larisa E. Petrova — Candidate of Sociology, Associate Professor, Professor, Ekaterinburg Academy of Contemporary Art, Ekaterinburg, Russia. **E-mail:** petrova@eaca.ru. **RSCI AuthorID:** 109732; **ORCID ID:** 0000-0003-2981-916X.

Received: 08.11.2022

Accepted: 14.06.2023

DOI: 10.19181/inter.2023.15.4.4.
EDN: EFIXKE

Причины (не)удачной солидарности гражданского общества в России: профессионализм без альтруизма

Ссылка для цитирования:

Ярошенко С. С., Лыткина Т. С. Причины (не)удачной солидарности гражданского общества в России: профессионализм без альтруизма // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 4. С. 75–96. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.4.4> EDN: EFIXKE

For citation:

Yaroshenko S. S., Lytkina T. S. (2023) Reasons for the (Un)Successful Solidarity of Civil Society in Russia: Professionalism Without Altruism. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 15. No. 4. P. 75–96. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.4.4>

Ярошенко Светлана Сергеевна

Независимый исследователь,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: svetayaroshenko@gmail.com

Лыткина Татьяна Степановна

Институт социально-экономических
и энергетических проблем Севера Коми научного
центра Уральского отделения РАН, Сыктывкар, Россия
E-mail: tlytkina@yandex.ru

В статье проводится сравнительный анализ результатов двух кейс-стади, проведенных авторами с 2010 по 2020 год в общественных организациях России. Утверждается, что в российском обществе сосуществуют две основные формы гражданской солидарности: моральная и профессиональная. Обе направлены на решение социальных проблем, вызванных воспроизводством бедности. Обе выражают себя через создание гражданских инициатив, ориентированных на помощь другим, оказавшимся в сложной жизненной ситуации. Однако вместе с профессионализацией происходит смещение ориентиров с помощи другим на личные достижения, а вместе с этим выстраиваются границы между профессионалами и нуждающимися в поддержке. Помощь

оказывается нефункциональной в рыночном обществе, но тем не менее востребованной среди бедных, заинтересованных в преодолении структур неравенства через взаимопомощь и кооперацию. Моральная солидарность, хотя и самодостаточная, не поддерживается неолиберальной идеологией и государством. Профессиональная солидарность, напротив, согласуется с рыночной логикой, но выстраивается, сохраняя дистанцию и от государства, и от общественных организаций с другими ценностями. В результате формируются замкнутые солидарные сообщества, ограниченные во влиянии на власть.

Ключевые слова: гражданская солидаризация; моральная и профессиональная солидарность; инволюция; неолиберальная политика; постсоциализм

Введение

На протяжении последних трех десятилетий формирование рыночных отношений в России сопровождалось выстраиванием разнонаправленных защит общества от рынка. Наличие таких защит — это закономерная реакция на разрушительное влияние рынка, подчинение которого обществу является важным условием успешной социальной трансформации [Поланьи, 2002]. Однако в начале 2000 года, подводя итог десятилетних исследований в России, американский социолог М. Буравой опубликовал статью под названием «Великая инволюция в России». В ней он задавался вопросом, почему в одной стране (Англия XIX века) рынок способствовал появлению энергичного и процветающего общества, а в другой (Россия XX века) привел к тому, что общество отступило, спрятавшись в раковину подобно улитке [Буравой, 2000]. Одним из ответов на этот вопрос было заключение, что в значительной степени оказались разрушены основы социальной организации на рабочем месте, а также то обстоятельство, что трудовой коллектив, хотя и сохранялся, уже больше не был средством защиты работников [Clarke, 1995; Ashwin, 1999]. Данная тенденция сопровождалась ростом социального неравенства и расколом общества на множество замкнутых социальных групп, чья кооперация была ограничена, при этом акторы, занимающие привилегированные позиции, контролировали доступ к ресурсам менее благополучных сограждан [Лыткина, 2011]. Принимая во внимание данные заключения, мы инициировали исследования гражданских инициатив, среди которых полагали обнаружить новые формы солидарности, направленные на решение актуальных социальных вопросов, способные защитить общество и гражданские права от давления рынков и государства. Результаты проведенных нами исследований позволяют включиться в дискуссию о том, что сдерживает развитие гражданского общества [Патнэм, 1996], в каких специфических формах оно реализуется в России и каковы основания для конструктивных взаимодействий граждан друг с другом [Шабанова, 2017].

В данной статье мы обращаемся к российскому гражданскому обществу, не являющемуся частью ни экономической сферы, ни государства. Наша

задача — представить результаты сравнительного анализа двух случаев гражданской солидаризации в контексте реализации неолиберального проекта¹ в постсоциалистических условиях. Первый случай — общественный центр «Пегас»² в северном регионе России, оказывающий бесплатные услуги детям из бедных семей и взрослым с ограниченными возможностями, второй — социально-культурная организация «Фортуна» в Санкт-Петербурге, также предоставляющая бесплатные занятия, ориентированные на развитие потенциала детей и подростков из групп социального риска (с уличным опытом, из неблагополучных семей). В обоих случаях в фокусе внимания общественных организаций были дети и подростки, чьи возможности для самореализации и признания в обществе ограничены не только низкими родительскими ресурсами, но и существующими по отношению к ним предубеждениями и ошибочными представлениями о причинах неблагополучия и видах необходимой поддержки. Иными словами, оба случая — это примеры солидаризации, коллективного действия, направленного на решение социальных проблем, вызванных воспроизводством бедности. Оба случая изучались в 2010-е годы в стиле развернутого монографического исследования, предполагающего разворот от исследователя к информанту, от микроситуации к макроконтексту, во времени и пространстве и, наконец, «реконструкцию устаревшей теории» [Буравой, 1999]. Суть данного метода заключается в том, что теория не открывается заново, а пересматривается, не обосновывается, а совершенствуется, то есть разворачивается перед лицом внешних аномалий и внутренних противоречий [Burawoy, 2009]³. При изучении первого случая интервью проводились как с участниками солидарного сообщества, так и с представителями сотрудничающих с ним организаций: муниципальными и региональными чиновниками, работниками детских учреждений, а также потребителями частных услуг. Такое расширение способствовало прояснению масштабов кооперации и внешних факторов, сдерживающих или стимулирующих ее. Исследование второго случая также было дополнено элементами институциональной этнографии, направленной на раскрытие управляющих отношений, ограничивающих автономию и способность менять жизненную ситуацию по инициативе самих участников [Smith, 2005]. Применение этой методологии позволило детальнее описать ущерб, наносимый гражданской солидарности существующим институциональным устройством, а также четче представить возможные трансформационные стратегии, усиливающие солидарное действие. Сравнительный анализ полученных результатов

¹ Неолиберализм — это теория политэкономической практики, исходящей из убеждения, что благополучие людей может быть достигнуто путем предоставления индивидам свободы предпринимательства с помощью институтов, поддерживающих право частной собственности, свободный рынок и свободную торговлю [Harvey, 2005].

² Для сохранения анонимности используются вымышленные названия общественных организаций, в которых проводились исследования.

³ В целом, следуя данным принципам, развивается рефлексивная модель социологии, альтернативная позитивистской и основанная на рефлексии по поводу взаимодействия исследователя и участников, локальных процессов и внешних сил, разных теорий внутри социологического знания [Burawoy, 2009: 13–55].

осуществляется по следующим основаниям: политики идентичности, способы взаимодействия, формы и масштаб солидарности. Тем самым мы стремимся ответить на вопрос о том, как меняется солидарность в российском обществе, какие способы взаимодействия ее ограничивают, а какие способствуют успешной солидаризации в решении социальных вопросов. В итоге нас интересует, почему солидаризация отставала от процессов индивидуализации и аномии, а российское гражданское общество не стало консолидированным как в решении социальных вопросов, так и в противостоянии авторитарным тенденциям.

Основной тезис, выносимый на обсуждение в данной статье, можно сформулировать следующим образом: в обоих случаях зафиксирована *гражданская солидаризация*, для которой, однако, характерны незавершенные процессы формирования политики идентичности «снизу», ограничения в распространении кооперации за пределы гражданских инициатив и, наконец, минимальное влияние на проводимую государством социальную политику. Успешная солидарность предполагает продвижение интересов социально уязвимых групп более благополучными гражданами, необходимость вовлечения в солидарные проекты разных социальных классов и важность согласования их интересов при продвижении идеологических притязаний на гражданство, адресованных агентам, представляющим как капиталистические рынки, так и государство.

Гражданское общество между рынком и государством: макроконтекст

Общественные организации в России развиваются в условиях восстановления в стране капитализма и распространения рыночных отношений на ранее не охваченные ими сферы. Если в 1990-е годы рыночными реформами было охвачено производство, то в 2010-е годы изменения уже касались сферы социального воспроизводства.

Так, коммерциализация системы образования, здравоохранения и социальной защиты ускорилась в процессе реформирования бюджетных организаций, в частности с принятием в 2010 году федерального закона № 83-ФЗ о государственных учреждениях¹. Вместо распределения благ теперь и бюджетные, и автономные организации были призваны оказывать социальные услуги. Рыночные отношения, предполагающие рациональный расчет, радикально меняют способ взаимодействия и решения социальных вопросов. Индивидуальная активность в получении дохода для обеспечения благополучия, а также и прибыли, распространяется на нетоварную общественно значимую деятельность (по социальному воспроизводству),

¹ Федеральный закон от 08.05.2010 n 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты российской федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» (принят ГД ФС РФ 23.04.2010) // Государственная дума. URL: <https://duma.consultant.ru/documents/1261860?items=100> (дата обращения: 15.08.2023).

связанную с заботой о других, поддержанием социальных связей и передачей определенных ценностей. При этом труд за деньги совмещается с трудом по совести, что облегчает процесс извлечения прибыли. Поскольку забота не является товаром, а является значимой деятельностью, нагруженной различными смыслами и моральными обязательствами, то нематериальные составляющие деятельности по поддержанию социальных связей и заботы о других используются для компенсации и/или оправдания низкой заработной платы. В результате в стратегиях решения конфликта между трудовым вкладом и его вознаграждением выстраивается неравный обмен в пользу тех, кто ориентирован на личное благополучие и получение коммерческой выгоды, в силу приписывания им «культурного» превосходства, скрывающего институциональный механизм исключения [Ярошенко, 2013].

Формирование рыночной экономики обслуживания в России сопровождается развитием не только рыночных или государственных сервисов, но и гражданского сектора: общественных организаций, предоставляющих услуги и демонстрирующих альтернативу прежним государственным институтам (детским домам, досуговым учреждениям и т.д.). Их деятельность также становится предметом государственного регулирования. За время существования изучаемых нами гражданских инициатив произошло законодательное оформление деятельности «социально значимых» организаций¹. Общественные организации стали поставщиками социальных услуг, классифицировались как «социально ориентированные», «общественно полезные» или «нежелательные». Существующее на данный момент правовое регулирование заметно ограничивает профессиональную деятельность негосударственных институтов [Здравомыслова, Ярошенко, 2022]. В целом любая регламентация деятельности общественных организаций уменьшает возможности социальных групп мобилизовать ресурсы и заявлять идеологические притязания на гражданство [Ляхман, 2016]. Однако следует подчеркнуть, что правительство постепенно лишало гражданское общество России власти, ограничивая возможности разных общественных классов (сначала рабочего, а затем и среднего) влиять на государственную политику.

В итоге российское гражданское общество формировалось под сильным давлением рынка и государства. Затрудняло его становление и развитие то, что вместе с приватизацией производства более половины предприятий, в том числе стратегических, определявших статус и благополучие советских людей, фактически становились убыточными, производство поглощалось обменом [Буравой, 2000], а специфика договорных отношений через трудовой

¹ Закон РФ «Об основах социального обслуживания РФ, № 442/2013 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 16.08.2023);

Закон РФ «О регулировании деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранных агентов», № 121/2012 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201207230003> (дата обращения: 16.08.2023);

Закон РФ «Об основах общественного контроля в РФ», № 212/2014 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/ (дата обращения: 16.08.2023);

Закон РФ «Об общественно полезных организациях», № 287/2016 // Гарант.Ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71335072/> (дата обращения: 16.08.2023).

коллектив разрушалась. Бывшие советские люди оказались беззащитны и были вынуждены сопротивляться, вырабатывая стратегии выживания в домохозяйствах, а не на рабочем месте через классовую солидарность. В то же время резкая социальная дифференциация на успешных и неуспешных, «свободных» и «зависимых», в основе которой — мораль, утверждающая индивидуальный успех и стигматизацию неудачников, разрушала основы солидарности российского общества. Вся последующая история становления российского капитализма — это не поиск способов выстраивания коллективной субъектности и солидарной (гражданской) защиты от рынка, а борьба за привилегированную статусную позицию и продвижение частных интересов [Лыткина, Ярошенко, 2023]. Тем не менее отдельные примеры солидаризации позволяют рассуждать о складывающихся формах солидарного взаимодействия и перспективах их развития в условиях разобщения.

Гражданская солидарность в условиях разобщения: реконструкция устаревшей теории

Отправной точкой для концептуализации результатов сравнительного анализа двух случаев стали рассуждения («устаревшие теории») о формах солидарности, сформулированные в классических трудах Э. Дюркгейма и П. Сорокина, которые в ходе становления рыночного общества в конце XIX — начале XX века наблюдали феномены аномии, разобщения и дезорганизации и пытались выделить основания социального взаимодействия и общественного согласия на уровне национальных государств [Дюркгейм, 1991; Sorokin, 1941]. Оба полагали, что *солидарность* обусловлена особым социальным качеством отношений — социальным образцом или паттерном кооперации и взаимодействия, — благодаря которому возможно (со)общество. Оба не рассматривали, как меняется такой образец или как он становится актуальным для совместного решения социальных вопросов. Между тем ими были предложены основания для анализа солидарностей, наблюдаемых в условиях социальных трансформаций.

Так, согласно Дюркгейму, к солидарности может относиться не всякая сплоченность. В первую очередь это морально одобряемый или обязательный для исполнения образец даже в условиях разделения труда и растущей профессиональной специализации. По мнению Сорокина, «солидарным будет всякое взаимодействие, где стремления обеих сторон совпадают, где одна сторона не только не мешает, но, напротив, помогает достижению стремлений другой стороны» [Сорокин, 1994: 112]. Итак, если первый настаивает на приоритете общественных интересов, то второй исходит из идеи совпадения интересов. В обоих случаях коррупция, терроризм и другие *разрушительные* для общества формы кооперации не могут быть отнесены к социальной солидарности. При всей спорности и социологическом идеализме обеих формулировок, следует признать, что они направляют исследовательский интерес в плоскость четкого определения характера взаимодействия: одностороннего

или двустороннего, а также границ коллективной солидарности: непременно выявления сообщества (группы), которому она выгодна, и масштабов ее общественной поддержки.

Другой значимой точкой теоретических разногласий классиков социологии является то, вокруг чего формируется солидарность, и какая роль в ее определении отводится общности интересов и целей¹, а вместе с этим — альтруизму и бескорыстию, соотношению общего и личного блага. Сорокин был убежден, что «солидарным будет всякое взаимодействие, где <> люди помогают друг другу; все группы, где люди совокупными силами стремятся к одной цели; все кооперативные союзы, где ряд лиц добровольно соединяет свои силы для достижения общих целей и интересов» [Сорокин, 1994: 123]. «Совпадение» формулируется в категориях веры в благовидность *помощи другому*, приоритет *идеи общего блага* над личным интересом². Дюркгейм, напротив, исходил из норм и правил взаимодействия, то есть из способов реализации индивидуальных или частных целей, которые складываются на практике через разделение труда. Он считал, что равенство возможностей и социальная справедливость внутренне присущи индустриализму, что будет постепенно проявляться по мере создания гражданских ассоциаций. В целом, на наш взгляд, эти две перспективы генезиса солидарности (из идеи общего блага или из частных интересов) можно усмотреть и в более поздних размышлениях о том, какая солидарность: «идейная» или «ресурсная», — является условием коллективной мобилизации в постмодернистском обществе [Турен, 1999; Tilly, 1983]. Более того, соединяют эти две перспективы исследования социального капитала, в которых утверждается возможность реализации личных интересов во взаимодействии с другими лицами [Коулман, 2001; Bourdieu, 1986]. Остается открытым вопрос об условиях достижения поставленных целей, что важно в нашем анализе.

Последний значимый момент дискуссии — направления изменения форм солидарности. Признано классическим утверждение, что формы взаимодействия меняются вместе с экономическим и общественным развитием. Новые формы солидарности, по мнению Дюркгейма, связаны с разделением труда и соотношением личной автономии с социальной солидарностью [Дюркгейм, 1991]. Механическая, основанная на растворении индивида в коллективе,

¹ Солидарность — термин, относящийся к признанию (belief) общности целей и интересов. Солидарность расценивается как источник силы и сопротивления, а на практике — как «единство цели». Иными словами, солидарность воспринимается как цель, а не средство ее достижения, что характеризовало, к примеру, профессиональную общность традиционного рабочего класса. В таком понимании общий опыт работы и общественной (коммунальной) жизни производит и поддерживает устойчивое (strong) ощущение братства наряду с ценностью взаимопомощи и участия. Можно также сказать, что это ощущение принадлежности (belonging) было источником коллективизма рабочего класса, хотя мало эмпирических доказательств и свидетельств, подтверждающих наличие такой солидарности. Поэтому существует масса сомнений относительно возможности общности и единства [Marshall, 1994: 503].

² Отзвуком такой прагматической и бескорыстной традиции является определение, приведенное в толковом словаре Ожегова, согласно которому «солидарность — это деятельное сочувствие каким-нибудь мнениям или действиям, общность интересов, единоподушие». URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/солидарность> (дата обращения: 23.09.2023).

солидарность постепенно замещается органической, основанной на специализации. В целом Дюркгейм идеализирует и преувеличивает возможности органической, функциональной солидарности. В свою очередь, Сорокин идеализирует стремление людей к бескорыстию, альтруизму и социальной солидарности, или креативному альтруизму. В то же время он полагает, что социальная политика способна сдерживать эгоистические и поощрять альтруистические тенденции, стабильное развитие которых зависит также от повседневной практики альтруистического поведения [Sorokin, 1950]. Это с трудом согласуется с относительно недавними диагнозами о сокращении социального капитала [Putnam, 1995] и со скепсисом по поводу возможности и необходимости солидарного действия вообще [Florida, 2002].

Для облегчения теоретических обобщений полученных результатов и реконструкции «устаревшей теории» были выделены два основания для типологий наблюдаемой солидарности. Первое основание связано с политиками идентичности и характеризует общность интересов, а также значение, которое ей приписывается: для других или для себя. В широком смысле такие политики предполагают не только осмысление целей солидарности, но и рефлексию относительно направлений развития общества. В целом политики идентичности — это сознательное формирование коллективной идентичности в процессе мобилизации и борьбы за социальные изменения. Второе основание классифицирует привычные способы кооперации в группе: сильный коллективизм (сплоченность) и жертвенность противопоставляются слабому взаимодействию (индивидуализму), взаимобмену, ориентации на расширение радиуса совместного действия и на включение разных акторов. Таким образом, на пересечении этих двух оснований можно выделить четыре типа солидарности: моральную, классовую, профессиональную и корпоративную (См.: Табл. 1).

Таблица 1

Типы социальной солидарности

Основания		Политики идентичности (смысл)	
		Для других	Для себя
Прагматизм / практики группового взаимодействия	Сильные и вертикальные (коллективные / групповые)	1. Моральная солидарность (благотворительность)	2. Классовая солидарность (перераспределение)
	Слабые и горизонтальные (индивидуальные / «фракционные»)	3. Корпоративная солидарность (гражданская специализация)	4. Профессиональная солидарность (рыночная специализация)

Моральная солидарность означает установку на помощь другим и приписывает всему сообществу (например, трудовому коллективу) подчинять личные интересы общему благу. В идеале взаимопомощь на повседневном уровне может развиваться в созидательный альтруизм, когда люди свободно, без принуждения, руководствуются интересами другого. При этом ограничение

взаимопомощи и альтруизма рамками какой-либо группы ведет к высокой групповой сплоченности, к жестко обозначенным границам между «нами» и «ними», а также к конфликтам с представителями других групп.

Внешне похожая установка на помощь другим продвигается в корпоративной солидарности. Однако она гибче и, в отличие от моральной кооперации, пытается хотя бы в риторике совместить личные и корпоративные интересы, что достигается за счет проницаемости границ сообщества, отсутствия прямого принуждения и управления экспертами, в том числе специализирующимися на менеджменте. В целом корпоративную солидарность отличает наличие организации, созданной для реализации административных или коммерческих целей, а также идентификация индивида с этой организацией.

Классовая солидарность ориентирована на решение собственных групповых интересов, и границы группы также относительно закрыты для классово чуждых, исключается та часть трудового коллектива, которая мешает реализовать общие интересы. Однако социологи-марксисты считают, что классовая солидарность при переходе от социализма к капитализму проявляется слабо и что сложно поместить классовую борьбу между рабочим классом и номенклатурой (классом распределителей) или новой буржуазией в эпицентр текущей социальной трансформации [Burawoy, 2000; Wright, 2007].

Профессиональная солидарность также ориентирована на решение групповых интересов, но при этом присутствует стремление предоставлять качественные услуги, исходя из разделения труда в социальной сфере и уровня компетенций экспертов. Предполагается, что профессиональная солидарность при участии экспертов способна усилить, то есть эмансипировать нуждающихся в поддержке и защищающихся от рынка. Профессиональное сообщество не ограничивается работающими в конкретной организации, а включает в себя представителей других сфер стратегического действия, которые обладают, по мнению экспертов, либо инновационным, либо трансформационным потенциалом.

В дальнейших рассуждениях мы обращаемся к двум полярным формам солидарности: моральной и профессиональной, — которые, исходя из рассмотренных выше теоретических положений, действуют при переходе от социализма к капитализму и, согласно классической социологической теории, представляют разные образцы взаимодействия. Однако в нашей интерпретации эти «образцы» не являются неизменными, становясь полем реализации интересов различных акторов. Иными словами, мы рассматриваем эти формы солидарности в качестве способов кооперации, варьирующихся в зависимости от того, как они связаны с общим и личным благом, а также с тем, кто (какой социальный класс или группа) ее поддерживает. Мы рассматриваем в том числе *солидарность* в узком смысле — как коллективные действия или гражданские инициативы, оформленные в виде некоммерческих организаций или инициативных гражданских проектов, направленные на решение актуальных социальных вопросов, способные защитить общество и гражданские права от давления рынков и государства; а в широком смысле — как способ кооперации и взаимодействия, благодаря которому возможно (со)общество.

Случай первый: солидарность бедных

Ключевой фигурой, вокруг которой формируется солидарное сообщество в одном из российских регионов, является женщина с высшим образованием, самозанятая, занимающаяся предоставлением услуг верховой езды на коммерческой и бесплатной основе. Основным источником ее доходов являются платные услуги по ипотерапии, катанию на лошадях и уроках ездовой езды. При этом она исходит из альтруистических установок необходимости помощи другим, оказавшимся в сложной жизненной ситуации или с ограниченными возможностями (инвалидностью). Коммерческий интерес и экономическая эффективность в ее случае подчинены социальной миссии. Рассматриваемый кейс является примером сплоченности трех групп: первая — предпринимательница и ее семья, вторая — взрослые люди с ограниченными возможностями, третья — волонтеры (студенты и молодые люди, в том числе бывшие и нынешние трудные подростки), увлеченные лошадьми и конным спортом. Члены неформального союза разделяют общие ценности взаимопомощи и бескорыстия. Они объединены общностью интересов, то есть намерением преодолеть структуры социального неравенства через кооперацию. Любой член перечисленных выше групп заинтересован в сохранении общественного центра, в расширении его предпринимательской деятельности и помощи тому, кто в ней нуждается. Поддержка детей из бедных семей и взрослых с ограниченными возможностями связана с принципиальной позицией предпринимательницы: не отказывать слабозащищенным группам населения в помощи, даже если это противоречит личным интересам и экономической эффективности бизнеса. Такая позиция основана на осознании личной ответственности за благополучие будущих поколений и стремлении быть активным членом местного сообщества.

Предпринимательница, несмотря на профессиональную специализацию и социальную ангажированность, сама испытывает материальные сложности, и, помимо финансовых проблем, сталкивается с недостатком знаний и навыков при ведении бизнеса, в общении с властями, в презентации себя, в поисках грантовой поддержки. Она регулярно повышает квалификацию, связанную с уходом и содержанием лошадей, тренерской работой и иппотерапией, но не находит поддержки своего бизнеса и гражданских инициатив со стороны других специалистов — профессионалов, заинтересованных в высокой оплате труда. Тем не менее, хотя финансовые трудности сохраняются, ее социальный бизнес расширился по сравнению с начальным этапом. Это свидетельствует не только об ее организаторских способностях, но и об эффективности созданного ею общественного союза, сплоченности группы и взаимном интересе в сохранении и расширении социального предприятия.

Примечательно, что нуждающимся в поддержке, в том числе в государственной социальной защите, здесь комфортно, и данный вид помощи они считают более эффективным, чем государственные сервисы. Взрослые с ограниченными возможностями были недовольны жалостью окружающих и критиковали некоторые государственные виды помощи, которые могут,

по их мнению, скорее, навредить, чем решить их проблемы. Здесь же они гордятся своими успехами: наградами, заработанными на соревнованиях деньгами, вовлечением в кооперацию, где их активное участие становится залогом успеха всего предприятия. Дети из неблагополучных семей с удовольствием проводят здесь свободное время, получают трудовые навыки ухода за животными, учатся верховой езде, общаются со студентами, получающими высшее образование, а также строят планы на будущее.

С момента создания своего социального бизнеса его основательница вместе с друзьями пытается решать проблемы недобросовестной конкуренции, бюрократической волокиты, отсутствия организационной и образовательной поддержки ее предпринимательской деятельности со стороны властей разных уровней. Работники государственных учреждений, высоко оценивая профессиональный уровень ее тренерской и воспитательной работы, признаются, что при наличии денег предпочли бы обратиться за услугами в другой центр, где лучше условия для тренировок и отдыха: *«очень бедненько»*, *«хотелось бы видеть их в другой униформе»*, *«нет условий, негде чай попить»*. Критикуя предпринимательницу за неумение налаживать отношения с властными структурами и находить деньги, они принимали ее услуги на бесплатной основе и не задумывались о возможности взаимовыгодного сотрудничества, оставляя ее предложения без внимания. Чиновники также отмечали высокий уровень профессионализма предпринимательницы и ее человеческие качества, но не были намерены сотрудничать, хотя и включали данный проект в свои отчеты. По их мнению, этот социально ориентированный проект должны поддерживать благотворительные фонды. Однако опыт обращения в фонды также оказался неудачным — поддержку получить не удалось.

В начале исследования группа единомышленников верила, что у них получится выстроить новый Центр, где будут предоставляться не только услуги на высоком профессиональном уровне, но и будет создана комфортная зона отдыха, однако спустя десятилетие их мечты так и не были реализованы. Ограничение возможностей низовой солидарности преодолеть не удается, хотя команда активистов довольно успешно решает проблемы социально исключенных групп собственными силами [Лыткина, 2012]. В целом данную форму солидарности можно считать моральной, ограниченной узким кругом единомышленников, без внешней поддержки и слабо встроенной в развиваемый государством институт благотворительности.

Случай второй: солидарность профессионалов

Социально-культурная организация «Фортуна» создана в Санкт-Петербурге в начале 2000-х годов как инициативный проект, в котором с помощью культурного образования организуется работа с детьми и подростками из групп риска. Идея создания проекта появилась у выпускницы немецкого университета после учебной практики и включенного наблюдения за работой срочной социальной службы в конце 1990-х годов в России. Исходя из этого опыта,

у нее появилась идея создания для детей и подростков со сложной жизненной ситуацией промежуточного педагогического пространства, *альтернативного* жизни на улице, где дети и подростки смогли бы доверять взрослым, развивать самосознание, научиться брать на себя ответственность и, в конце концов, социализироваться [Schorn, 2012]. Иными словами, изначально такой проект был инициирован одним человеком, ориентированным на помощь бедным (уличным детям), с учетом их интересов, а также их вовлечением в принятие решений относительно способов создания дружественного им пространства.

Таким пространством стала социально-культурная организация, для развития которой удалось найти единомышленников в Берлине и Санкт-Петербурге, а также собрать деньги меценатов и благотворительных фондов для начального двухмесячного проекта. Такая его поддержка на начальном этапе была значимым условием для дальнейшего развития. Со временем первоначальная идея была сформулирована уже как миссия раскрывать творческий потенциал и созидательное начало в каждом человеке и как цель менять жизненный сценарий и социальный статус детей и подростков с помощью творчества. Важной составляющей совместной деятельности сотрудников и участников социально-культурного проекта стало производство спектаклей. В настоящий момент основными его спонсорами являются петербургские предприниматели, причем примерно треть расходов организация покрывает самостоятельно через платные программы и показ спектаклей. В штате занято около восьми постоянных сотрудников, примерно столько же временных (почасовых) работников, есть волонтеры. Изначально намерения инициатора гражданского проекта были связаны с профессиональной самореализацией, и в последующем проект развивался как солидарность профессионалов (социальных работников, педагогов, режиссеров и художников), заинтересованных в «конструировании другой реальности через усиление индивидов» [Ярошенко, Шорн, 2020].

Данный социально-культурный проект отличают либеральная идеология и творческие методы работы с детьми из неблагополучных семей, направленные на *«раскрытие творческого потенциала»*, то есть на формирование некой сопротивляемости жизненным невзгодам, готовности и способности самостоятельно их преодолевать (из интервью с руководителем проекта). Несмотря на то что ситуация в родительских семьях не меняется, считается, что *«появляется выбор: не у всех, но у многих есть. За счет того, что они на улице проводили мало времени, они в эту среду асоциальную, как, например, их одноклассники, не попали»* (интервью с социальным работником), то есть появился выбор между дворовой компанией и творческими занятиями. В то же время выбор в пользу данного социально-культурного проекта дается с трудом и далеко не всем: из 30 набранных участников спустя год остается половина, а до выпуска доходит только треть. Это показывает как возможности, так и пределы конструирования другой реальности через усиление индивида. Сами участники в первую очередь ценят то, что в их жизни появляется «атмосферное» место с дружественным к ним отношением, а сотрудники — творческий метод, усиливающий детей таким образом, что они могут сами

влиять на жизненные ситуации, реализовать свои мечты и самостоятельно преодолевать неблагополучие. В представлениях подростков-участников и сотрудников о способах решения социальной проблемы (преодоления неблагополучия) не хватает согласованности: дети готовы включаться в другой мир и другие отношения через конкретные действия и прагматичные решения, а сотрудники сосредоточены на изменении ценностей и моральном выборе. Одним из вариантов достижения согласия могло бы стать диалоговое общение [Freire, Ramos, 2009]. Тогда «атмосферное место» может стать местом для практических изменений, а вслед за активизацией индивида, к которой стремятся сотрудники проекта, вместе с критической рефлексией может произойти осознание причин неравенства и совершенствование способов его преодоления.

Случай является примером сплоченности сотрудников проекта, волонтеров и меценатов. Круг людей, поддерживающих данный проект, смешан по классовому составу, хотя большую часть составляет класс профессионалов. Солидарное сообщество избирательно взаимодействует с другими общественными организациями, предпочитая работать с теми, кто разделяет их ценности и методы работы. Систематическое сопровождение семьи ребенка или защита интересов целевой группы в сотрудничестве с другими общественными организациями не является для них приоритетным. Более того, практикуется мало способов вовлечения участников проекта (подростков) в процесс принятия решений. Иначе говоря, вместе с профессионализацией и привлечением в проект профессионалов, заинтересованных в высоком заработке, солидарное сообщество начинает четче позиционировать свою исключительность, а также определять границы между «своими» и «нуждающимися», вытесняя последних на периферию, все больше ориентируясь на коммерческий и рыночный успех. Наконец, социально-культурный проект дистанцируется от взаимодействия с государством, хотя сотрудники признают достоинства скандинавской системы, где государство и городской бюджет оплачивают расходы похожего проекта. В России практики социально ориентированного государства так и не сложилось, напротив, выстраиваются границы, и профессионализм становится инструментом оправдания существующих структур неравенства. В целом данную форму солидарности можно считать профессиональной: хотя она и ограничена в представительстве интересов целевой группы, тем не менее она выходит за рамки узкого круга единомышленников и находит поддержку у состоятельных людей.

Траектории гражданской солидаризации: сравнительный анализ

В данной статье мы представляем два случая солидаризации, опирающиеся на индивидуальные гражданские инициативы. Оба случая социально ориентированы, то есть направлены на решение социальных проблем, и организаторы заинтересованы в интеграции социально уязвимых групп в общество.

Но выбранные случаи изначально отличаются тем, что объединяют участников солидарности с различными материальными ресурсами. В одном случае — всего один профессионал, пытающийся объединить людей, равнодушных к социальным проблемам трудных подростков и взрослых с ограниченными возможностями в одном из периферийных городов России, а в другом — это группа успешных профессионалов крупного российского города.

Значимым основанием для солидаризации в общественном центре «Пегас» является помощь другим. Такие альтруистические установки проявились изначально при создании данной общественной организации, когда стало затруднительным отказать в помощи ее посетителям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации: *«Занимаясь с этими детьми, если смотреть глубоко, я же формирую социум, в котором будут расти мои дети, в котором я буду встречать свою старость. Представляете, я, может быть, какого-то ребенка, который мог бы вырасти жестоким, поведу совсем по другому пути»* (из интервью с руководительницей центра). И хотя центр предоставлял платные услуги, социальная миссия оказалась важнее экономической эффективности. В социально-культурной организации «Фортуна», напротив, очевидна ориентация на личные достижения и на профессионализацию как участников, так и сотрудников проекта. Продвигается идея раскрытия личного потенциала и способности каждого реализовать свои мечты. Выпускники данного проекта транслируют эту идеологию, подчеркивая, что *«профессионал — это тот, кто зарабатывает себе на жизнь, кто может себя обеспечить»* (из интервью с бывшим участником). При этом не артикулируются сложности, с которыми может столкнуться профессионал на этом пути. Предполагается, что через индивидуальную активность можно преодолеть любые преграды.

В первом случае (общественном центре) ключевыми формами взаимодействия являются взаимопомощь и кооперация. В ответ на оказанную поддержку «нуждающиеся» стали предлагать свою помощь в поддержании чистоты и порядка в центре, в уходе за животными, в сопровождении на официальные встречи с чиновниками, в моральном содействии. Личные достижения участников проекта разделяются всеми членами солидарного сообщества, а успех предприятия становится общим успехом. Так создается атмосфера семьи и дома, а благодарные люди включаются в круги кооперации. В социально-культурной организации также есть риторика о взаимопомощи и поддержке друг друга, но все же ведущей практикой взаимодействия является личное достижение через участие в спектакле, самостоятельное совладание с жизненными трудностями, мешающими участию в данном проекте, но преодолеваемыми при выборе активного («серьезного») досуга и дистанции от «бедной» среды. В свою очередь, вовлечение профессионалов в данный проект было нагружено смыслами эмоциональной вовлеченности в социально значимое дело, где они могут развить свои умения и навыки. Если в первом случае важным становится принцип социальной ответственности и совместного решения социальных проблем, то во втором — личная ответственность и самостоятельное преодоление жизненных трудностей. В результате при устойчивом делении на «успешных» и «неудачников» подрываются основы

солидарности самых уязвимых групп населения. Между тем для преодоления застойной бедности нужны каналы вертикальной мобильности, а не только ориентация на успех и достижение, которые при закрытости различных социальных групп будут оставаться невостребованными. При отсутствии внешних возможностей и стимулов внутренние ресурсы сокращаются, а полученные знания и навыки утрачиваются вместе с сокращением потребностей [Лыткина, 2005], а значит, неизбежны возвращение на низкий уровень потребления, характерный для родительских семей, и формирование культуры бедности [Ярошенко, 2005].

Формы и масштаб солидарности также различаются. В общественном центре «Пегас» участники солидарного сообщества помогают друг другу, но их совместные усилия больше похожи на стратегии выживания группы, а не на расширение социального предприятия и распространение взаимных форм кооперации. У них нет связей, нет поддержки со стороны успешных предпринимателей, нет интереса со стороны чиновников. Их заявку не поддержал благотворительный фонд, не признав в них профессионалов и не дав возможности развиваться. Для развития социального бизнеса нужны специалисты, но из-за нехватки средств привлечение их в дело остается проблематичным. Круг связей активистов ограничен, да и представители властей разных уровней также не оказывают поддержки.

В фокусе деятельности социально-культурной организации «Фортуна» — дети из неблагополучных семей. В последнее время здесь также развивались другие направления работы для детей с ограниченными возможностями, в частности с синдромом Дауна. Но и в работе с ними предполагалось, что творческий метод позволит им преодолеть физические ограничения, развить способности. Этот подход был привлекательным для родителей с образованием и ресурсами. Также он был поддержан бизнесменами и частными благотворителями. На первоначальном этапе была попытка найти государственную поддержку, но при столкновении со встречными требованиями по отчетности или идейному позиционированию сотрудники социального театра все больше дистанцировались от взаимодействия с государством, придерживаясь принципа «лишь бы не мешали».

В основе первого кейса наблюдается трансформация постсоветской практики брать трудного подростка на «поруки», помогая интегрироваться в коллектив и общество. Во втором случае решение социальной проблемы опирается на коммерческие основания и моральные принципы, согласно которым любой труд должен быть достойно оплачиваемым. Проект реализует рыночные ценности, ориентированные на «успех», «индивидуализм» и «профессионализм». Если в первом примере получатели «добра» интегрированы в процесс принятия решений и вместе с руководительницей организации ориентированы на расширение проекта и помощи нуждающимся, то во втором сформированы четкие границы между группой солидарности профессионалов и благополучателями. Если в первом случае солидарность разнонаправлена и идет поиск вариантов сотрудничества с различными организациями, в том числе и государственными, то во втором обращение

к государству минимизируется из-за опасений давления (контроля) с его стороны. Роль государства в этих отношениях противоречива: если в первом случае чиновники проявили незаинтересованность в поддержке и развитии «уникального» для региона проекта, то во втором выразили готовность использовать не менее «уникальный проект» в качестве рекламы и для целей показательной отчетности. Солидарность в первом случае все больше сворачивается и замыкается в кругу единомышленников, а во втором — коммерциализируется.

В идеале профессионализация должна создавать основания для институционализации и распространения моральной солидарности. Однако результаты кейс-стади показали, что вместе с профессиональным ростом происходит смещение интересов: ориентация на других замещается установкой на личные достижения, преодоление разных форм неблагополучия уже видится не как результат взаимопомощи и кооперации, а как следствие самопомощи и индивидуальной активности. В результате вместе с профессионализацией выстраиваются границы между профессионалами и нуждающимися в помощи, фактически происходит отказ от социальной работы и деятельности по интеграции детей из неблагополучных семей в общество. Тем самым закрываются возможности для расширения солидарности и делается акцент на реализации частных интересов, на изменении сознания и ценностей. Оба вида солидарности в итоге существуют в замкнутых пространствах. Моральная солидарность, хотя и самодостаточная, но не функциональная для рыночной экономики, не поддерживается неолиберальной идеологией и государством. Профессиональная солидарность сочетается с рыночной логикой, но выстраивается на дистанции и от государства, и от общественных организаций с другими ценностями.

Между тем мы настаиваем на том, что решать социальные проблемы надо «снизу», продвигая интересы самых обездоленных. Мы также исходим из того, что задача публичной социологии состоит в том, чтобы объяснять социальную реальность ученым, политикам, общественным организациям и гражданам. «Когда объективное знание о системе в целом не учитывается, общество радикализуется. Оппозиция может выступать от имени угнетенных, однако следует учитывать, что интерес представительства бесправных становится понятным и проявляется тогда, когда есть обоснованное осознание происхождения социального неравенства» [Лыткина, Ярошенко, 2019: 122].

Заключение

В ходе кейс-стади мы сравниваем две формы гражданской солидарности: моральную и профессиональную, — и делаем вывод об их сосуществовании в замкнутых пространствах, при поддержке разных ценностных сообществ.

В классической социологической теории существует два противоположных ответа на вопрос о динамике солидарности в рыночном обществе, развивающейся вместе с его экономическим и социальным развитием. Моральная

солидарность (альтруистическая в терминах П. Сорокина) может стать ведущей при поддержке государства и повседневной практике альтруизма. Профессиональная солидарность (органическая в терминах Э. Дюркгейма) усиливается вместе с разделением труда и усложнением общества. Оба социолога рассматривали солидарность в качестве образца взаимодействия и не изучали, как меняется такой образец или насколько актуальным он становится для совместного решения социальных вопросов. Наше исследование показало, что профессиональная солидарность поддерживается рыночной логикой и неолиберальной политикой. Однако вместе с профессионализацией смещаются ориентиры с помощи для других на личные достижения, а вместе с этим выстраиваются границы между профессионалами и нуждающимися в помощи. Рассогласованная позиция профессионалов, извлекающих прибыль из своей экспертизы, профессиональных умений и навыков, без диалогового общения с другими мешает расширять круги солидарности.

В российском обществе попытки солидаризации в решении социальных проблем отставали от процесса индивидуализации, для которого свойственен поиск личной свободы, возможности самореализации и укрепления позиций в обществе. Ценности взаимопомощи и ценности достижения представляли разные направления в действовавших на уровне гражданских инициатив политиках идентичности. Практики взаимодействия в низовых формах солидарности, с одной стороны, были ориентированы на взаимопомощь и кооперацию, а с другой — на реализацию личных интересов и создание условий для профессиональной активности. Солидаризация бедных проходила в условиях преимущественного влияния ресурсообеспеченных групп на устанавливаемые «правила игры», укрепляющие их позиции в обществе. Очерчивая свое культурное «Я», они выстраивали непреодолимую социальную дистанцию с группами населения с ограниченными материальными и социальными ресурсами. Однако профессиональная солидарность, или солидаризация профессионального класса, также была ограниченной, поскольку не представляла интересы социально уязвимых. Таким образом формировались замкнутые солидарные сообщества, ограниченные во влиянии на власть. С одной стороны, гражданское общество устанавливается через повседневный опыт помощи друг другу, развивая моральную солидарность; с другой стороны, оно формируется через защиту личных интересов, упрощая профессиональную солидарность.

Литература

- Буравой М.* Великая инволюция: Реакция России на рынок // Рубеж. 2000. № 15. С. 5–35.
- Буравой М.* Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом // Рубеж. 1998. № 10–11. С. 154–176.
- Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.
- Здравомыслова Е., Ярошенко С.* Публичная социология в Российском контексте // Глобальный диалог. 2022. Т. 12. № 3. С. 8–10.
- Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121–139.

Лыткина Т. С. Экономическое поведение «новых бедных» в условиях социальной трансформации: Дис. ... канд. соц. наук: 22.00.03. М.: СГУ им. Питирима Сорокина, 2005. EDN: [NNGNYF](#)

Лыткина Т. С. Социальная биография исключения в постсоветской России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 1. С. 87–109. EDN: [NVUFUZ](#)

Лыткина Т. С. Социальный капитал в решении социальных проблем: практики солидарности бедных в Республике Коми // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 3. С. 130–154. EDN: [PCXBRR](#)

Лыткина Т., Ярошенко С. Возможна ли социология для трудящихся классов сегодня? // Мир России: Социология, этнология. 2019. № 28. С. 101–123. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-1-101-123> EDN: [YYANHF](#)

Лыткина Т., Ярошенко С. Вытеснение Российского Севера: исключение без права на ресурсы // Экономическая социология. 2023. Т. 24. № 5. С. 93–127. DOI: <http://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-5-93-127>

Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996.

Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. EDN: [VUMQIR](#)

Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Институт социологии РАН, 1994.

Турен А. Способны ли мы жить вместе? Равные и различные // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Инноземцева. М.: Academia, 1999.

Шабанова М. А. Традиционные и новые солидарности в пространстве потребительских благ и ресурсов // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 31–44. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162517080049>

Ярошенко С. Бедность в постсоциалистической России. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2005.

Ярошенко С. «Женская работа» и личное благополучие. Технологии исключения в постсоветской России // Экономическая социология. 2013. Т. 14. № 5. С. 23–59. EDN: [RZMVBX](#)

Ярошенко С., Шорн А. Социальный цирк в постсоциалистической России: кейс-стади новой солидарности // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18. № 3. С. 491–508. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-3-491-508> EDN: [ABUGNA](#)

Ashwin S. Redefining the Collective: Russian Mineworkers in Transition // Uncertain Transition / Ed. by M. Burawoy, K. Verdery. Lanham: Rowman and Littlefield, 1999. P. 245–272.

Burawoy M. The Extended Case Method. Four Countries, Four Decades, Four Great Transformations, and One Theoretical Tradition. Berkeley: University of California Press, 2009.

Burawoy M. A Sociology for the Second Great Transformation? // Annual Review of Sociology. 2000. Vol. 26. P. 693–695.

Bourdieu P. The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. New York: Greenwood, 1986.

Clarke S. Management and Industry in Russia: Formal and Informal Relations in the Period of Transition. Brookfield: Ashgate, 1995.

Florida R. The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life. New York: Basic Books, 2002.

Freire P., Ramos M. B. Pedagogy of the Oppressed. Chapter 2 // Race/Ethnicity: Multidisciplinary Global Contexts. 2009. Vol. 2. № 2. P. 163–174.

Harvey D. A Brief History of Neoliberalism. Oxford: Oxford University Press, 2005. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780199283262.001.0001>

Marshall G. The Concise Dictionary of Sociology. Oxford: Oxford University Press, 1994.

Putnam R. D. Turning In, Turning Out: The Strange Disappearance of Social Capital in America // Political Science and Politics. 1995. Vol. 28. № 4. P. 664–683. DOI: <https://doi.org/10.2307/420517>

Schorn A. Sozialer Zirkus Zwischen Pädagogischen Utopien und Marktwirtschaftlicher Realität. Ein Fallbeispiel: Zirkus UPSALA im Federleichten Spagat Zwischen Künstlerischer und Sozialer Arbeit Mit Kindern und Jugendlichen!?! // Zeitschrift für Theaterpädagogik. 2012. № 61. P. 40–44.

Smith D. E. Institutional Ethnography: A Sociology for People. Toronto: AltaMira Press, 2005.

Sorokin P. Altruistic Love: A Study of American "Good Neighbors" and Christian Saints. Boston: Beacon Press, 1950.

Tilly Ch. Speaking Your Mind Without Elections, Surveys or Social Movements // Public Opinion Quarterly. 1983. Vol. 47. № 4. P. 461–478.

Wright E. O. Guidelines for Envisioning Real Utopias // Soundings. 2007. № 36. P. 26–39.

DOI: <https://doi.org/10.3898/136266207820465778>

Wright E. O. Envisioning Real Utopias. London: Verso, 2010.

Сведения об авторах:

Ярошенко Светлана Сергеевна — кандидат социологических наук, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** svetayaroshenko@gmail.com. **РИНЦ Author ID:** 121756; **ORCID ID:** 0000-0002-2301-9172; **ResearcherID:** N-4603-2013.

Лыткина Татьяна Степановна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Россия. **E-mail:** tlytkina@yandex.ru **РИНЦ Author ID:** 372110; **ORCID ID:** 0000-0003-1972-9080; **ResearcherID:** N-9076-2017.

Статья поступила в редакцию: 30.09.2023

Принята к публикации: 01.11.2023

БАК: 5.4.4

Reasons for the (Un)Successful Solidarity of Civil Society in Russia: Professionalism Without Altruism

DOI: 10.19181/inter.2023.15.4.4

Svetlana S. Yaroshenko *Independent Researcher, St. Petersburg, Russia*
E-mail: svetayaroshenko@gmail.com

Tatyana S. Lytkina *Institute of Socio-Economic and Energy Problems Komi SC UB RAS, Syktывkar, Russia*
E-mail: tlytkina@yandex.ru

The article provides a comparative analysis of the results of two case studies in public organizations in Russia, conducted by the authors from 2010 to 2020. It is argued that two forms of civic solidarization coexist in Russian society: moral and professional. Both are oriented

towards solving social problems caused by the reproduction of poverty. Both were created in the form of civic initiatives oriented to help others in difficult life situations. However, along with professionalization comes a shift in emphasis from helping others to personal achievement, and the boundaries between professionals and those in need of help are created. Helping others turns out to be non-functional in a market society, but it is in demand among the poor, who are interested in overcoming structures of inequality through mutual aid and co-operation. Moral solidarity, although self-sufficient, is not supported by neoliberal ideology and the state also. Professional solidarity is consistent with the market logic, but it is created at a distance from both the state and social organizations with other values. As a result, closed solidarity communities are formed, limited in their influence.

Keywords: civic solidarization; moral and professional solidarity; involution; neo-liberal policies; postsocialism

References

- Ashwin S. (1999) Redefining the Collective: Russian Mineworkers in Transition. In: M. Burawoy, K. Verdery (eds.) *Uncertain Transition*. Lanham: Rowman and Littlefield. P. 245–272.
- Bourdieu P. (1986) The Forms of Capital. In: *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York: Greenwood.
- Burawoy M. (1998) Razvernutoe monograficheskoe issledovanie: mezhdru pozitivizmom i postmodernizmom [The Extended Case Method: Steering a Course Between Positivism and Post-modernism]. *Rubezh* [Rubezh]. No. 10–11. P. 154–176. (In Russ.)
- Burawoy M. (2000) A Sociology for the Second Great Transformation? *Annual Review of Sociology*. Vol. 26. P. 693–695.
- Burawoy M. (2000) Velikaya involyuciya: Reakciya Rossii na rynek [Great Involution: Russia's Response to the Market]. *Rubezh* [Rubezh]. No. 15. P. 5–35. (In Russ.)
- Burawoy M. (2009) *The Extended Case Method. Four Countries, Four Decades, Four Great Transformations, and One Theoretical Tradition*. Berkeley: University of California Press.
- Clarke S. (1995) *Management and Industry in Russia: Formal and Informal Relations in the Period of Transition*. Brookfield: Ashgate
- Coleman J. (2001) Kapital socialnyj i chelovecheskij [Social and Human Capital]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Contemporary World]. No. 3. P. 121–139. (In Russ.)
- Durkheim E. (1991) *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sociologii* [The Division of Labor in Society. Method of Sociology]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Florida R. (2002) *The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life*. New York: Basic Books.
- Freire P. (2018) *Pedagogika ugnjetennyh* [Pedagogy of the Oppressed]. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus. (In Russ.)
- Freire P., Ramos M.B. (2009) Pedagogy of the Oppressed. Chapter 2. *Race/Ethnicity: Multidisciplinary Global Contexts*. Vol. 2. No. 2. P. 163–174.
- Harvey D. (2005) *A Brief History of Neoliberalism*. Oxford: Oxford University Press. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780199283262.001.0001>
- Lytkina T.S. (2005) *Ekonomicheskoe povedenie "novyh bednyh" v usloviyah socialnoj transformacii* [Economic Behavior of the "New Poor" in Conditions of Social Transformation]. Dis. kand. nauk. Moscow: SGU im. Pitirima Sorokina. (In Russ.)
- Lytkina T.S. (2011) Socialnaya biografiya isklyucheniya v postsovetsoj Rossii [The Biography of Social Exclusion in Post-Soviet Russia]. *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 14. No. 1. P. 87–109 (In Russ.)

Lytkina T.S. (2012) Socialnyj kapital v reshenii socialnyh problem: praktiki solidarnosti bednyh v Respublike Komi [Social Capital in Solving Social Problems: Solidarity of the Poor in the Komi Republic]. *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 15. No. 3. P. 130–154 (In Russ.)

Lytkina T.S., Yaroshenko S.S. (2019) Vozmozhna li sociologiya dlya trudyashchihsya klassov segodnya? [Is Sociology for the Working Classes Possible Today?]. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 28. No. 1. P. 101–123. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-1-101-123>

Lytkina T., Yaroshenko S. (2023) Vytesnenie Rossiyskogo Severa: isklyuchenie bez prava na resursy [Expulsions of the Russian North: Exclusion Without Rights to Resources]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 24. No. 5. P. 93–127. (In Russ.) DOI: <http://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-5-93-127>

Marshall G. (1994) *The Concise Dictionary of Sociology*. Oxford: Oxford University Press.

Polanyi K. (2002). *Velikaya transformaciya. Politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni* [The Great Transformation: the Political and Economic Origins of Our Time]. St. Petersburg: Aletejya. (In Russ.)

Putnam R.D. (1995) Turning In, Turning Out: The Strange Disappearance of Social Capital in America. *Political Science and Politics*. Vol. 28. No. 4. P. 664–683.

Putnam R.D. (1996) *Chtoby demokratiya srabotala. Grazhdanskije tradicii v sovremennoj Italii*. [Making Democracy Work. Civic Traditions in Modern Italy]. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)

Schorn A. (2012) Sozialer Zirkus zwischen pädagogischen Utopien und marktwirtschaftlicher Realität. Ein Fallbeispiel: Zirkus UPSALA im federleichten Spagat zwischen künstlerischer und sozialer Arbeit mit Kindern und Jugendlichen!? [A Social Circus Between Educational Utopias and Market Economic Reality. A case study: Circus UPSALA in a Featherweight Balancing Act between Artistic and Social Work with Children and Young People!?!]. *Zeitschrift für Theaterpädagogik* [Journal for Theatre Education — Correspondence]. No. 61. P. 40–44. (In Germ.)

Shabanova M.A. (2017). Tradicionnye i novye solidarnosti v prostranstve potrebitelskih blag i resursov [Traditional and New Solidarity Practices in the Universe of Consumer Goods and Resources]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia* [Sociological Studies]. No. 8. P. 31–44.

Smith D.E. (2005) *Institutional Ethnography: A Sociology for People*. Toronto: AltaMira Press.

Sorokin P. (1950) *Altruistic Love: A Study of American "Good Neighbours" and Christian Saints*. Boston: Beacon Press.

Sorokin P.A. (1994) *Obshchedostupnyj uchebnik sociologii. Stati raznyh let* [A Publicly Accessible Textbook of Sociology. Articles from Different Years]. Moscow: Institut Sociologii RAN. (In Russ.)

Tilly Ch. (1983) Speaking Your Mind Without Elections, Surveys or Social Movements. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 47. No. 4. P. 461–78

Touraine A. (1999) Sposobny li my zhit vmeste? Ravnye i razlichnye [Are We Able to Live Together? Equal and Different]. In: V.L. Inozemcev (ed.) *Novaya postindustrialnaya volna na Zapade. Antologiya* [The New Post-Industrial Wave in the West. Anthology]. Moscow: Academia. (In Russ.)

Wright E.O. (2007) Guidelines for Envisioning Real Utopias. *Soundings*. No. 36. P. 26–39. DOI: <https://doi.org/10.3898/136266207820465778>

Wright E.O. (2010) *Envisioning Real Utopias*. London: Verso.

Yaroshenko S. (2005) *Bednost v postsocialisticheskoy Rossii* [Poverty in Post-Socialist Russia]. Syktyvkar: Komi NC UrO RAN. (In Russ.)

Yaroshenko S. (2013) "Zhenskaya rabota" i lichnoe blagopoluchie. Tekhnologii isklyucheniya v postsovetsoy Rossii ["Women's work" and Personal Well-Being: Technology of Exclusion in Post-Soviet Russia]. *Ekonomicheskaya sotstologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 14. No. 5. P. 23–59. (In Russ.)

Yaroshenko S., Schorn A. (2020) Socialnyj cirk v postsocialisticheskoy Rossii: kejs-stadi novoj solidarnosti [The Social Circus in Post-Socialist Russia: A Case Study of New Solidarity]. *Zhurnal*

issledovanij socialnoj politiki [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 18. No. 3. P. 491–508. (In Russ.)
DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-3-491-508>

Zdravomyslova E., Yaroshenko S. (2022) Publichnaya sociologiya v Rossijskom kontekste [Public Sociology in the Russian Context]. *Globalnyj dialog* [Global Dialogue]. Vol. 12. No. 3. P. 8–10. (In Russ.)

Authors Bio:

Svetlana S. Yaroshenko — Candidate of Sociology, Independent Researcher, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** svetayaroshenko@gmail.com. **RSCI Author ID:** 121756; **ORCID ID:** 0000-0002-2301-9172; **ResearcherID:** N-4603-2013.

Tatyana S. Lytkina — Candidate of Sociology, Senior Researcher, Institute of Socio-Economic and Energy Problems Komi SC UB RAS, Syktyvkar, Russia. **E-mail:** tlytkina@yandex.ru. **RSCI Author ID:** 372110; **ORCID ID:** 0000-0003-1972-9080; **ResearcherID:** N-9076-2017.

Received: 30.09.2023

Accepted: 01.11.2023

DOI: 10.19181/inter.2023.15.4.5
EDN: CWYWLN

Визуальные социологические данные как социальный конструкт

Ссылка для цитирования:

Ильин В. И. Визуальные социологические данные как социальный конструкт // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 4. С. 97–114. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.4.5> EDN: CWYWLN

For citation:

Ilyin V.I. (2023) Visual Sociological Data as a Social Construct. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 15. No. 4. P. 97–114. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.4.5>

Ильин Владимир Иванович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: ivi-2002@yandex.ru

Интерпретация визуальных данных, полученных в полевом исследовании, в существенной мере определяется процедурой их получения. Общеизвестно, что взгляд фотографа может быть предвзятым, однако целью статьи является именно анализ процесса социального конструирования визуальных социологических данных исследователем с фотокамерой.

Визуальные данные имеют противоречивый характер. С одной стороны, они представляют собой физический отпечаток реальности. Это обусловлено технологией фотосъемки. Абсолютизация этого качества чревата переоценкой достоверности фотографий. С другой стороны, они созданы наблюдателем, который не может не оставить свой отпечаток на их содержании и форме. Учет характера этого отпечатка необходим для интерпретации данных.

В процессе их социального конструирования можно выделить несколько качественно различных этапов. (1) Выбор наблюдателем в неразрывном потоке социальной реальности «пикселей» фактов. (2) Их сортировка: наблюдатель придает им статус «важных», «любопытных» или выводит за скобки своего внимания. Сам процесс создания данных уже является их интерпретацией. (3) Кадрирование, адекватное предмету исследования. (4) Выделение в кадре

элемента, по которому производится фокусирование. (5) Выбор момента создания кадра. (6) Сортировка полученных кадров. Одни по разным причинам стираются, другие попадают в базу данных. (7) Обработка снятого кадра (обрезка «лишнего», корректировка фокусировки внимания с помощью уровня освещенности и т.д.). В процессе движения от этапа к этапу наблюдения социологические факты превращаются в данные как материал для дальнейшего анализа.

Все социологические данные являются социальными конструктами. Фотоснимки, полученные в полевом исследовании, не исключение. Их достоверность обеспечивается, во-первых, анализом процедуры их получения, чертовой субъективацией реальности, во-вторых, триангуляцией источников, наблюдателей и методологий; в-третьих, репутацией исследователя.

Ключевые слова: социальный факт; визуальные данные; жизненный мир; объективизм; конструктивизм

Введение

Данные — это кирпичики, из которых строится теоретическая модель, конечный продукт социологического исследования. Ее качество прямо зависит от характера используемого исходного материала.

Несмотря на рост интереса к визуальным методам, много методологических и методических проблем остается в тени внимания исследователей. Часто под термином «визуальная социология» понимаются качественно разные направления: исследования визуальной культуры и визуальные методы полевого исследования. Общая шапка создает смысловую путаницу.

Среди методологических вопросов, нуждающихся в прояснении, важное место занимает проблема достоверности визуальных социальных фактов и данных. Она достаточно хорошо осмыслена применительно к художественной фотографии (см., например, фундаментальные исследования Андре Руйе [Руйе, 2014] и Сюзен Сонтаг [Сонтаг, 2013]). С социологической перспективы эта тема рассматривается в некоторых текстах [Штомпка, 2007; Maresca, Meyer, 2013], однако проблема визуальных фактов и данных затрагивается в них вскользь. Между тем без прояснения процесса конструирования фактов и данных проблема достоверности визуальных данных полевого исследования остается нерешенной.

Социальный факт и социологические данные как конструкты

Эмиль Дюркгейм предложил классический вариант объективистского понимания социальных фактов: их «нужно рассматривать как вещи». Во-первых, они проявляются в том, что оказывают на индивидов принуждающее

влияние; во-вторых, они более или менее распространены; в-третьих, существуют независимо от их индивидуальных проявлений [Дюркгейм, 1991]. Понимание социального факта, предложенное Э. Дюркгеймом, доминирует и в современной социологии¹.

Это означает, что социальные факты существуют независимо от людей, на которых они оказывают воздействие. Социальный факт — это «способ действий, чувствования или мышления, внешний по отношению к индивиду и обладающий силой принуждения, позволяющей контролировать жизнь людей»².

О. Конт утверждал, что объективная реальность раскрывается науке через ее наблюдение. Но если отойти от общего принципа к практике, то мы сталкиваемся с неизбежной избирательностью наблюдений. Реальность раскрывается через активность наблюдателя.

Как писал еще Н. И. Кареев об объективизме, «последовательное проведение его на деле оказывается невозможным» [Кареев, 2018]. Нельзя смотреть на мир вообще. Взгляд или сопутствующая ему мысль фокусируется на элементах, сторонах объективного мира, превращая их в свой предмет. Иначе говоря, как только мы пытаемся наблюдать социальные факты, мы их неизбежно субъективируем, заключая в рамки фокуса нашего внимания, и подчиняем своим вопросам. Анализ невозможен без расчленения реальности, однако сама социальная реальность имеет непрерывный характер. Это глаз и интеллект наблюдателя привносят в нее понятия структуры, сливая в неразрывное целое одни элементы и выделяя другие.

Таким образом, переход от констатации объективного характера социальных фактов к их изучению неизбежно предварительно превращает их в социальные конструкты, пригодные для построения научных теорий. Последние состоят не из элементов объективной реальности, а из их отражений, которые являются плодом наблюдения. И эта логика субъективирующего наблюдения применима как к социальной, так и к природной реальности.

Как бы последовательно наблюдатель ни придерживался принципов позитивизма, он не в состоянии вывести себя за скобки отношений объекта и субъекта. Это не исключает методологического лукавства, маскирующего присутствие наблюдателя, на видение которого оказывает влияние и используемая оптика (телескоп или микроскоп), и интересы, проистекающие как из практических нужд, так и из любопытства. Факт — это воспринимаемое положение дел. Факт является инструментом сознания. То, что мы не видим, о чем не знаем, существует объективно, но не является фактом. Реальность входит в жизнь людей через ее восприятие. То, что сейчас представляется нам объективно существующим, мы и называем фактом. Завтра мы в этом можем сильно усомниться и пересмотреть свое определение.

¹ Социальный факт // Академик. URL: https://sociological_dictionary.academic.ru/648/СОЦИАЛЬНЫЙ_ФАКТ?ysclid=lobkswocvf581555088 (дата обращения: 02.11.2023).

Social fact // Open Education Sociology Dictionary. URL: https://sociologydictionary.org/social-fact/#definition_of_social_fact (accessed 3 November 2023).

² Social fact // Open Education Sociology Dictionary. URL: https://sociologydictionary.org/social-fact/#definition_of_social_fact (accessed 3 November 2023).

Внешняя реальность воспринимается наблюдателем через линзу его жизненного мира. Там ее отражение преломляется и сортируется по зонам. (1) Зона жизненно важного. Сюда попадают замеченные факты, знание которых принципиально необходимо для индивидуума. (2) Зона любопытного. Здесь оседают факты, которые никак не влияют на жизнь человека, но узнать их любопытно (например, для любителя футбола это график чемпионата). (3) Зона чуждого. Эта зона пустоты, в которую не допускается «информационный мусор». В реальности все эти феномены есть, но определенная их часть отсеивается как «неважная» или «неинтересная». В результате для конкретного индивидуума их фактически нет.

Наблюдатель, проводящий визуальное исследование, пользуется схожей структурой жизненного мира. Ее особенность в том, что точкой отсчета в процессе сортировки выступают цель и задачи исследования. Он отталкивается от того, что жизненно важны факты, обеспечивающие их достижение. Он их снимает, формируя базу данных. В зоне любопытного могут оказаться снимки, которые сегодня прямо не работают на конкретное исследование, но включаются в сферу научных интересов, а потому могут либо пригодиться в будущем, либо используются для расширения кругозора.

Собранные визуальные данные имеют интенциональный характер: снимки делаются не просто так, а для чего-то. Цель и задачи исследования задают смысл процесса фиксации социальных фактов.

Нередко категории фактов и данных смешиваются до уровня взаимозаменяемости. Однако наука, в отличие от литературы, не любит синонимы, которые являются в ней показателем словесной избыточности. Каждое слово предназначено для фиксации если не качественно разных явлений, то их оттенков.

Если факты — это воспринимаемая объективная реальность, то данные — это результат фиксации этого положения дел на языке цифр, слов или образов. Если говорить на языке гегелевской диалектики, то факты — это сущность, являющаяся в форме конкретных данных. И это уже репрезентация социального конструкта.

Наблюдатель созерцает реальность. Потом он в ней выделяет что-то достойное внимания. На этом участке реальности фокусируется взгляд. Если замеченное представляется в качестве фактора, влияющего на отношения людей или жизнь общества, то этот элемент наделяется статусом социального факта. Он отпечатывается в сознании в виде образа, который превращается в данные при попытке его передачи другим в форме словесного описания или рисунка по памяти. Наблюдатель с камерой может попытаться материализовать этот образ, сняв фотографии. И только тогда они приобретают статус визуальных данных.

Этому переходу от факта к данным не всегда уделяется должное внимание. Так П. Штомпка определяет визуальные данные как «замечаемые, внешне наблюдаемые аспекты общественной жизни» [Штомпка, 2007]. Он ссылается на других исследователей, придерживающихся такого же понимания визуальных данных: они «потенциально охватывают всякие предметы, людей,

места, события или ситуации, которые может наблюдать человеческий глаз» [Emmison, Smith, 2000: 59]. Без подчеркивания процесса их фиксации смысл существенно меняется: любой человек, празднично рассматривающий окружающий мир, будет определяться как наблюдатель, создающий визуальные данные, но это не так. Факты, которые не зафиксированы согласно принятой процедуре, в науке не считаются данными. Именно в таком сомнительном статусе пребывают кем-то увиденные и словесно описанные в качестве фактов ситуации встреч с чудовищами, инопланетянами, снежным человеком и т.д. Аналогичными сообщениями переполнены и описания общественной жизни.

Эволюция интерпретации снимка в истории фотографии

История исследовательской фотографии демонстрирует тренд движения от объективистской традиции через методологические сомнения к субъективистской, а затем к интегративной логике.

Объективистская традиция. Период фотографии-документа¹

Появление фотографии породило надежды, что изобретен метод, обеспечивающий абсолютную объективность, так как фотоснимок создается лучами, попадающими на чувствительную пластинку. На первом этапе истории фотографии, достигшей расцвета в период индустриального общества, ей придавалась документальная ценность. «Фотография-документ основана на вере в то, что она является прямым запечатлением» [Руйе, 2014: 192]. Фотография представлялась таким же объективным слепком с реальности, как след ноги, оставленный на мягкой почве.

Однако со временем это представление подверглось радикальному сомнению: с высоты XXI века вера в эквивалентность объекта съемки и его изображения может казаться уже «безумной иллюзией» [Руйе, 2014].

Период фотографии-выражения²

По мере расширения использования фотокамер в разных сферах жизни возникли методологические сомнения в абсолютной объективности получаемых документов, причем уже в начале XX века, и постепенно нарастали, совпадая с изменением отношения к объективной реальности вообще. Как констатирует Андре Руйе, мир стал слишком сложным для фотографии-документа, кроме того, «сам мир все чаще становится предметом подозрений», заканчивается вера в него [Руйе, 2014].

И тогда начался переход от понимания фотографии как документа к ее интерпретации как выражения субъектности фотографа, что приблизило ее методологический статус к письму. «В мире, где царит фотографическое изображение, все границы („кадр“) кажутся произвольными. Все можно отделить, отчленить от чего угодно другого — надо только нужным образом

¹ Термин теоретика фотографии Андре Руйе [Руйе, 2014].

² Термин Андре Руйе [Руйе, 2014].

выстроить кадр вокруг объекта. (И наоборот — можно что угодно к чему угодно присоединить)» [Сонтаг, 2013: 78]. Эти методологические сомнения распространяются на все жанры фотографии, включая ее исследовательскую разновидность. Нельзя ничего снимать, не создавая помех в виде самого фотографа, не оставляя отпечаток личности.

Фотография в эпоху постистины

Эпоха цифровой фотографии и искусственного интеллекта совпала с наступлением эпохи так называемой постистины¹. Оксфордский словарь английского языка назвал постистину словом 2016 г. Это понятие, введенное в оборот в 1992 году, активно использовалось в начале XXI века, но всплеск популярности пришелся на 2016 год².

С одной стороны, в новой технологической реальности все поддается очень убедительной подделке. С другой стороны, во многих сферах (в первую очередь в политике, бизнесе и искусстве) упала ценность объективной истины, принципиальная возможность которой ставится под сомнение. Все более заметно прагматическое понимание истины. В марксизме ее критерием считалась практика. С прагматической точки зрения истина — это то, что обеспечивает успех. В этих условиях статус фотографии как объективного документа упал как никогда низко. Постистина — это ситуация, в которой теряется ценность достоверности. Каждый верит той фотографии, которая вписывается в его систему ценностей и взглядов, закрывая глаза на то, что вызывает когнитивный диссонанс.

Проблема предпонятий

В классической традиции, тесно связанной с принципами позитивизма, сверяющегося с опытом естественных наук, доминирует представление о том, что сбору данных предшествует формулирование гипотез на основе уже имеющихся теорий. В количественных методах иначе, видимо, и нельзя: чтобы сформулировать вопросы, надо представлять возможные ответы.

Эта логика часто переносится и в качественные методы, в том числе визуальные. П. Штомпка в качестве критерия, отделяющего социологическое визуальное наблюдение от туристических снимков, называет «социологическое намерение». Это означает, что наблюдатель с камерой руководствуется каким-либо вопросом или проблемой, «вытекающей из ранее сложившихся

¹ Post-Truth (англ.) часто переводится на русский язык как «постправда». Однако такой перевод мне представляется искажающим смысл этой категории. В русском языке, в отличие от английского, издавна «правда» не являлась синонимом «истины». Ярким проявлением дифференциации этих категорий являлась партийная большевистская газета «Правда» (издавалась с 1912 года). В большевистской методологии «правда» является по своей сути партийной, то есть подчиненной интересам партии. История газеты «Правда» на протяжении всей ее истории была реализацией этого принципа.

² Word of the Year 2016 // Oxford Languages. URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2016/> (accessed 3 November 2023).

Рисунок 1. Фото. В 2023 г. бывшего президента США в разных штатах стали привлекать к уголовной ответственности по различным статьям. И еще до его задержания в интернете стали распространяться сфабрикованные фотографии его будущего задержания и сопротивления полиции. В силу очевидности фальшивки она приобрела статус шутки. *Источник: Вечерний Санкт-Петербург, 4 апреля 2023.*

воззрений на общество, которым соответствовали бы выбор темы, композиция снимка, способ кадрирования, <...> оперирование глубиной резкости (фокусировка на том, что важно) и другие композиционные или технические меры» [Штомпка, 2007].

Здесь возникает гносеологическая колея как жесткая зависимость новых исследований от предшественников. Наблюдатель идет в поле собирать данные, опираясь на уже готовый теоретико-методологический инструментарий. И это чревато проблемой: трудно увидеть новое, используя старую оптику.

Многие путешественники, приезжая в чужую страну с благой целью рассказать о ней, поделившись своими наблюдениями, нередко оказывались в плену своих убеждений, предшествующего опыта и стереотипов. Они смотрели на новую реальность через эту оптику. Именно такой характер имели книги, написанные по итогам посещения СССР в 1920–1930-е годы иностранными литераторами, такими как Г. Уэллс, Б. Шоу, А. Жид, Л. Фейхтвангер, Л.-Ф. Селин [Ватолина, 2006].

Это характерная черта взгляда туриста. Он едет в новые места, вооружившись знанием того, что там достойно его внимания и фиксации в жанре

«я и достопримечательность». Он смотрит на новый мир через оптику старых стереотипов.

Еще Э. Дюркгейм сформулировал суть этой опасности: «Вместо того, чтобы наблюдать вещи, описывать и сравнивать их, мы довольствуемся тогда тем, что проясняем наши идеи, анализируем и комбинируем их. Науку о реальности мы подменяем анализом понятий». Отсюда вытекает его призыв перейти к наблюдению вещей, освободиться от «предпонятий» [Дюркгейм, 1995: 81].

Исключением среди известных визитеров, побывавших в советской Москве, стал В. Беньямин, увидевший город в период нэпа и оставивший в качестве документа той эпохи «Московский дневник» (1927 г.) [Беньямин, 1997]. Он отказывается в доверии представлениям других (носителям российской культуры во время его пребывания в Москве) относительно наблюдаемых им объектов, но в то же время отказывается и от своих собственных умонастроений и представлений, предшествовавших его эмпирическому опыту [Ватолина, 2006].

Эта стратегия наблюдения реальности, видимо, прямо вытекала из исследования В. Беньямином творчества Ш. Бодлера [Беньямин, 2015: 37–73]. В Париже второй половины XIX века у представителей средних классов сформировался стиль жизни так называемого фланирования, то есть праздного гуляния по улицам и наблюдения городской жизни. Фланер наблюдал, не имея предварительных вопросов и проблем. Они возникали в процессе фланирования: сначала глаз цеплялся за что-то, задерживался, присматривался, а потом возникал вопрос. Эта логика изначально свободного наблюдения применима и в социальных науках. Исследователь не идет в поле с готовым вопросом. Он там его находит.

В. Шкловский в ту же эпоху ввел в оборот категорию «остранение» (от слова «странник»). Он писал о литературе, но этот принцип вполне применим и к социологии. Суть процедуры в том, что наблюдатель представляет себя в роли странника, смотрящего на происходящее равнодушными и любопытными глазами постороннего. «Целью искусства является дать ощущение вещи как видение, а не как узнавание; приемом искусства является прием „остранения“ вещей» [Шкловский, 1929].

Этот принцип вхождения в поле с максимально чистым сознанием, не перегруженным предпонятиями, в дальнейшем получил распространение в качественных исследованиях. Однако от признания принципа до его реализации долгий и проблемный путь. Попробуйте смотреть на мир так, будто видите это в первый раз! Испорченное в предыдущей жизни зрение не исправить признанием того, что оно несколько искажает действительность.

Определение соотношения наивности, незамутненной предвзятыми представлениями, и целенаправленности конструирования фактов зависит от этапа исследования. На ранних этапах предпочтение отдается наивности, на поздних — фокусированному наблюдению, то есть поиску фактов для ответа на конкретные вопросы уже заготовленной программы.

Динамика конструирования визуального социального факта

Кадр-объект — это то, на что направлены взгляд и внимание наблюдателя. Он может быть очень масштабным, но взгляд фокусируется в достаточно узких пределах. Нельзя смотреть на весь горизонт. Физиология глаза ограничивает такое устремление. Правда, возможен взгляд, скользящий по линии горизонта или вдоль большого объекта, но это фактически серия взглядов.

Затем к взгляду адаптируется в рамках своих возможностей, зависящих от фокусного расстояния объектива, видеоискатель фотокамеры. С помощью взгляда и его рамки наблюдатель определяет, что станет снимком, то есть визуальными данными.

Кадр-предмет — это та сторона (срез) объекта, на который направлены сначала избирательный взгляд, а затем и объектив. Они фокусируются не просто на объекте, но выбирают в нем ту сторону, которая станет темой снимка, будущей базой для материализации визуального социального факта. С помощью манипуляций с камерой наблюдатель подстраивает под задачу фиксации предмета кадр, глубину резкости и, по возможности, освещение.

Наблюдатель с камерой конструирует визуальные данные, находясь под давлением целого комплекса факторов.

Во-первых, это влияние социальных, культурных и политических обстоятельств, навязывающих ему использование специфической избирательной оптики. Наблюдатель, особенно профессиональный, находится под давлением социального заказа в самом широком смысле этого слова: снимаю для того, чтобы кому-то это показать. Однако, если снимок противоречит общественной морали, идеологии или политическим взглядам потенциальной публики, не соответствует критериям цензуры (в широком, а не строго юридическом смысле этого слова), то его социальная значимость может казаться стремящейся к нулю. В конце 1970-х годов директор одного из архивов, контролируя сделанные мною выписки из документов, спросил: «Зачем вы выписываете негативную информацию, ведь вы ее нигде и никогда не опубликуете?» Через 20 лет оказалось, что он ошибался, но в момент нашего разговора я об этом не знал.

Во-вторых, это индивидуальная субъектность, которую можно представить в виде фильтра, включающего вкус, личное мировоззрение, интересы, настроение и т.д. Внешний мир воспринимается через этот фильтр. В результате одни его элементы оказываются незамеченными, а другие толкают взяться за фотокамеру.

Внимание избирательно. С одной стороны, его приковывают объекты, физически выделяющиеся на общем фоне своим размером, ярким цветом, необычным поведением, эстетическими характеристиками и т.д. С другой стороны, объект выделяется необычностью на фоне опыта наблюдателя [Ильин и др., 2020: 74–94].

Контекстуальность социальных данных

Исследователь всегда сталкивается с методологической проблемой, порожденной противоречием между относительно масштабной цельностью социальной реальности и инструментарием, позволяющим зафиксировать ее лишь путем дробления на «пиксели» данных. В полной мере эта проблема неразрешима: в мире все взаимосвязано. В микроситуации социального взаимодействия часто без труда прослеживается влияние глобальных трендов. Сбор эмпирических данных требует жесткого ограничения рамок объекта в пространстве и времени. В противном случае обнимающий все быстро обнаруживает, что обнимает пустоту.

При сборе визуальных данных противоречие между необходимостью учета контекста и неизбежностью кадрирования стоит особенно остро. Кадр по своей физической природе направлен на вырывание ситуации «здесь и сейчас» из безграничности пространства и времени. Простое изменение границы кадра нередко влечет за собой качественный сдвиг в смысле визуальных данных.

Кейс: Портрет девушки в социальном контексте (февраль 2023 года)

Цель данного кейса — демонстрация того, как изменение границы кадра качественно меняет контекст. И это превращает кадрирование в серьезную методологическую проблему.

Если кадр ограничить лицом девушки, то почти полное отсутствие социального контекста открывает безбрежный простор для домысливания. Лишь представления о расах ставят предел этому полету фантазии. Эта девушка могла жить где угодно и когда угодно, и только наличие фотокамеры ограничивает исторические рамки. Такой снимок не может быть социологическим документом.

Рисунок 2. Фото.
Источник: сделано автором.

Но вот мы раздвигаем кадр, и в него попадает билборд с изображением мифологизированного героя кубинской революции. И перед нами уже снимок, иллюстрирующий идею верности кубинской молодежи заветам бесстрашных дедов. Здесь портрет девушки погружен в контекст революционной идеологии, и это формирует смысл снимка.

Куба на протяжении длительного исторического периода (начиная с 1959 года) была форпостом прогрессирующей мировой социалистической революции, противостоящей мировому империализму во главе с США. Символом революционной романтики все эти годы был Че Гевара, сражавшийся за дело революции не только на Кубе, но и в других странах Латинской Америки и Африки. Многие тысячи кубинцев следовали его примеру и погибали на фронтах этой революции вдали от дома.

Рисунок 3. Фото.
Источник: сделано автором.

Но вот мы снова раздвигаем рамки кадрирования, и на снимке уже девушка, одетая в модную фирменную одежду. Бренд Рита логически не соответствует портрету Че Гевары, но достоверно отражает формирующийся на Кубе

культурный компромисс в духе постмодерна: цитаты из романтических революционных мифов сочетаются с цитатами глобального общества потребления. Татуировка на руке такая же, какие набивают миллионы молодых людей по всему миру, в ней нет и намека на революционные идеалы.

Средняя зарплата на Кубе — 20 долларов в месяц, но этот факт никак не вяжется с обликом девушки. Проблема сдвигается из культуры в социально-экономическую сферу. Снимок провоцирует вопросы.

Изменяем границы кадра и ракурс, и в новом контексте мы видим уже не просто кубинскую девушку, а официантку сельского ресторана. Привлекая иные источники, мы находим объяснение портрета: на современной Кубе разрешены контакты с родственниками-эмигрантами, которые завозят на остров подарки буквально мешками и огромными сумками, участвуют на паях с местными жителями в создании ресторанов и отелей. Данная официантка работает в одном из таких частных ресторанов, вход в который украшен постером с Че Геварой.

Рисунок 4. Фото.
Источник: сделано автором.

Рядом с героиней репортажа стоит ее коллега в схожей одежде. Таким образом, девушка не является исключением. В новый кадр попадает несколько посетителей ресторана. По одежде и лицам они никак не похожи на пожилых кубинцев.

Там, где кончается объяснительный потенциал видеоискателя, подключаются возможности триангуляции источников. И оказывается, что это поселение является достопримечательностью, привлекающей туристов в первую очередь из Канады и Западной Европы, хотя встречаются посетители и из иных

стран. Американцам запрещено летать на Кубу, поэтому прямых рейсов нет, но желающие добираются с пересадкой в одной из стран Карибского бассейна. Больших гостиных здесь нет, большая часть местных жителей сдает туристам отдельные комнаты, выплачивая налог государству и получая специальное разрешение. Суточная аренда такой комнаты обходится примерно в 20 долларов. Обедают туристы в ресторане. Счет на одного человека, в зависимости от аппетита, колеблется от 10 до 20 долларов. В этом контексте постер с иконографическим ликом Че Гевары теряет свой изначальный идеологический смысл, превращаясь в туристическую экзотику, в фон, на котором любят фотографироваться иностранные туристы.

Если погрузить портрет официантки в контекст исторического времени, то трудно удержаться от вывода о том, что нечто очень похожее мы уже знаем из курса истории. В единичном снимке просматривается логика трансформации государственного социализма. В СССР это была новая экономическая политика, которая в 1921 году пришла на смену «военному коммунизму» и опиралась на широкое допущение частного бизнеса при сохранении ключевых позиций за государственным сектором. Затем такой же синтез капитализма и государства мы наблюдали в СССР в период перестройки в конце 1980-х годов и во всех странах государственного социализма в период их перехода к капитализму.

Таким образом, простой портрет в сочетании с принципом триангуляции ведет нас к широкой панораме социально-экономической и идеологической трансформации кубинского общества государственного социализма.

Контекст снимка относителен: каждый смотрит через собственные культурные фильтры. Для сглаживания этого неравенства используется атрибутация снимка, то есть описание ситуации, в которой он сделан, и комментарии, связывающие зафиксированные образы с контекстом, находящимся за пределами видимости.

Восприятие визуальных данных

На действия исследователя с камерой воздействуют его представления о возможной реакции адресатов, которые увидят снимок, и снимаемых объектов. Эти соображения, напоминающие диалог автора с редактором и цензором, влияют на то, что и как будет снято. Снимок, чреватый негативной реакцией, имеет немного шансов не только быть обнародованным, но и просто быть сделанным. Так, фотограф сто раз подумает, сомневаясь, можно ли фотографировать людей, переживающих трагедию или находящихся в компрометирующей их ситуации (неубранная комната, неадекватное поведение).

Визуальные данные — это не только то, что снято, но и то, что увидено. Люди смотрят на фотографии через разные линзы своей субъектности. В результате один и тот же снимок может иметь разную судьбу: оказаться в центре внимания или остаться незамеченным, вызвать взаимоисключающие интерпретации.

Очевидность фотографий как социологических данных ограничена культурными возможностями того, кто их рассматривает. Зафиксированные образы — это такие же коды, как и слова, числа. Образы декодируются через доступный пониманию контекст жизненного мира. Ключевым фактором является его адекватность установкам интерпретаторов.

Как отмечает Сьюзен Сонтаг, американская публицистка очень болезненно реагировала на фотографические свидетельства жестокости своей армии во Вьетнаме, но ничего подобного не было в период не менее жестокой войны в Корее. «Публицистка не видела этих фотографий потому, что идеологически для них не было места» [Сонтаг, 2013: 31–32].

Снимок, противоречащий ценностям, установкам и взглядам того, кому он попался на глаза, вызывает болезненное состояние когнитивного диссонанса. Под ним понимается ментальный конфликт, возникающий в ситуации, когда новая информация противоречит убеждениям и предубеждениям. Возникающее напряжение снимается теми или иными защитными уловками: новая информация отвергается, ее избегают или пытаются интегрировать в уже существующую систему взглядов [Фестингер, 2018]. От фактов, вызывающих когнитивный диссонанс, стараются избавиться, как от соринки в глазу.

Проблема достоверности визуальных данных

Если данные — это социальные конструкты, то они неизбежно окутаны облаком сомнений в их достоверности и доказательной силе. Однако фотографии не менее достоверны, чем все иные социологические данные. И к ним применимы обычные методы проверки.

Триангуляция

Это взгляд на объект исследования с разных сторон, что позволяет получить о нем объемное впечатление и минимизировать ошибки интерпретации. Иначе говоря, достоверность снимка перепроверяется. К данной проблеме вполне применимы традиционные методы триангуляции: (1) источников; (2) наблюдателей; (3) методологий. Она не снимает сомнения, но минимизирует их.

Репутация автора

Репутация — это распространенная форма социального контроля. В данном случае речь идет о социальном контроле автора снимка со стороны публицистки — как профессионального сообщества, так и всего круга людей, оценивающих его снимок. Репутация оценивается по качественной шкале «позитивная/негативная» или количественной — «высокая/низкая».

Репутация — это не только оценка, но и социальный институт, ее дающий, а его состояние может быть разным. Одно из них — «банкротство репутации в разных профессиональных сообществах» [Zhao, 2016: 362]. Репутация как социальный институт включает в себя комплекс ценностей (оценка ради чего?) и правил присвоения репутационных индексов.

Репутация тесно связана с социальным статусом, но не является его синонимом. Социальный статус можно описать как комплекс прав, обязанностей и социальных ожиданий, приписанных к позиции в социальном пространстве. Репутация — это оценка социальных ожиданий. В ней есть два компонента. (1) Позиционная репутация, присваиваемая статусной позиции. Это оценка ожиданий, связанных с тем, что автор снимка занимает определенную должность, работает в какой-то организации. Неважно, кто он: репутацией наделяются его должность и организация. Из нее вытекает оценка достоверности снимка. (2) Личная репутация — это оценка автора как индивидуума по шкалам профессионализма, честности, готовности к компромиссам и т.д. Репутация определяет степень достоверности, приписываемой визуальному факту.

Убедительность процедуры

Новичок в спорных случаях сталкивается с отсутствием репутации. Ее дефицит может быть компенсирован подробным анализом процедуры съемки, честным признанием методологических сомнений.

Заключение

Как в строительстве качество архитектурного сооружения зависит от параметров использованных материалов, так и в визуальном социальном исследовании теоретически аналогичную роль играют данные полевого исследования. Их интерпретация в существенной мере определяется процедурой их получения. Путь определяет качество достигаемого результата.

Визуальные данные по самой своей природе имеют противоречивый характер. С одной стороны, они представляют собой физический отпечаток реальности. Это обусловлено технологией фотосъемки как чисто физического процесса фиксации лучей света, в котором, как кажется на первый взгляд, нет места субъектности. Однако абсолютизация этого качества чревата переоценкой достоверности фотографии, что и было характерно для раннего этапа ее истории. С другой стороны, данные созданы наблюдателем, который не может не оставить своё отражение на их содержании и форме. Любой продукт (будь то снимок, интервью или данные опросов) несет на себе отпечаток создавшего его инструмента и мастера. Оценка достоверности данных предполагает анализ процесса их получения и рисков влияния предвзятости.

В процессе социального конструирования визуальных данных можно обозначить несколько качественно различных этапов. (1) Выделение наблюдателем в неразрывном потоке социальной реальности «пикселей» фактов. Социальная реальность имеет нерасчлененный характер — в ней все связано нитями причинно-следственных связей, границы между узлами социального взаимодействия размыты. Наблюдатель, чтобы что-то сфотографировать, должен эту реальность расчленить на логически цельные части. (2) Сортировка социальных фактов. Наблюдатель приписывает им статус «важных», «любопытных» или выводит за скобки своего внимания. Основная

часть наблюдаемой реальности охватывается скользящим взглядом, не замечается или, будучи замеченной, тут же забывается. (3) Кадрирование, адекватное предмету исследования. С помощью видеоискателя наблюдатель вычленяет в реальности объекты, достойные внимания и адекватные задачам исследования. (4) Выделение в кадре элемента, по которому производится фокусирование. Что-то оказывается в центре с помощью наводки резкости, что-то остается размытым фоном. (5) Выбор момента создания кадра. Время — это непрерывный поток, но технология фотографии предполагает его разрыв, выделение в нем момента, достойного фиксации. (6) Сортировка полученных кадров. Одни по разным причинам стираются, другие попадают в базу данных. (7) Обработка снятого кадра (обрезка «лишнего», корректировка фокусировки внимания с помощью уровня освещенности и т.д.). В процессе движения от этапа к этапу наблюдения социальные факты превращаются в данные как материал для дальнейшего анализа. Под фактом в данной статье понимаются элементы объективной реальности, которые исследователь выделяет как важные факторы, влияющие на прочие процессы. С одной стороны, факт еще принадлежит нерасчлененной объективной реальности, а с другой — он уже выделен из нее в сознании наблюдателя и получил точное или туманное определение. Данные же имеют иную физическую природу: это результат фиксации фактов, придание им формы, делающей их пригодными для анализа.

Все социологические данные являются социальными конструктами. Фотоснимки, полученные в полевом исследовании, не представляют собой исключения. Их достоверность обеспечивается, во-первых, анализом процедуры их получения, чреватой субъективацией реальности, во-вторых, использованием триангуляции источников, наблюдателей и методологий; в-третьих, репутацией исследователя.

Литература

- Беньямин В.* Московский дневник. М.: Ad Marginem, 1997.
- Беньямин В.* Бодлер. М.: Ad Marginem, 2015.
- Ватолина Ю.* Метод наблюдения в социологии. СПб.: Издательство С. — Петербургского университета, 2006. EDN: [QNZKUZ](#)
- Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.
- Ильин В. И.* и др. Двое в обществе: интимная пара в современном мире / Под ред. И. В. Ломакина. М.: ВЦИОМ, 2020.
- Кареев Н. И.* Введение в изучение социологии. М.: Издательство Юрайт, 2018.
- Руйе А.* Фотография между документом и современным искусством / Пер. с фр. М. Михайловой. СПб.: Клаудберри, 2014.
- Сонтаг С.* О фотографии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013.
- Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса. М.: Э, 2018.
- Шкловский В.* О теории прозы. М.: Издательство «Федерация», 1929.
- Штомпка П.* Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник. М.: Логос, 2007. EDN: [QOHERV](#)
- Emmison M., Smith Ph.* Researching the Visual. London: SAGE, 2000.

Maresca S., Meyer M. Précis De Photographie à L'usage Des Sociologues. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2013. DOI: <https://doi.org/10.7202/1052140aradressescopiéeneerreur s'est produite>

Zhao B. Reputation as Social Control in Present China: Use, Misuse, Abuse, and Bankruptcy // Asian Journal of Comparative Law. Vol. 10. № 2. P. 359–379. DOI: <https://doi.org/10.1017/asjcl.2015.16>

Сведения об авторе:

Ильин Владимир Иванович — доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** ivi-2002@yandex.ru. **РИНЦ Author ID:** 72354; **ORCID ID:** 0000-0002-3658-8112.

Статья поступила в редакцию: 14.09.2023

Принята к публикации: 12.10.2023

БАК: 5.4.1

Visual Sociological Data as a Social Construct

DOI: 10.19181/inter.2023.15.4.5

Vladimir I. Ilyin

St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia

E-mail: ivi-2002@yandex.ru

The interpretation of visual data obtained in a field study is substantially determined by the procedure for obtaining them. The purpose of the article is to analyze the process of social construction of visual sociological data by a researcher with a camera. Visual data are contradictory. On the one hand, the data represent physical imprint of reality. This is due to the technology of photography. The absolutization of this quality is fraught with overestimation of the authenticity of photographs. On the other hand, data are created by an observer who cannot but leave his/ or her mark on their content and form. The interpretation of visual data of the field research requires to take into account the nature of this print.

In the process of social construction of visual data, several qualitatively different stages can be distinguished. (1) The observer's identification of "pixels" of facts in the unbroken stream of social reality. (2) Sorting them. He/ or she gives them the status of "important", "curious" or puts them out of the brackets of observer's attention. The very process of creating data is already their interpretation. (3) Framing adequate to the subject of the study. (4) Selection in the frame of the element on which focusing is performed. (5) Selecting the moment of picture creation. (6) Sorting of received pictures. Some are erased for various reasons, others get into the database. (7) Processing of the picture (cropping "excess", adjusting the focus of attention using the light level, etc.). In the process of moving from stage to stage of observation, sociological facts turn into data as material for further analysis.

All sociological data are social constructs. The photographs obtained in the field study are no exception. Their reliability is ensured, firstly, by the analysis of the procedure for obtaining

them, fraught with subjectification of reality, secondly, by the use of triangulation of sources, observers and methodologies; thirdly, by the reputation of the researcher.

Keywords: social fact; visual data; life world; objectivism; constructivism

References

- Benjamin W. (1997) *Moskovskij dnevnik* [Moscow Diary]. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)
- Benjamin W. (2015) *Bodler* [Baudelaire]. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)
- Durheim E. (1991) *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sociologii* [On the Division of Social Labor. The Method of Sociology]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Emmison M., Smith Ph. (2000) *Researching the Visual*. London: SAGE.
- Festinger L. (2018) *Teoriya kognitivnogo dissonansa* [Cognitive Dissonance Theory]. Moscow: E. (In Russ.)
- Ilyin V. I. et al. (2020) *Dvoe v obshchestve: intimnaya para v sovremennom mire* [The Two in the Society: Intimate Couple in the Contemporary World]. Ed. by I.V. Lomakin. Moscow: VCIOM. (In Russ.)
- Kareev N. I. (2018) *Vvedenie v izuchenie sociologii* [Introduction to the Study of Sociology]. Moscow: Izdatelstvo Yurajt. (In Russ.)
- Maresca S., Meyer M. (2013) *Précis de photographie à l'usage des sociologies* [Precise Photography for the Use of Sociologies]. Rennes: Presses Universitaires de Rennes. (In French) DOI: https://doi.org/10.7202/1052140aradressescopiéeuneerreur_s'est_produite
- Ruje A. (2014) *Fotografiya mezhdokumentom i sovremennym iskusstvom* [Photography Between Document and Contemporary Art]. Transl. from French by M. Mihailova. Saint Petersburg: Kludberri. (In Russ.)
- Sontag S. (2013) *O fotografii* [On Photography]. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)
- Shklovskij V. (1929) *O teorii prozy* [On the Theory of Prose]. Moscow: Izdatelstvo "Federatsiya". (In Russ.)
- Shtompka P. (2007) *Vizualnaya sociologiya. Fotografiya kak metod issledovaniya: uchebnik* [Visual Sociology]. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Vatolina Yu. (2006) *Metod nablyudeniya v sociologii* [The Method of Observation in Sociology]. St. Petersburg: Izdatelstvo S. — Peterburgskogo universiteta. (In Russ.)
- Zhao B. (2015) Reputation as Social Control in Present China: Use, Misuse, Abuse, and Bankruptcy. *Asian Journal of Comparative Law*. Vol. 10. No. 2. P. 359–379. DOI: <https://doi.org/10.1017/asjcl.2015.16>

Author Bio:

Vladimir I. Ilyin — Doctor of Sociology, Professor, St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** ivi-2002@yandex.ru. **RSCI Author ID:** 72354; **ORCID ID:** 0000-0002-3658-8112.

Received: 14.09.2023

Accepted: 12.10.2023

Исследовательская рефлексия

DOI: 10.19181/inter.2023.15.4.6
EDN: AQONVJ

Протокол завершения интервью

Ссылка для цитирования:

Рогозин Д. М. Протокол завершения интервью // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 4. С. 115–124. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.4.6> EDN: AQONVJ

For citation:

Rogozin D. M. (2023) Interview Completion Protocol. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 15. No. 4. P. 115–124. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.4.6>

Рогозин Дмитрий Михайлович

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Москва, Россия

E-mail: rogozin@ranepa.ru

В статье поднимается вопрос о необходимости разработки четких процедур и регламентов завершения интервью, которые бы позволили интервьюеру, независимо от типа интервью, не только оставить хорошее впечатление о себе, сохранить эмпатические отношения, но и не нарушить основы исследовательской этики, соблюсти высокие стандарты проведения полевых работ. Читателю предлагается протокол завершения интервью, состоящий из четырех требований, выполнение которых гарантирует успешное завершение даже самого трудного разговора. Речь не идет о некотором наборе инструкций, скорее представлены базовые рекомендации, ориентиры, руководствуясь которыми интервьюер сможет выработать собственные коммуникативные приемы завершения интервью. Представленный протокол универсален, подходит к качественным и количественным интервью.

Ключевые слова: качественные и количественные методы; исследовательское интервью; профессия интервьюер; полевое исследование

В начале 2010-х годов мы с коллегами из РАНХиГС запустили исследовательскую программу по методическому аудиту массовых опросов. Нельзя сказать, что раньше этим никто не занимался, но так вышло, что в 2015 году

один за другим начались масштабные общероссийские проекты, в которые нужно было привлекать внешних исполнителей — не отдельных социологов, а целые исследовательские коллективы, команды полевых интервьюеров, региональные опросные центры. Сразу же обнаружилось массовые фабрикация и фальсификации, отклонения от опросных заданий, о чем немало написано в статьях и книгах, как наших коллег [Вьюговская, Галиева, Рогозин, 2014; Рогозин, Галиева, 2014; Рогозин, Ипатова, 2012; Рогозин, Картавец, Галиева, Вьюговская, 2016], так и, увы, в большинстве случаев зарубежных (см., например: [Bredl, Storfinger, Menold, 2011]). В России качество количественных исследований в опросной индустрии приравнивается к репутации, поэтому о своих опросах исследователи толкуют либо хорошо, либо никак. Критический разбор реализованных выборок, оценки смещений, расчет ошибок репрезентации и измерения не найти ни в отчетах, ни в устных выступлениях. Эти темы закрыты не только для публики, но и для самих исследователей.

Мы не пытались исправить эту сложную ситуацию и не видели себя «героями рынка». На нашем небольшом участке работы мы поставили перед собой две задачи: во-первых, разобраться в ошибках, которыми переполнены данные, во-вторых, снизить их уровень до приемлемой величины. Поэтому основная наша работа была посвящена измерению ошибок и обучению полевых интервьюеров. За последующим потоком методической рефлексии, наставлений, рекомендаций, тренингов ушли в маргиналии наблюдения об особенностях завершения интервью. Тогда на фоне массовых фабрикаций (много ли изменилось теперь — вопрос открытый), постановки спектаклей по заполнению анкет и прочих техник, призванных очаровать заказчика сделанной работой, ремонт сбоев завершения интервью представлялся важной, но не первоочередной задачей. Много чего надо было решить и поправить в опросной технологии, и за этой суетой так и ушло в прошлое недоумение от неожиданно обрываемых интервью.

Итак, о главном — об исследовательском интервью.

Вежливому завершению интервью мы посвятили небольшой раздел в книге о стандартизированных телефонных интервью [Рогозин, Ипатова, Галиева, 2018: 271–276]. Но этого явно недостаточно. Тема завершения куда более сложная и важная, отнюдь не только этикетная [Стернин, 1996], чтобы ограничиваться небольшим разделом.

Стандартизированные исследовательские интервью порой идут долго, до часа. Хотя многие исследователи, пытаясь склонить человека к участию в интервью, указывают на 10–15 минут, достаточно посмотреть на многостраничную анкету, чтобы понять: ответственное заполнение всех граф требует куда больше времени. И с напряженной, вдумчивой беседой, долгими вопросами и ответами часто резонирует скорость окончания интервью. Как только интервьюер доходит до последнего вопроса, он благодарит, скороговоркой проговаривает дежурное «ваши ответы очень важны для нас» и спешно удаляется, оставляя в недоумении собеседника, которому всего-то несколько минут назад улыбался и во всем потакал.

Не могу забыть одну сцену, произошедшую в 2014-м, во время очередного методического аудита в Ульяновской области. Я подъехал к крепкому деревенскому дому, с высокой изгородью, большим земельным участком, баней, дворовыми постройками и прочими атрибутами зажиточной сельской жизни. Адрес был указан в карте достижимости. Респондентом значилась женщина пенсионного возраста.

Хозяйка оказалась дома. Я задавал дежурные вопросы о том, было ли интервью, какие вопросы спрашивали, насколько вежливым была интервьюер и прочее, привычные параметры для проведения методического аудита. В середине беседы женщина неожиданно прервала мой поток вопросов:

«— Знаете что, я ведь самая ответственная в семье. Своим всегда говорю: не открывайте дверь чужим, не берите трубку с незнакомых номеров, не останавливайтесь на улице в городе. Всегда. А тут — как будто наваждение какое. Я ведь девушке все рассказала. Сколько сама получаю, сколько муж получает, сколько дети в городе получают, какое жилье у всех, какого года машина, сколько внуков, сколько детей, какого года, где учатся, где работают. Ох, — споткнувшись и выдержав паузу, женщина продолжила. — Даже об аборте рассказала, о любимых мужчинах. Там такие вопросы были! Я потом несколько ночей не могла уснуть, все думала, ну что я за дура. Идиотка! — И вновь пауза. — И знаете что? — Что?»

— Я у нее даже паспорт не спросила, — до этого, видимо, вспоминая, она смотрела в сторону, а тут подняла голову и глаза в глаза.

— А у меня вы спросили?»

Пауза куда большая, чем предыдущая. Женщина смотрела на меня с изумлением. Конечно, успокоил, рассказал о нас, паспорт вовсе не потребовался. Но тот разговор впечатался в память. Как легко, оказывается, создать впечатление, увлечь разговором, подтолкнуть к откровению, невысказанному даже с родными, — и оставить потом с недоумением, страхом и горечью. Смышленная, шустрая молодая девчушка-интервьюер (потом по базе было видно, как много интервью она взяла в самых разных группах) быстро и непринужденно заговаривала с незнакомцами, входила в доверие — и оставляла их в полном недоумении.

Завершение интервью не регламентируется в стандартизированном опросе, предполагается, что интервьюер сам справится без каких-либо подсказок, разве что в конце анкеты пишется дежурное «спасибо», не более того. И может показаться, что проблема завершения интервью присуща лишь стандартизированным формам коммуникации, в которых изначально интервьюер более подобен роботу, нежели живому человеку. Отнюдь нет, в любом разговоре, затрагивающем те или иные моменты жизни человека, построенном на эмпатии, проходящем через возможные конфликты или непонимания, нельзя недооценить важность прощания. Запрос на внятное

и четкое описание способов завершения интервью я слышал не только от социологов, но и от этнографов, фольклористов, исследователей города, муниципальных депутатов — всех, кому приходится встречаться с незнакомыми людьми, устанавливать отношения, узнавать подчас весьма интимные подробности их частной жизни.

Много раз я задавался вопросом, как завершать интервью, обсуждал эту тему с коллегами, искал в статьях. За последний год эта тема стала чаще возникать в вопросах слушателей в студенческих аудиториях, на конференциях, семинарах, но мало что удавалось найти в научной литературе на эту тему (см., например, редкие статьи о значимости прощания в разговоре и интервью: [Ипатова, 2012; Bakken, 1977; Hargie, Saunders, Dickson, 1994: 161–174; 138–139; Warren, 2012]). Сергей Белановский в представлении глубинного интервью отмечает, что, заканчивая беседу, следует стремиться сохранить хороший климат общения, достигнуть обоюдодриятного завершения разговора, оставить респондента с ощущением значимости встречи [Белановский, 2001]. И это все — дальше нужно самому придумывать способы обоюдодриятности и значимости. Вместе с тем завершение интервью — самый важный, точный, отрезвляющий этап, по которому видно, насколько ты состоялся как интервьюер, и одновременно это этап самый незаметный, игнорируемый. Как же тогда правильно завершать интервью? Каким должен быть протокол завершения интервью?

Обычно на эти вопросы нет ответов. Нерадивые социологи считают, что, собрав информацию, нужно спешно удалиться, пока респондент не опомнился и не взял свои слова обратно. Радивые, как тот же Белановский, полагают, что завершение интервью — частное дело социолога, его личное решение, достаточно лишь дать ему общие указания, настроить на волну ответственного, этически безупречного собеседника. И те, и другие не правы. Как содержательные вопросы требуют гайда, хотя бы пунктирной схемы интервью, позволяющей отличить его от обыденного разговора [Семенова, Рождественская, 2020: 96–97], так и завершение интервью требует протокола — правил и норм, позволяющих безболезненно и осмысленно закончить коммуникацию даже на самые сложные, сенситивные темы.

Каким я вижу протокол завершения интервью? По пунктам.

1. Завершение интервью должно планироваться и составлять значимую часть совокупного времени разговора с респондентом.
 - 1.1. Завершение интервью после последнего анкетного вопроса, содержательного блока гайда должно занимать не меньше времени, чем начало интервью. Установление договоренностей важно как в начале, так и в конце встречи, и времени на это нужно уделять не меньше.
 - 1.2. Если разговор вышел на травмирующую респондента тему, изначально респондент находился в депрессивном состоянии, горевал, выказывал в ходе интервью беспокойство и тревогу, завершение интервью должно занимать еще больше времени, а порой быть сопоставимым со временем всего содержательного разговора.

- 1.3. В сложных интервью, в которых есть риск изменения состояния респондента, погружения его в трудные воспоминания, возвращения к травмирующему опыту [Dempsey, Dowling, Larkin, Murphy, 2016], отменяются или пересматриваются все предыдущие договоренности, временные ограничения, обязательства перед супервайзером или опросной компанией. Респондент всегда прав, и нужно уделить ему столько времени, сколько требуется, чтобы оставить человека в спокойном, рассудительном и благодарном состоянии. Это требование определяет этичность опросной компании, сумевшей наладить правильные регламенты проведения полевых работ.
2. Основным содержательным компонентом завершения интервью выступает возвращение к информированному согласию [Ипатова, Рогозин, 2014: 29–30; Рогозин, Ипатова, Галиева, 2018: 66–67].
 - 2.1. В начале интервью, даже получив формальное согласие, интервьюер не может донести до респондента особенности будущего разговора, поэтому по его завершении требуется не только повторить основные пункты информированного согласия (кто проводил интервью, кто заинтересован, для чего интервью, с кем проводятся, какие могут быть последствия), но и расширить их, попытаться поговорить о непонятных респонденту аспектах, о тех угрозах, которые существуют как для респондента, так и для интервьюера.
 - 2.2. Полезно не ограничиваться формальным названием организаций, участвующих в опросе, указанием источников финансирования и прочим — следует поделиться личным опытом, обозначить себя. Интервью — прежде всего разговор, который ведется между людьми, а не просто сбор информации.
3. Недопустимо обрывать разговор с последним вопросом [Рогозин, Ипатова, Галиева, 2018: 146–147], даже если респондент ничего не требует, не спрашивает и как бы ожидает инициативы от интервьюера. Для этого имеется целый арсенал коммуникативных средств.
 - 3.1. Перевести разговор на нейтральную тему, задать вопросы, имеющие отношение к контексту: обстановке, в которой проводилось интервью, поинтересоваться вкусами и предпочтениями, сделать комплимент, подтолкнуть респондента к разговору о том, что может вызывать улыбку, теплые воспоминания.
 - 3.2. Предложить респонденту самому резюмировать разговор [Dempsey, Dowling, Larkin, Murphy, 2016; Murray, 2003]. Спросить, что он думает об анкете или гайде, насколько в целом полезны такие встречи, было ли ему хоть немного интересно, важно, полезно, любопытно в ходе разговора. Завершая интервью, следует передать инициативу респонденту, на время поменяться с ним ролями, предложив задавать вопросы и самому развернуто ответить на них [Mann, 2016].
 - 3.3. Поблагодарить, улыбнуться, проявить эмпатию, предложить обняться [Mitchell, 2011]. Именно прощаясь, уместно сделать какой-то небольшой подарок (плитку шоколада, коробку конфет, ручку или блокнот и т.д.).

- 3.4. Важнейший элемент прощания — формирование установки о значимости самой встречи, независимо от ее результатов. Интервью для респондента должно стать значимым фактом дня, подтверждением значимости его жизни для интервьюера и для него самого [Омельченко, 2020]. Информация может быть полезной или бесполезной, но сам факт состоявшегося разговора имеет огромное значение. Подведение итогов разговора [Mann, 2016] позволяет включить респондента в исследование, показать его значимость. Билл Гиллхам [Gillham, 2005] рекомендует в завершении интервью остановиться на следующих моментах: ключевых вопросах, прозвучавшем согласии или разногласии, тематике, требующей дальнейшего уточнения или исследования, советах респондента о дальнейшем проведении исследования. Важно резюмировать, что вы вынесли из интервью как интервьюер, чему вас научил респондент.
4. Основная цель завершения интервью — сделать недопустимой ситуацию, в которой после ухода интервьюера респондент остается в недоумении, с вопросами: и что все это было, зачем я потратил это время, зачем я был настолько откровенен?

Социологи-качественники избегают стандартизации своей деятельности, уповают на спонтанность и естественность разговора. Количественные социологи, напротив, полностью полагаются на стандартизацию, отказывая себе в критическом взгляде на происходящее, не принимая во внимание иллюзорность и ироничность того знания, которое они пытаются воспроизвести шаблонными, бессмысленными (в прямом значении этого слова) методами точного следования предзаданным процедурам. Но поскольку в привычку многих качественных интервьюеров уже вошла стандартизация получения информированного согласия, а у количественных уже не так редки разговорные форматы стандартизированных интервью, я полагаю, что размышление над протоколом завершения интервью, а затем его принятие и последующее наблюдение за отклонениями не будет лишним ни для количественных, ни для качественных социологов.

И здесь важно сделать одно предупреждение. Мы склонны воспринимать методические описания, нормативные документы, инструкции как обязательные к исполнению требования. Отсюда чувство неловкости или недоумения, когда возникают сбои и смещения. У кого-то это приводит к сокрытию произошедшего (читай, фабрикациям или фальсификациям), у кого-то — к полному отказу от услышанного или прочитанного. Если все равно не работает, если особенности реального общения никак не умещаются в установленные правила, зачем нужны нормативные высказывания? Зачем создавать списки, требования, протоколы? Зачем нужен протокол завершения интервью, если он не будет полностью выполняться ни в одном конкретном интервью?

Протокол завершения интервью необходим не для того, чтобы принуждать себя к невыполнимым обязательствам, испытывая затем стыд или разочарование от их невыполнения. Протокол нужен для организации систематического наблюдения за собой как основным базовым инструментом получения информации, установления отношений и сохранения этически осмысленной

позиции, то есть для удовлетворения собственного исследовательского интереса при отсутствии угроз тем, кто этот интерес удовлетворяет. Напротив, каждое социальное исследование должно приносить пользу обоим участникам. Социология, антропология, этнография — это не правила игры с нулевой суммой, когда выигрыш одного неумолимо приводит к проигрышу другого. Напротив, добротная организация исследования позволяет определить ситуацию таким образом, чтобы польза от общения была обоюдной, чтобы смыслы в исследовании находили все его участники.

Одним из ключевых элементов организации осмысленной исследовательской ситуации для всех выступает протокол проведения основных этапов интервью, из которых завершение (именно для цели установления смысла происходящего) является основным. Наблюдая за происходящим, за собой, имея заранее подготовленные нормативы, исследователь получает шанс увидеть, различить происходящее, по отклонениям обнаружить допущенные ошибки как в своей работе, так и в работе тех, кто составил протокол. Нет безусловных, постоянных и единых для всех ситуаций требований того, как себя вести с респондентами. Единственное требование заключается в том, что нужно наблюдать за собой и все шаги и действия переводить из режима спонтанности в режим осмысленного действия, оправданного исследовательским заданием и этическими принципами. Для осуществления такого наблюдения нужно располагать принципами не только на уровне правильного и хорошего исследовательского поведения, но и процедурного, пошагового, регламентирующего коммуникацию. Наблюдение за ошибками, сбоями, успехами и нетривиальными решениями необходимо не для самобичевания или возвышения, а для развития исследовательской процедуры или методологической рефлексии как основы любого научного проекта.

Потому не принимайте на веру сказанное, не идите вслед написанному. Сомневайтесь и критикуйте. Предлагайте свои варианты протоколов завершения интервью. Проверяйте их в деле, регистрируйте отклонения и отстаивайте свою позицию, свои правила завершения интервью. Только тогда у нас появится шанс разработать общую процедуру не для очередного текста, а для жизни, для нашей полевой работы.

Литература

Белановский С. А. Глубокое интервью. М.: Никколо-Медиа, 2001.

Вьюговская Е. В., Галиева Н. И., Рогозин Д. М. Этнография «бумажных» квартирных опросов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 5. С. 31–55. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.5.03> EDN: [TBDFDN](https://www.edn.ru/entry/TBDFDN)

Ипатова А. А. Как правильно завершить телефонное интервью // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 36–61. EDN: [PUQRRT](https://www.edn.ru/entry/PUQRRT)

Ипатова А. А., Рогозин Д. М. Условия коммуникативного успеха в стандартизированном телефонном интервью // Социологический журнал. 2014. № 1. С. 21–52. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2014.1.480> EDN: [SAISIR](https://www.edn.ru/entry/SAISIR)

Омельченко Е. Л. «Я ничем вам не помог...»: исследовательская рефлексия вслед неудачному интервью // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 1. С. 81–95.

Рогозин Д. М., Картавец В. В., Галиева Н. И., Вьюговская Е. В. Методический аудит массового опроса. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. EDN: WLJBIN

Рогозин Д. М., Галиева Н. И. Методическая (не)устойчивость массового опроса // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. 2014. № 3. С. 169–180. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2014-74-3-169-180> EDN: SZBLJS

Рогозин Д. М., Ипатов А. А. Как быстро, эффективно и безопасно сфабриковать телефонный опрос // Социологический журнал. 2012. № 2. С. 80–97. EDN: PBDWZX

Рогозин Д. М., Ипатов А. А., Галиева Н. И. Стандартизированное (телефонное интервью). М.: Издательство Пункт, 2018.

Семенова В. В., Рождественская Е. Ю. ИНТЕР-энциклопедия. Интервью. Интерпретация // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 3. С. 92–105. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.3.5> EDN: TYAAAT

Стернин И. А. Русский речевой этикет. В.: ВОИПКРО, 1996.

Bakken D. Saying Goodbye: An Observational Study of Parting Rituals // Man-Environment Systems. 1977. Vol. 7. P. 95–100.

Bredl S., Storfinger N., Menold N. A. Literature Review of Methods to Detect Fabricated Survey Data // Discussion Paper. 2011. № 56. P. 3–25.

Dempsey L., Dowling M., Larkin P., Murphy K. Sensitive Interviewing in Qualitative Research // Research in Nursing and Health. 2016. Vol. 39. № 6. P. 391–492. DOI: <https://doi.org/10.1002/nur.21743>

Gillham B. Research Interviewing: the Range of Techniques. Maidenhead: Open University Press, 2005.

Hargie O., Saunders C., Dickson D. Social Skills in Interpersonal Communication. 3rd ed. New York: Routledge, 1994.

Mann S. The Research Interview: Reflective Practice and Reflexivity in Research Processes. New York: Palgrave Macmillan, 2016. DOI: <http://dx.doi.org/10.1057/9781137353368>

Mitchell M. A Reflection on the Emotional Potential of Qualitative Interviewing // British Journal of Midwifery. 2011. Vol. 19. P. 653–657.

Murray B. L. Qualitative Research Interviews: Therapeutic Benefits for Participants // Journal of Psychiatric and Mental Health Nursing. 2003. Vol. 10. P. 233–236. DOI: <https://doi.org/10.1046/j.1365-2850.2003.00553.x>

Warren C. A. Interviewing as Social Interaction // The Sage Handbook of Interview Research. The Complexity of the Craft / Ed. by J. F. Gubrium, J. A. Holstein, A. B. Marvasti, K. D. McKinney. 2nd ed. New York: SAGE, 2012. P. 129–142. DOI: <http://dx.doi.org/10.4135/9781452218403.n9>

Сведения об авторе:

Рогозин Дмитрий Михайлович — кандидат социологических наук, директор Центра полевых исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия. **E-mail:** rogozin@ranepa.ru. **РИНЦ Author ID:** 251544; **ORCID ID:** 0000-0001-7879-1111; **ResearcherID:** 1-8374-2015.

Статья поступила в редакцию: 13.05.2023

Принята к публикации: 10.08.2023

БАК: 5.4.1

Interview Completion Protocol

DOI: 10.19181/inter.2023.15.4.6

Dmitry M. Rogozin

Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration, Moscow, Russia
E-mail: rogozin@ranepa.ru

The article raises the question of the necessity to develop clear procedures and regulations for completing interviews that would allow the interviewer, regardless of the type of interview, not only leave a good impression of himself and maintain an empathic relationship, but also not violate the fundamentals of research ethics and maintain high standards of field work. The reader is provided with a protocol for completing an interview, consisting of five requirements, the fulfillment of which guarantees the successful completion of even the most difficult conversation. We are not talking about a set of instructions; rather, basic recommendations and guidelines are presented, guided by which the interviewer will be able to develop his own communicative techniques for completing the interview. The presented protocol is universal and suitable for qualitative and quantitative interviews.

Keywords: qualitative and quantitative methods; research interview; profession interviewer; field research

References

- Bakken D. (1977) Saying Goodbye: An Observational Study of Parting Rituals. *Man-Environment Systems*. Vol. 7. P. 95–100.
- Belanovskij S. A. (2001) *Glubokoe intervyyu* [In-Depth Interview]. Moscow: Nikkolo-Media. (In Russ.)
- Bredl S., Storfinger N., Menold N. A. (2011) Literature Review of Methods to Detect Fabricated Survey Data. *Discussion Paper*. No. 56. P. 3–25.
- Dempsey L., Dowling M., Larkin P., Murphy K. (2016) Sensitive Interviewing in Qualitative Research. *Research in Nursing and Health*. Vol. 39. No. 6. P. 391–492. DOI: <https://doi.org/10.1002/nur.21743>
- Gillham B. (2005) *Research Interviewing: the Range of Techniques*. Maidenhead: Open University Press.
- Hargie O., Saunders C., Dickson D. (1994) *Social Skills in Interpersonal Communication*. 3rd ed. New York: Routledge.
- Ipatova A. A. (2012) Kak pravilno zavershit telefonnoe intervyyu [How to End a Telephone Interview]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. No. 4. P. 36–61. (In Russ.)
- Ipatova A. A., Rogozin D. M. (2014) Usloviya kommunikativnogo uspekha v standartizirovanom telefonnom intervyyu [A Formula to Communicative Success in the Structured Telephone Interview]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. No. 1. P. 21–52. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2014.1.480>
- Mann S. (2016) *The Research Interview: Reflective Practice and Reflexivity in Research Processes*. New York: Palgrave Macmillan. DOI: <http://dx.doi.org/10.1057/9781137353368>
- Mitchell M. (2011) A Reflection on the Emotional Potential of Qualitative Interviewing. *British Journal of Midwifery*. Vol. 19. P. 653–657.
- Murray B. L. (2003) Qualitative Research Interviews: Therapeutic Benefits for Participants. *Journal of Psychiatric and Mental Health Nursing*. Vol. 10. P. 233–236. DOI: <https://doi.org/10.1046/j.1365-2850.2003.00553.x>

Omelchenko E. L. (2020) "Ya nichem vam ne pomog...": issledovatel'skaya refleksiya vsled neudachnomu intervyyu ["I Didn't Help You in Any Way...": Research Reflection After a Failed Interview]. *Interakciya. Intervyyu. Interpretaciya*. [Interaction. Interview. Interpretation.]. Vol. 12. No. 1. P. 81–95. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.5>

Rogozin D. M., Kartavcev V. V., Galieva N. I., Vyugovskaya E. V. (2016) *Metodicheskij audit massovogo oprosa* [Methodical Audit of the Mass Survey]. Moscow: Izdatelskij dom "Delo" RANKhIGS. (In Russ.)

Rogozin D. M., Galieva N. I. (2014) Metodicheskaya (ne)ustojchivost massovogo oprosa [Methodical (In)stability of Mass Survey]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz* [Politeia: Analysis. Chronicle. Forecast]. No. 3. P. 169–180. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2014-74-3-169-180>

Rogozin D. M., Ipatova A. A. (2012) Kak bystro, ehffektivno i bezopasno sfabrikovat telefonnyj opros [Fabricating a Telephone Interview: Quickly, Effective and Safely]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. No. 2. P. 80–97. (In Russ.)

Rogozin D. M., Ipatova A. A., Galieva N. I. (2018) *Standartizirovannoe (telefonnoe intervyyu)* [Standardized (Telephone Interview)]. Moscow: Izdatelstvo Punkt. (In Russ.)

Semenova V. V., Rozhdestvenskaya E. Yu. (2020) INTER-ehnciklopediya. Intervyyu. Interpretaciya. [INTER-Encyclopedia: Interaction. Interview. Interpretation.]. *Interakciya. Intervyyu. Interpretaciya*. [Interaction. Interview. Interpretation.]. Vol. 12. No. 3. P. 92–105. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.3.5>

Sternin I. A. (1996) *Russkij rechevoj ehtiket* [Russian Speech Etiquette]. Voronezh: VOIPKRO. (In Russ.)

Vyugovskaya E. V., Galieva N. I., Rogozin D. M. (2014) Ehtnografiya "bumazhnyh" kvartirnykh oprosov [The Ethnography of "Paper-Based" Household Surveys]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 5. P. 31–55. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.5.03>

Warren C. A. (2012) Interviewing as Social Interaction. In: J. F. Gubrium, J. A. Holstein, A. B. Marvasti, K. D. McKinney (eds.) *The Sage Handbook of Interview Research. The Complexity of the Craft*. 2nd ed. New York: Sage. P. 129–142. DOI: <http://dx.doi.org/10.4135/9781452218403.n9>

Author Bio:

Dmitry M. Rogozin — Candidate of Sociology, Director, Field Research Center, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia. **E-mail:** rogozin@ranepa.ru. **RSCI Author ID:** 251544; **ORCID ID:** 0000-0001-7879-1111; **ResearcherID:** 1-8374-2015.

Received: 13.05.2023

Accepted: 10.08.2023

Интеракция. Интервью. Интерпретация

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(ЭЛ № ФС 77-73688 от 14 сентября 2018 г.)

Учредители – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);
Российское общество социологов
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);

Главный редактор:

Виктория Владимировна Семенова

Редакция:

Александрина Владимировна Ваньке
Елена Юрьевна Рождественская
Анна Владимировна Стрельникова
Ирина Наумовна Тартаковская

Технический редактор:

Ольга Николаевна Салангина

Компьютерная верстка:

Виталий Евгеньевич Кудымов

Корректор:

Анна Николаевна Кокарева

Журнал «Интеракция. Интервью. Интерпретация» включен в базу РИНЦ и перечень ВАК.

Все права на опубликованные материалы принадлежат редакции и авторам.

Точка зрения авторов публикуемых материалов
не обязательно отражает точку зрения редакции.

Публикации журнала не могут быть воспроизведены
в любой форме без разрешения редакции.

Требования к оформлению рукописей и порядок подачи статей
изложены на официальном сайте журнала: www.inter-fnisc.ru

2023. Том 15. № 4. Дата выхода в свет 30.12.2023.

Адрес редакции: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, каб. 513
Тел.: +7 499 128-86-18; e-mail: inter.fnisc@gmail.com

Editorial office: Krzhizhanovskogo str., 24/35, korp. 5, 117218, Moscow, Russian Federation
Ph. +7 499 128-86-18; e-mail: inter.fnisc@gmail.com